

А. АЛФЕРОВЪ, А. ГРУЗИНСКІЙ, В. НЕЛИДОВЪ, С. СМІРНОВЪ

Десять чтеній по литературѣ.

СЪ 28-ю РИСУНКАМИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

безъ перемѣнъ съ перваго, рекомендованного Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.
для библиотекъ среднихъ учебн. заведеній, учительск. институт. и семинарій,
для учительск. библиотекъ низшихъ школъ и для бесплатныхъ народныхъ
чтальнекъ, а также для награды учащимся.

809

A-53

МОСКВА

Изданіе фирмы „Сотрудникъ Школы“

1903

809

5410

A 53

Adiponol
Dessin ricksoni
no ricksoni

5410

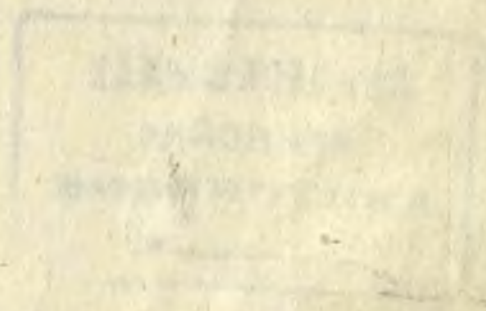
291 $\frac{14}{11}$

12-5-9
LITHO-T-1

(2)

3 1903

А. АЛФЕРОВЪ, А. ГРУЗИНСКІЙ, Ѳ. НЕЛИДОВЪ, С. СМІРНОВЪ.

ДЕСЯТЬ ЧТЕНІЙ

ПО ЛИТЕРАТУРЪ.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПѢВЦЫ. — МАКСИМЪ ГРЕКЪ. — ХУЛИТЕЛИ НАУКЪ
ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ САТИРЪ XVIII ВѢКА. — Д. И. ФОНВИЗИНЪ. — С. Т.
АКСАКОВЪ. — Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ. — В. Г. БѢЛИНСКІЙ. — ПЕТРУШКА. —
СЕРВАНТЕСЪ. — ДЕФОЭ.

СЪ 28-Ю РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

безъ перемѣнъ съ перваго, *рекомендованнаго* Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.
для библиотекъ среднихъ учебн. заведеній, учительск. инстит. и семинарій,
для учительск. библиотекъ низшихъ школъ и для бесплатныхъ народныхъ
читаленъ, а также для наградъ учащимся.

КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

Изданіе фирмы „Сотрудникъ Школъ“

1903

Издательство А. И. Мамонтова, Москва, Леонтьевский пер., д. № 5

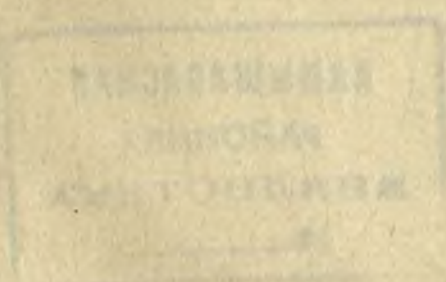
ТЕСВЪТЪ РЪСКИМЪ

ПО ЛИТЕРАТУРЪ

ВЪСЕМЪ НАЦИОНАЛЬНЫМЪ МАТЕРИЯМЪ — РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ НАУКИ — МАТЕРИЯМЪ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ИСКУССТВ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ИСКУССТВ — МАТЕРИЯМЪ

ОБЪЕМЪ ПЕРВОГО ТОМА

ВЪСЕМЪ НАЦИОНАЛЬНЫМЪ МАТЕРИЯМЪ — РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ НАУКИ — МАТЕРИЯМЪ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ИСКУССТВ — МАТЕРИЯМЪ
И МАТЕРИЯМЪ НАСАНИИ ИСКУССТВ — МАТЕРИЯМЪ

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. № 5

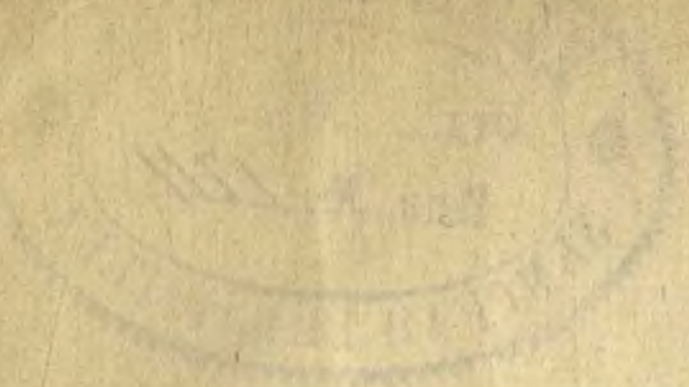
ДЕСЯТЬ ЧТЕНІЙ ПО ЛИТЕРАТУРѢ.

151

RECORDS OF THE STATE OF NEW YORK

Предлагаемые очерки назначены главнымъ образомъ для учащихся и всѣ (кромя очерка „Максимъ Грекъ“) были произнесены въ разное время въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ на воскресныхъ чтеніяхъ, устраивавшихся Учебнымъ Отдѣломъ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. Приложенный въ концѣ книги списокъ источниковъ и пособій не имѣетъ въ виду дать полный указатель литературы по данному вопросу: онъ указываетъ лишь на пособія, которыми пользовались авторы статей при ихъ составленіи. При Учебн. Отдѣлѣ имѣются коллекціи свѣтовыхъ картинъ къ предлагаемымъ чтеніямъ. Учебнымъ заведеніямъ предоставляется бесплатное пользованіе коллекціями. Обращаться къ члену Учебнаго Отдѣла Ивану Викентьевичу Юркевичу (Москва, Политехнический Музей).

The following is a list of the names of the persons who have been admitted to the office of Justice of the Peace for the year 1880. The names are arranged in alphabetical order. The names are: [illegible text]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Русскіе народныя пѣвцы.— <i>А. Грузинскій</i>	1
Максимъ Грекъ.— <i>Θ. Нелидовъ</i>	25
Хулители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII в.— <i>Θ. Нелидовъ</i> .	65
Д. И. Фонъ-Визинъ.— <i>А. Грузинскій</i>	93
С. Т. Аксаковъ.— <i>С. Смирновъ</i>	112
Д. В. Григоровичъ.— <i>С. Смирновъ</i>	135
В. Г. Бѣлинскій.— <i>А. Грузинскій</i>	155
Петрушка.— <i>А. Алферовъ</i>	175
Сервантесъ.— <i>А. Алферовъ</i>	207
Дефоз.— <i>А. Алферовъ</i>	225

В. Н. ШЕГОЛЕНОКЪ, пѣвецъ былинъ.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПѢВЦЫ.

I.

Почти всѣ мы еще на школьной скамьѣ знакомимся съ народной поэзіей,—читаемъ былины, духовные стихи, пѣсни, сказки и пословицы. Для многихъ все это такъ навсегда и остается лишь обязательнымъ учебнымъ предметомъ. Не всякому приходится увидеть въ этомъ учебномъ предметѣ источникъ интереса или удовольствія: народная поэзія похожа на очарованную принцессу въ лѣсу, красота которой открывается лишь передъ тѣмъ, кто отважно пробрался сквозь густой терновникъ. Не всякій задавался вопросомъ: какой смыслъ имѣеть эта поэзія въ глазахъ самого народа? Что вложилъ онъ въ нее и что даетъ она ему? За что любитъ народъ это свое дитя, сохраняя его и бережно неся съ собой сквозь длинный рядъ столѣтій и разставаясь съ нимъ лишь медленно, какъ бы нехотя, подъ напоромъ новыхъ условій жизни?

Прежде всего, гдѣ и какъ хранится въ народѣ его поэзія?

„Въ свѣжее майское утро“, — писалъ одинъ путешественникъ (П. Н. Рыбниковъ), — „отправился я на пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ приискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ ладно: вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль налаженъ кое-какъ, весла самодѣльные. Знакомые мои всячески отговаривали меня отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемены вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разбѣяно множество „лудъ“ (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ „Пестьянъ“ (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевезти меня въ Пудожгорскій приходъ... Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ городомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся встрѣчный вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, къ пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

„На островѣ стоитъ законченная „фатера“ — домикъ, куда въ осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бури, пріѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ — полна. Правду сказать, она была черезчуръ смраднa и грязна, и хотъ было очень холодно, но не хотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюль, вышилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и велушаться въ отдѣльные слова пѣсни: такъ радостно было оста-

ваться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ сѣдоватый старикъ съ окладистой бѣлой бородой, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-кущѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я въ послѣдствіи слышалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе, превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерской дикціей, а по правдѣ скажу, — не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія на Шуй-наволокъ.

„Леонтій Богдановичъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости. „Ты только заверни ко мнѣ“, говорилъ онъ: „такъ я и самъ тебѣ былинки напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежѣ... Одинъ, Трофимъ Григорьевъ Рябининъ, — изъ нашей же деревни Середки“.

Скоро Рябиниковъ былъ въ гостяхъ у Леонтія.

„Я бродилъ по деревнѣ“ — продолжаетъ онъ — „и перезнакомился съ многими ододеревенцами Леонтія, а вечеромъ они цѣлой гурьбой пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстные преданія, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшою сѣдвющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. „Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ“, сказалъ Леонтій.

„Послѣ обычнаго обряда знакомства я рассказалъ Рябинину про

любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его свѣтъ о какомъ-нибудь богатырѣ. — „Негоже понѣ сказывать мірскія пѣсни“, — отвѣчалъ онъ: — „понѣ постъ: набѣ (надо бы) стихи пѣть“. Тутъ я, какъ сумѣлъ, объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. — Въ стихахъ, Трофимъ Григорьевичъ, — говорилъ я, — поютъ въ назиданіе слушающимъ о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказываютъ о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и святорусскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: „Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе“. — Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось вернуть свое умѣнье предъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиной десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но удивительное умѣнье сказывать придавало особое значеніе каждому стиху. Не разъ приходилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, затѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи! Каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе *).

Вотъ пѣвцы былинь или „сказители“ (отъ сл. сказывать), уцѣлѣвшіе до нашихъ дней въ глуши угрюмаго Онежскаго края.

Почти нигдѣ въ остальной Россіи народъ уже не знаетъ былинь, но въ Олонецкой губ. старина еще не умерла, отчасти благодаря болотамъ и лѣсамъ этого дикаго края, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не знаютъ телѣги, потому что на ней не проѣдешь, а ѣздить и лѣтомъ на саняхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Гильфердингъ, ѣздившій въ Олонецкую губ. записывать былины, засталъ эпическую поэзію еще въ большой силѣ. Онъ пишетъ: „По берегамъ Кенозера поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одну и ту же былинку отъ пяти—шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время

*) Рыбниковъ, т. III-й.

вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ и изъ нихъ каждый знаетъ свои особья былины“. Гильфердингъ встрѣчалъ пѣвцовъ, знавшихъ до 20 былинь, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были почти въ 1000 стиховъ.

Хотя знаніе былинь, какъ мы видимъ, распространено на сѣверѣ, но и тамъ болѣе или менѣе крупнымъ запасомъ ихъ владѣютъ немногіе, которые и слывуть сказителями. Но пѣніе былинь вовсе не составляетъ спеціальнаго занятія Олонецкаго сказителя. Онъ — не слѣпецъ, который ходитъ по міру и кормится своимъ умѣньемъ (изъ нихъ очень немногіе слѣпы); такіе слѣпцы-калѣки есть и тамъ, но они поютъ духовные стихи и обыкновенно не знаютъ былинь. Сказитель — крестьянинъ-хозяинъ, а лучшіе пѣвцы очень часто притомъ довольно зажиточные, умные и серьезные люди. Замѣчено, что большинство хорошихъ пѣвцовъ занимаются кромѣ земледѣлія рыболовствомъ, вязаньемъ сѣтей, портняжнымъ или сапожнымъ мастерствомъ. Въ тамошнемъ краю нельзя прожить однимъ хлѣбопашествомъ и побочный промыселъ имѣеть всякій, но сами крестьяне замѣчаютъ, что другіе промыслы — звѣроловство, лѣсные работы, извозъ — мѣшаютъ усвоенію былинь и даже заставляютъ забывать то, что прежде помнилось и пѣлось. И самъ пѣвецъ, и его слушатели относятся съ полной вѣрой и живымъ интересомъ ко всему тому, что говоритъ былина; они любятъ и цѣнятъ свои „старинки“.

Долгіе зимніе вечера отъ сумерокъ до глубокой ночи проходятъ иногда за пѣніемъ былинь. Соберется народъ въ избу вязать сѣти, и сказитель — какой-нибудь деревенскій портной, странствующій изъ деревни въ деревню, — начнетъ пѣть. Подъ плавный напѣвъ былины разворачиваются передъ слушателями картины древней русской жизни, гдѣ все такъ чудно завлекательно, не похоже на сейчасъ текущую жизнь, но гдѣ въ то же время слушатель чувствуетъ много знакомаго и понятнаго въ своей душѣ. Вотъ разстилается „широко раздольице чисто поле“; богатырь въ своемъ диковинномъ вооруженіи, верхомъ на богатырскомъ конѣ выѣхалъ на „шеломя на окатистое“ и зорко вглядывается вдаль; увидѣлъ онъ въ чистомъ полѣ „чернизину“; это ѣдетъ врагъ-поленица удалая или злодѣй-воръ на хвальщина; происходитъ богатырскій бой-драка великая. Вотъ нашъ

богатырь съѣлъ на повергнутого противника, вынимаетъ чингалище булатное и готовъ пороть ему груди бѣлыя, вынимать сердце съ печеню; вдругъ въ критическую минуту оказывается, что мнимый врагъ—кровный близкій богатырю—его сынъ: неумолимое чингалище выпадаетъ изъ рукъ отца какъ разъ во-время, и у слушателей невольная дрожь ужаса смѣняется радостнымъ чувствомъ облегченія. Вотъ подь Кіевъ подступили татары, а защищать некому: „По грѣхамъ надъ княземъ учинилося: богатырей въ Кіевѣ не случилось“. Приѣхалъ отъ хана посоль съ дерзкой угрозой разорить до тла весь Кіевъ и Божьи церкви на дымъ пустить. Ласковое Солнышко-Владиміръ приужахнулся и закручинился, повѣсилъ буйну голову ниже плечъ. Въ городѣ—смятеніе, плачь. Но уже близится неожиданное избавленіе: „Какъ далече, далече въ чистомъ полѣ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ, не бѣлый кречетъ перепархиваетъ, ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ“. Со спокойной увѣренностью принимается онъ за дѣло и скоро врагъ бѣжитъ и закаивается впередъ ходить на Русь. Въ былинахъ проходятъ передъ слушателями длинной вереницей самыя разнообразныя личности: одни—героическія, сильныя тѣломъ и духомъ; грудью встрѣчаютъ они врага родины и также открыто, не задумываясь, встаютъ противъ несправедливости, — и при виѣшней грубости они понимаютъ, что такое нравственный долгъ, и ясно отличаютъ зло отъ добра. На ряду съ ними являются другія личности, съ пятнами въ характерѣ; они нерѣдко испытываютъ неудачу въ своихъ замыслахъ, и фальшивость ихъ натуры встрѣчаетъ заслуженную кару или осмѣяніе. Неторопливо течетъ эпическій разсказъ въ мѣрной мелодіи пѣвца, медленно движется событіе и смѣняется картина картиной, но тѣмъ глубже западаютъ они въ душу и тѣмъ сильнѣе очарованіе слушателей.

Всѣ, сдвинувшись къ пѣвцу, слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, лишь изрѣдка изъ чьей-нибудь переполненной души вырвется восклицаніе сочувствія или страха, одобренія или насмѣшки по адресу дѣйствующихъ лицъ. Всѣ переживаютъ въ это время рядъ глубокихъ нравственныхъ впечатлѣній. Ладожскіе рыбаки говорили Рябинину, который забрелъ къ нимъ на промыселъ: Если бы ты къ намъ жить пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, мы бы на тебя

1) Былина про Волгу и Мисгулу.

Allegro moderato

Жизнь святослава де-ня - на сто мить. Жизнь святослава де-ня ре - стаянсья, Остава-
дось отъ не - ло ча - до ми до - е. Мо-ло-дцы даяма Свято сла-во-виль,

2) Про Добрыню и Вас. Козьмюросо.

Moderato

На сест-вольству Владимиро-слав ко-стисей кати-ли же бы-мо-и-де-кня-зи-бо-а-ра, Силь-ны
пре-ски-е-мо-гу-и-е-бо-га-мь-са-жа-де-и-жальном-ко-ка-во-ло-во-бо-ни-а-ну-бо-ни-а-но-бу.

3) Стихъ про Елорія.

Lento

Да при-мисо-жа-ра-да-мь-кю-ри-се-до-ро-ро. Да при-се-го-ро-ка-ра-ми-ла-то-ра.

4) Стихъ про „Пустыню“.

Andante

Какъ рас-пла-ет-ся-младши-вну-ношъ, Ам-са-а-де-ся-ца-ре-виль.

5) Изъ репертуара кобзаря Прокопѣ Чуба.

Lento

О, го-днъ-же-изъ-а-кы-сид-а-то-по-до-ну. Дай-не-было-при-го-днъ-ли-ни-ко-ли-е-му.

6) Стихъ о Вознесени, пѣтый Изв. Троф. Рябинины, мѣ въ Москвѣ въ 1894 г.

Moderato

О-по-сла-Лох-отъ-ва-го-во-скре-сень-а, На-
ше-стел-не-и-мъ-въ-Вос(од)-не-сень-е

работали. Лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали“. Сказитель является въ такія минуты истиннымъ просвѣтителемъ и воспитателемъ своихъ слушателей. Онъ даетъ имъ знаніе прошлой жизни русскаго народа; пусть неправдоподобны вѣшнія событія этого прошлаго, но всегда вѣренъ внутренній смыслъ его. А что всего дороже,—былинная поэзія расширяетъ духовный горизонтъ крестьянина: его понятія уже не замыкаются его волостью или рамками его личной жизни: онъ чувствуетъ свою связь съ цѣлымъ рядомъ прошлыхъ поколѣній, передъ нимъ движется въ лицахъ добро и зло человѣческой души со всѣми ихъ послѣдствіями, онъ свободно участвуетъ въ ихъ оцѣнкѣ и вырабатываетъ себѣ болѣе широкія нравственныя основы жизни.

Въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, забывшихъ свою старую поэзію, развивающимъ образомъ дѣйствуютъ на народъ другія условія: общая бойкость и разнообразіе жизни, города съ образованнымъ населеніемъ или, наконецъ, школа; но это просвѣщеніе достается съ большимъ трудомъ и жертвами: современная цивилизованная жизнь учитъ сразу одинаково и большому добру, и великому злу, она слишкомъ иногда мудрено переплетаетъ то и другое, и въ этихъ переплетахъ легко запутаться, а она всегда наказываетъ за ошибки. Въ народной школѣ лежитъ могучая развивающая сила, но школѣ еще очень мало на Руси, а на окраинахъ въ особенности. На глухомъ сѣверѣ, среди лѣсовъ и болотъ Олонецкаго края, гдѣ всѣ силы человѣка уходятъ на борьбу съ природой и гдѣ нѣтъ почти никакихъ просвѣтительныхъ средствъ, поэзія, созданная народомъ, черезъ сказителей служитъ ему же великую службу, внося нравственное содержаніе въ его жизнь, не давая огрубѣть его духу отъ непрерывной заботы о хлѣбѣ на-сущномъ. Вотъ почему, быть можетъ, такое отрадное впечатлѣніе производили на путешественниковъ Олонецкіе крестьяне изъ самыхъ глухихъ мѣстъ. Гильфердингъ пишетъ: „Народа честиѣе, добрѣе, и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не хватаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда

сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерей времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 25 къ ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и прирожденной шутливости. При первомъ признакъ человѣчнаго съ нимъ обхожденія онъ, такъ сказать, расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиллярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ, когда съ нимъ хочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества.

Мы еще ближе войдемъ въ духовную жизнь олончанина и оцѣнимъ его поэтическое творчество, питающее въ немъ такія истинно человѣчныя черты, если присмотримся къ другимъ произведеніямъ этой поэзіи—къ надгробнымъ причитаньямъ или заплачкамъ и къ тѣмъ, кто главнымъ образомъ хранитъ ихъ и подерживаетъ,—къ такъ называемымъ „вопленицамъ“. У всѣхъ народовъ съ глубокой древности былъ распространенъ обычай оплакивать потерю своихъ близкихъ въ словесныхъ жалобныхъ причитаніяхъ. Всякое сильное чувство, переполняющее душу, тяготитъ ее и естественно стремится излиться; высказанное горе всегда было легче скрытаго. Въмѣстѣ съ успѣхами общежитія и развитіемъ образованности этотъ обычай мало-по-молу исчезаетъ: мы приучаемся владѣть собой и не всегда открываемъ свои чувства предъ другими; но у народа, какъ и у дѣтей, потребность изліянія неудержима. Но не всякій способенъ находить легко и свободно соотвѣтствующее выраженіе своему чувству; поэтому повсюду еще съ древности были извѣстны воспримчивыя, впечатлительныя натуры, (это всегда были женщины) которыя славились своей способностью особенно трогательно выражать горе; природная чуткость позволяла имъ даже чужое горе принять близко къ сердцу и проникнуться имъ.

„Такая плакальница, —говоритъ изслѣдователь Е. Барсовъ, — является по преимуществу истолковательницей семейнаго горя; она входитъ въ положеніе осиротѣвшихъ, думаетъ ихъ думами и переживаетъ ихъ сердечныя движенія; чѣмъ богаче ея запасъ готовыхъ оборотовъ и древнихъ, всѣмъ знакомыхъ, образовъ, чѣмъ лучше обрисовываетъ она думы и чувства въ животрепещущихъ явленіяхъ

природы, чѣмъ умильнѣе и складнѣе ея причитанія, тѣмъ большимъ пользуется она вліяніемъ и уваженіемъ среди народа. Отдать послѣдній долгъ умершему собирается иногда цѣлое селеніе; это еще болѣе расширяетъ значеніе плакальщицы: она объявляетъ во всеуслышаніе нужды осиротѣвшихъ и указываетъ окружающимъ на нравственный долгъ поддержки; она повѣдаетъ нравственныя правила жизни, открыто высказываетъ думы и чувства, симпатіи и антипатіи, вызываемыя тѣмъ или другимъ положеніемъ семейной или общественной жизни. У насъ есть, напр., плачи, гдѣ плакальщица оплакиваетъ чужихъ отъ своего лица, напр., плачь по убитомъ громомъ-молніей, плачь объ утонувшихъ, плачь о попѣ — отцѣ духовномъ, о старостѣ, даже о писарѣ.

Въ послѣднихъ случаяхъ плакальщица передъ всѣмъ сельскимъ міромъ воздастъ должную честь общественной дѣятельности покойнаго“.

Такія плакальщицы у насъ на сѣверѣ зовутся вопленицами. Ихъ приглашаютъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ жизни: при сдачѣ въ рекруты, на свадьбахъ и т. п. Онѣ есть повсюду на Руси, но нигдѣ, можетъ быть, ихъ творчество не достигаетъ такой силы и выразительности, какъ среди того же нравственно развитаго и чуткаго населенія Олонецкаго края; по крайней мѣрѣ ни изъ какой другой мѣстности Россіи у насъ нѣтъ такого большаго количества прекраснѣйшихъ заплачекъ, какое мы имѣемъ въ сборникѣ Барсова „Причитанья Сѣвернаго края“. Прежде всего въ этихъ плачахъ живо рисуется суровая сѣверная природа съ темными лѣсами со дремучими, съ дикими болотами и мхами зыбучими, съ высокими горами толкучими; тутъ и Свирь-рѣка свирѣная, малыя круглыя озерышки, и Онегушко великое, Ладожское сердитое. Подымается буря—падара—погода непомерная, огромныя деревья рветъ съ корнемъ. Горы даютъ трещины, въ морѣ-Онегушкѣ вода сколыбается, и пойдетъ розсыпь великая, кресты съ могилъ сокидаетъ, солому съ хороминъ посрываетъ. Чтобы бороться съ такой угрюмой природой и поддерживать существованіе, нужно имѣть „силушку звѣриную, потяги держать лошадиныя“. При такихъ условіяхъ жизни потеря мужа и отца, главнаго работника въ домѣ, особенно сильно чувствуется, такъ какъ, кромѣ сердечнаго горя, она ставитъ семью

нерѣдко лицомъ къ лицу съ тяжелымъ будущимъ. И вотъ вопленица причитаетъ, обращаясь отъ лица вдовы къ умершему:

„Погляди-тко, моя ладушка,
На меня, да на побѣдную!
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Какъ шатается, свивается
Твоя да молодая жена.
Я пришла, горюша горькая,
На любовную могилушку
Разсказать свою кручинушку“.

Какъ горькой вдовѣ растить сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ безъ мужа? Причитанье вопленицы развертываетъ передъ вдовой картину ожидающей ее жизни. Она должна будетъ еще маленькими посылать дѣтей на трудную работу крестьянскую; жалость борется въ ней съ необходимостью. Вотъ она у постели своего ребенка; нужно разбудить его; онъ крѣпко спитъ:

„Рѣзвы ноженъки его да пораскиданы,
Бѣлы рученьки отъ сердца поразмахнуты,
Его желтые кудерки порастряхнуты“.

Тихо подойдетъ она къ кроваткѣ, сотворитъ Иеусову молитовку, погладитъ его по младой головушкѣ. Онъ не просыпается. Не рѣшается мать разбудить, прикроетъ его соболинымъ одѣяльцемъ и выйдетъ потихоньку... Но вотъ дѣти-недоросточки ушли работать на луговую поженку. Управившись дома, мать спѣшитъ ихъ провѣдать. Приходитъ и видитъ: устали и заснули ея сердечны милы дѣтушки...

„Словно зайки подѣ ракиновымъ подѣ кустышкомъ,
Горностаи подѣ малиновымъ подѣ прутикомъ“.

Она начинаетъ бранить ихъ, дѣти плачутъ; мать пѣняетъ на свою несчастную судьбу и тоже слезами обливается... Но еще хуже,

когда мать при всѣхъ трудахъ не можетъ прокормить своего „стада дѣтинаго“ и должна отправить ихъ по міру за милостыней. Болить за нихъ материнское сердце: она представляетъ себѣ, какъ они страдаютъ отъ непогоды, пугаются собакъ, терпятъ обиды отъ чужихъ людей... Если же судьба велитъ ей потерять ребенка, чаша горя матери переполняется:

„Она падаетъ родима о дубовый полъ,
Слезы катятся у ней, какъ рѣка бѣжитъ,
Возрыдать она побѣдна, какъ порогъ шумить,
Ю великая кручина удоляе,
Зла дѣтиная тоска неугасимая.
У нея сердце клубышкомъ катается,
Оно червышкомъ свивается,
Оно кровью обливается“.

Напрасно зоветъ она свою „жемчужинку скачоную, свою теплую голубоньку...“

Эти надрывающія картины горя проходятъ одна за другой въ умильномъ причитаніи вопленицы и отдаются въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ; душу вдовы онѣ рвутъ на части, расширяя и углубляя ея горе, но ей дорого это горе и онѣ даютъ ему исходъ.

Иногда заплачка достигаетъ необыкновенной силы и выразительности. Таковъ „Плачь объ убитомъ громомъ-молніей“, помѣщенный въ сборникѣ Барсова. Онъ ведется отъ лица не вдовы, а сосѣдки, которая рассказываетъ сосѣдямъ, какъ было дѣло; этотъ чисто повѣствовательный приѣмъ, при которомъ чувства вдовы доходятъ до васъ лишь черезъ личность рассказчицы и многое остается на долю вашего воображенія, сообщаетъ плачу захватывающій интересъ; по сдержанной силѣ и скрытому драматизму онъ производитъ впечатлѣніе художественной баллады или короткой поэмы изъ народной жизни. Необыкновенно выразительно самое начало плача. Подобно Гетевскому Фаусту, рассказъ открывается „Прологомъ въ небесахъ“.

Въ Праздникъ, во время заутрени „Пресвятой Ильи пророкъ—свѣтъ Преподобный“, прилетаетъ ко Престолу Господнему и про-

силь у Господа позволенія пустить громовую стрѣлу въ одного крестьянина, беззаконія котораго возмущаютъ Илью пророка: крестьянинъ не ходитъ въ церковь и не молится Богу „отъ желаньца“.

„О души своей крестьянинъ не спашается,
Да онъ въ тяжкихъ грѣхахъ попу не кается“.

„Владыко милостивый“ отвѣтилъ Ильѣ Громовному: „что ты хочешь, Илья, — въ волюшку творишь“. Здѣсь какъ бы задерживается занавѣсъ; узелъ драмы завязанъ, судьба героя намѣчена, и рассказъ сразу переноситъ насъ въ деревню. Стоитъ „разливна красна веснушка“, начались сельскія работы, появились пахари на полѣ. Однажды утромъ выѣхалъ пахать и герой разсказа, „спорядный нашъ сусѣдушко“. Съ утра уже парило и не было ни малѣйшаго вѣтра, но потомъ какъ-то незамѣтно подкралась переменна: солнышко стало „туляться“ за облака, и появилась темная „неспособная“, грозная туча. Приближеніе этой тучи и ея дѣйствіе на природу и людей прекрасно описаны въ плачѣ.

„На горы шла туча на высокія,
Горы съ этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатились.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лѣсамъ шла она да по дремучимъ:
Лѣса къ земи съ этой тучи приклонилися,
По корешку они всѣ приломилися;
Уже такъ шла грозна эта тученька,
Въ темномъ лѣсѣ дики звѣри убоилися,
По своимъ мѣстамъ звѣри убиралися.
Становилась туча темва на сине море:
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тутъ море расшумѣлося,
Со луды камни оно тутъ вырывало,
Волной на берегъ оно да ихъ бросало;
Въ синемъ морѣ бѣлы рыбы убоилися,
По своимъ станамъ рыбы разметалися.
По селамъ пошла туча деревенскимъ;

Знать, деревьями-то туча разгремѣлася,
Мать сыра-земля со грому надрожалася;
Съ тучи добрые дома да пошатилися,
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своихъ домахъ они да сохранялись.
Съ этой страсти крестьяна, съ переполоху
Затопляли свѣщи да воску яраго,
Туть молили оны Бога отъ желаньца,
Оны кланялись въ матушку сыру землю:
„Спаси, Господи, вѣдь, душъ да нашихъ грѣшныхъ...“

Одинъ нашъ герой остался въ полѣ и сталъ подъ кудряву деревиночку переждать грозу. Тутъ и застигла его „стрѣла Божія“:
„Заразилъ — побилъ Илья-свѣтъ Преподобный, да онъ славнаго крестьянина могучаго“.

„Туча темная заразъ же уходилася,
Стрѣла-молнія заразъ же приукрылася,
Вдругъ пороспекло тутъ красно это солнышко“.

Дальше подробно и трогательно рассказывается, какъ жена хватилась мужа и, обезпокоившись, побѣжала искать его въ поле, какъ она издали увидѣла свою лошадь; смирно стоитъ та, наклонивъ голову. Безпокойство несчастной женщины усилилось; она смотритъ кругомъ и видитъ не вдалекѣ дерево, разбитое грозой въ щепу; бросилась туда:

„Какъ лежитъ ейна надежная головушка,
Бѣла грудь его стрѣлой этой прострѣлена,
Ретиво сердце все молніей изорвано,
Бѣлы рученьки его да пораскинуты,
Задрожала тутъ побѣдная семеюшка (жена)
Испугалася надежное головушки“.

Вернувшись въ село, вдова объявила о своемъ горѣ. Тутъ съ чисто эпической наивностью прибавлено, что вдова надѣлала тревоги и хлопотъ всему обществу; къ мертвому тѣлу приставили карауль и послали за становымъ.

Вторая половина плача обращена сосѣдкой къ вдовѣ. Тутъ мы все болѣе удаляемся отъ величаваго тона „Пролога въ небесахъ“ и отъ грандіозныхъ картинъ природы; дѣйствительная жизнь все болѣе вторгается въ рассказъ съ ея рѣзкой смѣсью прозы и поэзіи, высокихъ душевныхъ движеній съ практическими расчетами и соображеніями здраваго смысла, состраданія съ безчувственностью. Изъ какихъ-то не всякому понятныхъ побужденій, плакальщица, несомнѣнно сочувствующая горю семьи, словно хирургъ, вонзаетъ въ сердце вдовы такія рѣчи: должно быть, очень грѣшенъ былъ твой милая надежная головушка, что его Богъ наказалъ и велѣлъ умереть безъ покаянія. Это вамъ, знать, за то, что вы плохо почитали праздники: всѣ, бывало, не работаютъ, а вы съ мужемъ все гнались за крестьянской работушкой. Дальше вопленица, какъ бы слѣдя за мыслями вдовы, развертываетъ передъ ней картину того, что произойдетъ теперь. Приѣдутъ, — поетъ она, — дохтура да славны лѣкари и судьи неправосудные, будутъ рѣзать на мелкіе кусочки твою надежную головушку, а у тебя отъ этого „обмирать станетъ зяблая утробушка“. Пѣвица подаетъ вдовѣ рядъ практическихъ совѣтовъ: не жалѣй имѣнья, бери одежду, скотину, заложы — продай крестьянину богатому, набери золотой казны и подаривай начальниковъ; проси смѣлешенько, съ великой обидушкой и горячими слезьми, чтобы „придали къ матушкѣ сырой землѣ тѣлеса то бы его да безъ терзанія“. Практическая сосѣдка прибавляетъ:

„Ты сули имъ золотой казны по надобью,
Въ потай сули, безъ добрыхъ ты безъ людюшекъ“.

Но мысли вдовы (а съ ней и плакальщицы) идутъ далѣе перваго страшнаго момента и первыхъ хлопотъ и терзаній. Каково будетъ ей жить въ будущемъ? Плакальщица сулитъ ей не радостное житье: „у тебя остановится вся крестьянская работа, разорится и запустѣетъ хозяйство, ты будешь слыть бобылочкой-сиротиночкой; вездѣ, и на полѣ, и въ лугу вспомнишь ты мужа и зальешься слезами. Но смотри, не входи въ отчаянную тоску-кручинушку, не забудь и о своей головѣ, поминай почаще въ церкви умершаго

и тебѣ станетъ легче“. — Такъ кончается этотъ выдающійся по художественности плачь.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губ. очень многія женщины въ минуты сильнаго горя и сейчасъ создаютъ новыя заплачки или по крайней мѣрѣ примѣняютъ къ своимъ обстоятельствамъ извѣстный раньше текстъ причитанья. Извѣстный собиратель Рыбниковъ записалъ въ 60-хъ годахъ въ Олонецкой губ. отъ одной дѣвушки причитанье, созданное ею по поводу смерти ея двоюроднаго брата: вся семья оплакивала умершаго, но скорбь этой дѣвушки вылилась съ такой силой и свѣжестью, что ея заплачка тотчасъ же получила извѣстность, была перенята другими женщинами и поется теперь ими, когда ихъ постигаетъ подобное горе. Хорошой вопленицей несомнѣнно можетъ быть только выдающаяся натура, сердечная и въ то же время одаренная художественнымъ чутьемъ. Такова именно была Ирина Федосова, которая пѣла въ Петрозаводскѣ собирателю Барсову свои плачи. Вотъ ея портретъ. „Невзрачная на видѣ, небольшого роста, 50-лѣтняя женщина, сѣдая и хромая, но съ богатыми силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ; рѣчь у нея живая и бойкая: то и дѣло льются съ языка пословицы и поговорки. 13 лѣтъ она была уже вопленицей, извѣстной по всему Заонежью. Вотъ ея рассказы о самой себѣ: „Родители мои были прожиточные и степенные; мать — бойкая, на 22 души пекла и варила и вездѣ поспѣла, не рыкнула, не зыкнула, отецъ рьяной — буде прокричалъ, а сердцовъ не было. Я была сурова (бойкая); по крестьянству куды какая: колотила, молотила, вѣяла и убирала; восьми лѣтъ знала, на какую полосу сколько сѣять, шести лѣтъ на ухожь лошадь гоняла и съ ухажа домой пригоняла; разъ лошадь сплеснулась, я пала, съ тѣхъ поръ до теперь хроам. Я грамотой не грамотна, за то памятью я памятна: гдѣ што слышала, пришла домой, все рассказала, будто въ книгѣ затвердила, пѣсню ли, сказку ли, старину ли какую. Шутить была мастерица, шутками да дурками всѣхъ расшевелю. Имя мнѣ было съ изотчиной, грубнаго слова не слыхала: бѣдный сказать не смѣлъ, богатаго сама обожгу. Стали меня люди знать и къ себѣ приглашать — свадьбы играть и мертвымъ честь отдавать“. Съ младости ей честь и мѣсто въ большомъ углу; на свадьбахъ ли пѣсню за-

поеть — старики запляшутъ, на похоронахъ ли завопить — каменный заплачетъ — голосъ былъ такой вольный и нѣжный“. Ирина представляетъ необыкновенно привлекательный типъ русской женщины, соединяющей глубину чувства и горячую нѣжность съ энергией и самостоятельностью характера, а дѣловитость и здравый житейскій смыслъ — съ какимъ-то поэтическимъ настроеніемъ, сообщающимъ печать художественной красоты всякому проявленію этой богатой натуры. Такой именно типъ, очевидно, носился передъ глазами Некрасова, когда онъ рисовалъ свою Дарью въ „Морозѣ“, а особенно Матрену, такъ назыв. губернаторшу, въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“. Здѣсь кстати будетъ сказать, что вся послѣдняя поэма насквозь пропитана народной поэзіей, а рассказъ Матрены о своемъ замужествѣ и о потерѣ сына Демушки построенъ на олонецкихъ заплачкахъ и наиболѣе сильныя мѣста цѣликомъ взяты изъ сборниковъ причитаній Рыбникова и Барсова. Съ подобнымъ фактомъ мы встрѣчаемся въ поэзіи различныхъ народовъ: вездѣ поэты-художники пользуются народнымъ творчествомъ для своихъ произведеній.

5470

II.

Переходимъ къ другимъ разрядамъ пѣвцовъ, хранителей народного духовнаго богатства, — къ тѣмъ, у которыхъ это дѣло составляетъ болѣе или менѣе постоянную профессію. Они обыкновенно кормятся этимъ, такъ какъ не могутъ жить крестьянскимъ трудомъ: большинство ихъ — слѣпцы. Это — современные остатки древнихъ „каликъ переходящихъ“, путешественниковъ по святымъ мѣстамъ, стоявшихъ издревле близко къ религіи, къ церкви и во имя ея пропитывавшихся. Они главнымъ образомъ служили, а отчасти и теперь служатъ, религіозно-нравственнымъ потребностямъ народа. Поэтому они обладаютъ совершенно особымъ запасомъ народныхъ произведеній — поютъ духовные стихи, „псалмы“ и „кантычки“. Эти пѣвцы распространены по всей Руси и носятъ различныя названія въ разныхъ мѣстностяхъ. На сѣверѣ ихъ зовутъ древнимъ именемъ „каликъ“, въ Бѣлоруссіи и Южной Россіи — общимъ именемъ „старцы“, такъ что слѣпой (или даже зрячій) нищій, будь онъ мо-
десять чтеній.

лодой, даже ребенокъ, называется „старецъ“ или „старчикъ“. Тамъ, гдѣ они сопровождаютъ свое пѣніе игрой, ихъ зовутъ по ихъ инструментамъ лирниками, кобзарями, бандуристами.

Всеъ этотъ людъ составляетъ нѣчто отдѣльное отъ остального населенія. Горькая необходимость скитаться по міру за кускомъ хлѣба, а затѣмъ самая ихъ слѣпота создаетъ имъ особое положеніе среди народа и способствуетъ развитію у нихъ своихъ особыхъ взглядовъ, привычекъ;—напр. въ иныхъ мѣстахъ они имѣютъ особый „старецкій“ языкъ, свои сборища и свои суды, своихъ старость и т. д. Необходимо отличать каликъ-пѣвцовъ отъ простыхъ нищихъ. Эти послѣдніе, особенно тѣ, которые нищенствуютъ постоянно, еще болѣе оторваны отъ остального міра, не принимаютъ никакого участія въ жизни народа и не оказываютъ на него духовнаго вліянія; вся ихъ связь съ населеніемъ ограничивается милостыней и ночлегомъ. Такое фальшивое положеніе профессиональныхъ нищихъ нерѣдко развиваетъ въ нихъ антипатичныя стороны. Такіе нищіе больше всего держатся около городовъ, желѣзныхъ дорогъ, торговыхъ и промышленныхъ центровъ; чѣмъ глуше мѣстность и тише жизнь, тѣмъ ихъ меньше, такъ какъ среди населенія, трудящагося съ утра до вечера сообщая на одной и той же работѣ, гдѣ жизнь каждаго на глазахъ у всѣхъ, ихъ фальшивое положеніе ярко бьетъ въ глаза, и они встрѣтятъ мало сочувствія и поддержки. Я буду говорить лишь о нищихъ-пѣвцахъ, которые тоже кормятся подаеніемъ, но платятъ за него духовнымъ своимъ богатствомъ, цѣну котораго народъ прекрасно понимаетъ и относится къ носителямъ этого богатства иногда очень расположено. Нашъ труженикъ-народъ привыкъ трудомъ измѣрять цѣну чело-вѣка; поэтому очень важно, что большинство такихъ пѣвцовъ—слѣпцы: невозможность работать искупаютъ въ глазахъ народа ихъ невольный грѣхъ жизни на счетъ другихъ. При этомъ въ болѣе или менѣе глухихъ мѣстахъ, которыя я все время буду имѣть въ виду, „старецъ“ нерѣдко соединяетъ свое занятіе съ крестьянствомъ: я знаю въ Бѣлоруссіи такого слѣпца, который имѣетъ землю; семья его занимается хозяйствомъ, онъ самъ работаетъ все, что можетъ, и лѣтомъ почти совсѣмъ оставляетъ свое старецкое дѣло, а зимой въ подспорье хозяйству надѣваетъ за спину торбу, черезъ плечо

лиру и идетъ къ добрымъ людямъ. Этотъ слѣпецъ среди своихъ односельчанъ равный имъ человекъ, онъ даже выше ихъ своими талантами; поэтому въ праздникъ они идутъ къ нему въ хату послушать „божественнаго“; онъ дорогой гость и на пирушкѣ, гдѣ его лира издаетъ уже веселые звуки.

Значеніе такого пѣвца въ народной жизни такъ же разнообразно, какъ разнообразенъ его репертуаръ. Въ Бѣлоруссіи на „кирмашахъ“, т. е. церковныхъ праздникахъ, соединенныхъ обыкновенно съ ярмаркой, куда стекаются старцы и лирники со всей округи, народъ послѣ церковной службы охотно обступаетъ ихъ и слушаетъ пѣніе. Обыкновенно имъ заказываютъ помянуть „сродничковъ“; получивъ такой заказъ, „старецъ“ поетъ и читаетъ въ установленномъ порядкѣ рядъ церковныхъ молитвъ, перечисляетъ сродниковъ, имена которыхъ ему диктуетъ заказавшій, и получаетъ плату. Одинъ писатель вѣрно объясняетъ происхожденіе этого обычая: „Церковное богослуженіе въ эти дни слишкомъ общественно, и крестьянинъ считаетъ, что лично на его долю, долю умершихъ сродниковъ, изъ общей молитвы приходится очень немного, тѣмъ болѣе что въ такой выдающійся день онъ не слышалъ поименнаго помина. Этотъ пробѣлъ восполняютъ для него старцы“. Старцевъ иногда приглашаютъ въ дома нарочно (или пользуются случаемъ, когда старецъ зайдетъ за подаваніемъ) и заказываютъ имъ помолиться о той или другой надобности; у старцевъ есть молитвы о здравіи, объ урожаѣ хлѣба и о плодовитости скота и т. п. Нужно замѣтить, что большинство такихъ „спѣвовъ“—народнаго происхожденія, слѣдовательно, вполне близки и знакомы крестьянину. Вотъ почему населеніе такъ охотно обращается къ старцамъ всякій разъ, когда чувствуетъ потребность въ религіи, такъ сказать, въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Духовные стихи, распѣваемые старцами и лирниками подъ музыку, отвѣчаютъ болѣе крупнымъ идеальнымъ запросамъ народной души. Стихъ о Лазарѣ настраиваетъ крестьянина сочувственно къ бѣднымъ, стихи о Егоріи или Алексѣѣ Божьемъ человекѣ, объ отшельникѣ Асахвіи-царевичѣ, о Страшномъ Судѣ будятъ въ немъ мысли о духовныхъ подвигахъ, о нравственномъ самопожертвованіи, о воздаяніи по дѣламъ, о будущей жизни. Все это отрываетъ крестьянина отъ дѣйствительности, часто тя-

желой, несправедливой или слишкомъ грубой и огрубляющей; все это даетъ ему нравственный отдыхъ и утѣшеніе и сообщаетъ нѣкоторый идеальный порывъ его душѣ, задавленной неизбежными матеріальными заботами. И крестьянинъ отходитъ отъ старца съ чувствомъ благодарности, чувствуя, что онъ не просто подалъ ему Христа ради, но и отъ него самъ получилъ нѣчто такое, чего подчасъ жаждетъ его душа, но не находитъ въ ежедневной жизни.

Лирникъ знаетъ и народныя лирическія пѣсни; въ хатѣ передъ собравшимися провести свободное время сосѣдями онъ споетъ подъ незатѣйливые звуки своего инструмента и рекрутскую пѣсню, при чемъ растрогаетъ до слезъ молодую солдатку, сумѣетъ и развеселить юмористической пѣсней про двухъ неудачниковъ Хому и Ерому да еще ухитрится между строкой бросить по ихъ адресу мѣткое словцо, немедленно [покрытое дружнымъ хохотомъ публики. Такъ разнообразна и богата духовная пища, предлагаемая имъ народу. Что же мудренаго, что лучшіе представители этого люда очень любимы и уважаемы народомъ?

А какое большое значеніе имѣли еще въ недавнемъ прошломъ въ Малороссіи исчезающіе теперь бандуристы и кобзари! Они пѣли историческія казацкія думы, гдѣ глубоко памятные народу событія казачества, полныя яркихъ чертъ, и скорбныхъ и героическихъ, выступаютъ въ прочувственныхъ художественныхъ образахъ на фонѣ чудной украинской природы, той степи, которую такъ любитъ малороссъ.

Въ 70-хъ годахъ въ Петербургѣ пѣлъ публично старый кобзарь Остапъ Вересай, со словъ котораго тогда же была записана его біографія. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ, какъ онъ самъ понимаетъ роль свою и своихъ пѣсень въ жизни людей. Разъ онъ разсердился на одного казака: „я співаю, а винъ каже: „та це усе не отъ Бога сказано, — люди повидумливали, а ви, дурни, елухаєте, та ще милостыню даєте!“ — Якъ згадаю, такъ сердце и кишить, — здається, убивъ би его: одъ кого же, якъ не отъ Господа Ісуса Христа? Якъ то сказано, чога винъ сходявъ на землю? А то такъ сказано, що сходявъ винъ, щобъ у царство небесное насъ привлекти *и одъ мукъ ослобонити*“. Такимъ образомъ Вересай считаетъ, что пѣснями онъ облегчаетъ горе людямъ, вообще оказы-

ваетъ на нихъ нравственное воздѣйствіе. Онъ продолжаетъ (перевожу по-русски): „если гдѣ сынъ пошелъ въ службу или зять вдову бѣдную не уважаетъ, такъ какъ заиграешь имъ про это самое, и по-

Кобзарь ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ.

лѣзетъ имъ въ голову, всѣ заплачутъ кругомъ: и сынъ плачетъ, и молодухи, и дѣвѣнцы, а больше всего вдова—такъ и зальется“. Съ такимъ свидѣтельствомъ самого кобзаря о себѣ вполне согласуется все то, что мы знаемъ изъ другихъ источниковъ о народномъ пѣвцѣ въ Малороссіи. Вездѣ кобзарь является съ одними и

тѣми же типическими чертами—добродушнаго, некорыстолюбиваго, правдиваго старика, сердечно живущаго и горемъ, и радостями своего народа.

Перелистайте „Кобзаря“ Шевченко, посмотрите, какое видное мѣсто занимаетъ въ этомъ сборникѣ фигура „сиваго дѣда“ съ его кобзой и негромкимъ задушевнымъ пѣніемъ.

Шевченко прекрасно обрисовалъ роль кобзаря въ малорусской деревнѣ и его типъ въ стихотвореніи „Перебендя“.

Перебендя,—старый, хилый,—
Кто его не знаетъ?
Онъ шатается повсюду
Съ кобзой да играетъ,
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
.

Репертуаръ его разнообразенъ; онъ знаетъ, кому что слѣдуетъ пѣть:

Въ полѣ съ дѣвками—поетъ имъ
„Гриця“ да „Веснянку“,
Въ кабацѣ же съ молодцами—
„Сербына“, „Шинкарку“;
Съ молодцами на свадьбѣ
(Гдѣ свекруха злая)—
Про „Тополю“, „Злую долю“,
А потомъ—„У гаю“.
На базарѣ—„Лазарь“—пѣсню,
Аль, чтобъ люди знали,
Запоетъ, какъ Съчъ родную
Войски разоряли.

Кобзарь—желанный гость въ деревнѣ, особенно для молодого населенія: оно и задумается подъ его пѣсню о славныхъ прошлыхъ

дняхъ казачества, и уронить слезинку объ несчастной дивчинѣ или паробкѣ, которымъ не задалась счастливая доля; оно же и весело спляшетъ „Горлицу“ подѣ веселую пѣсню дѣда, умѣющаго извлекать и удалые звуки изъ своей кобзы. Сцена встрѣчи кобзаря въ селѣ хорошо изображена у Шевченка въ отрывкѣ поэмы „Черныця Марьяна“.

Вообще народная поэзія, разносимая кобзарями, играла до послѣдняго времени большую роль въ Малороссіи. Самыя стихотворенія Шевченка зачастую навѣяны народными пѣснями и почти все безъ исключенія задуманы и созданы въ народномъ стилѣ. И Шевченко — не исключеніе въ данномъ случаѣ.

Достаточно сказать, что великій художникъ нашъ Гоголь создалъ всего своего Тараса Бульбу изъ малороссійскихъ народныхъ пѣсень и думъ, откуда многія мѣста цѣликомъ перенесены въ эту героическую поэму, составляя въ ней лучшія красоты. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ:

„И все казаки до послѣдняго выпили послѣдній глотокъ за славу и всехъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки, и сильно задумались они.“

„Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдаль судьбу свою. Будеть, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро омывшись казацкой ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатые головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и запущенными книзу усами, будутъ, налетѣвъ, орлы выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно размставшемся смертномъ ночлегѣ! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло, и не пропадетъ, какъ малая порошокъ съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будеть, будетъ бандуристь съ сѣдою по грудь бороною, вѣщей духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, лучшее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ, ибо далеко разносится могучее слово“ *).

*) Вотъ для сравненія въ переводѣ нѣсколько мѣстъ изъ малороссійской

„Это могучее слово“ и есть народная поэзія, въ которую народъ вложилъ всю свою славу, всѣ великодушныя дѣла своего прошлаго, всѣ пережитыя имъ сердечныя движенія. Его бандуристы и другіе пѣвцы служатъ ему неопѣненную службу: они связываютъ жизнь каждаго поколѣнія со всѣмъ историческимъ прошлымъ народа, питаютъ и поддерживаютъ въ немъ духовныя интересы и, что особенно дорого, дѣйствуютъ всего болѣе именно въ такихъ мѣстахъ нашей родины, гдѣ еще не сіяетъ могучій свѣтъ грамотности, школы, образованія.

А. Е. Грузинскій.

думы о походѣ противъ поляковъ (по сборнику Максимовича): „Вотъ пошли казаки на четыре поля... Что однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ... Самко Мушкетъ думаетъ-гадаетъ, говоритъ словами: а что какъ наши головы казацкія, молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родной кровью омыются, расколотыми саблями покроются?.. Пропадеть, какъ порохина съ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ встала — что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась... Закрачетъ воронъ, степью летучи, заплачетъ кукушка, лѣсомъ скачучи, закуркуютъ сизые кречеты, задумаются сизые орлы — и все, и все по своихъ братьяхъ, по буйныхъ товарищахъ-казакахъ... А вотъ кости лежатъ, сабли торчатъ, кости хрустятъ, расколотыя сабли брещатъ... А головы казацкія—словно швецъ Семень кожу потерялъ! А зубы—словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли; зато и славы набрались!“

МАКСИМЪ ГРЕКЪ *).

1.

Во второй половинѣ XV вѣка уже все пространство земель бывшей Византийской имперіи было въ рукахъ турокъ. Униженная, поработенная и разоренная страна утратила въ это время послѣдніе остатки образованности: руки дикихъ пришельцевъ, не щадившихъ храмовъ, коснулись и школъ, и библиотекъ. Въ такое тяжелое для Греціи время въ албанскомъ городѣ Артѣ (около 1480 года) родился Максимъ Грекъ. Родители его, Мануиль и Ирина, были знатнаго происхожденія (одно сказаніе о Максимѣ называетъ его воеводскимъ сыномъ). Но воспитаніе ребенка при тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ страны не могло быть обставлено всѣми необходимыми для того средствами. Поэтому-то первое воспитаніе

*) Изображеніе печатается впервые, съ рѣдкаго оригинала, принадлежащаго Императорскому Историческому Музею и любезно предоставленнаго г. директоромъ Музея, И. Е. Забѣлинымъ.

Максима, по словамъ его біографа, было благочестивое, но скудное, и впечатлѣнія ранняго дѣтства крайне тяжелыя.

Въ то самое время, какъ въ Греціи, по замѣчанію самого Максима, „науки угасли“, Италія, на рубежѣ двухъ столѣтій—XV и XVI, представляетъ почти единственную въ Европѣ страну, гдѣ кипитъ умственная дѣятельность. Здѣсь еще гораздо ранѣе изъ весьма естественнаго сочувствія къ своему прошлому развился интересъ къ изученію классической древности и началось такъ называемое Возрожденіе древнихъ наукъ и искусствъ. Въ XV вѣкѣ эта умственная дѣятельность усиливается, и Италія становится школою для Европы. Сюда начинаютъ эмигрировать ученые греки и встрѣчаютъ радушный пріемъ; сюда же стрѣмятся и греческіе юноши, ищущіе образованія. Въ числѣ послѣднихъ отправился и Максимъ. Какъ сынъ знатныхъ родителей и притомъ людей образованныхъ (сказаніе ихъ называетъ „философами“), онъ могъ довольно рано почувствовать желаніе учиться и легко осуществить его.

Въ итальянскомъ образованіи господствовало въ то время филологическое направленіе. Многіе итальянскіе университеты открываютъ кафедры греческаго языка; любовь къ литературамъ, древнегреческой и римской, порождаетъ желаніе собирать древнія рукописи и устраивать роскошныя бібліотеки. Знатные и богатые люди Италіи соперничаютъ другъ съ другомъ въ меценатствѣ. Древняя языческая философія находитъ своихъ покровителей и почитателей, которые ведутъ жаркіе споры о преимуществахъ Платона или Аристотеля, предпринимаютъ попытки къ соглашенію ихъ ученій.

Максимъ, по свѣдѣніямъ его біографовъ, занимался главнымъ образомъ изученіемъ древнихъ памятниковъ своего языка. Впослѣдствіи онъ называлъ древнихъ эллинскихъ писателей своими первыми учителями и иногда ссылался на нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Извѣстно также, что въ Венеціи онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ знаменитому тамошнему ученому и издателю Альду Мануччи и здѣсь основательно изучилъ латинскій языкъ. Альдъ, по словамъ Максима, „грамотѣ и по-римски, и по-гречески добрѣ гораздо“. Максимъ „часто хаживалъ къ нему книжнымъ дѣломъ“. Въ это время, говоритъ біографъ, Альдъ печаталъ Аристотеля и свой первый опытъ латино-греческаго словаря; вліяніе послѣдняго

труда отразилось въ литературной дѣятельности Максима, въ его „Толкованіяхъ личныхъ именъ“, вошедшихъ потомъ въ наши азбуковники. Здѣсь же, въ Венеціи, онъ учился, какъ полагають позднѣйшіе біографы, у своего знаменитаго соотечественника Іоанна Ласкариса. Занятія языческой философіей не особенно, кажется, привлекали юнаго Максима. По его собственнымъ словамъ, онъ „не довольно пребывалъ даже въ преддверіи ея“ и впоследствии не любилъ, когда его называли философомъ. Однако есть основаніе думать, что во время своего пребыванія въ Италіи, когда онъ былъ еще очень молодымъ человекомъ и ходилъ „въ мірскихъ платьяхъ“, онъ не чуждъ былъ увлеченія древними философами и о многомъ думалъ и разсуждалъ не такъ, какъ впоследствии, когда сдѣлался монахомъ. Онъ и самъ признавался въ томъ позднѣе, въ своихъ сочиненіяхъ. Изъ древнихъ философовъ онъ предпочиталъ предъ Аристотелемъ возвышеннаго Платона, идеализмъ котораго былъ, вѣроятно, ближе благочестивому настроенію юноши Максима. Но это увлеченіе, какъ видно, было непродолжительно и несильно. Воспитанному въ духѣ греческаго православія Максиму многое не нравилось въ Италіи, и онъ скоро охладѣлъ къ тому направленію, которое приняло итальянское возрожденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, на свѣтломъ фонѣ картины умственного оживленія Италіи было не мало темныхъ пятенъ. Политическая неурядица въ разбитой на мелкія отдѣльныя государства странѣ дошла до крайнихъ предѣловъ; безнравственность общества и представителей власти какъ свѣтской, такъ и духовной была почти безпримѣрна. Въ такое тяжелое время весьма естественно было отыскивать идеалы въ своемъ отдаленномъ, но славномъ прошломъ. Жизнь древнихъ стала представляться въ свѣтлыхъ, заманчивыхъ образахъ. Все въ ней казалось совершеннымъ и достойнымъ подражанія. Даже нѣкоторые пороки и злодѣянія находили оправданіе въ примѣрахъ изъ жизни древнихъ. Христіанская религія потеряла свою цѣну; распространилось невѣріе. И этому не мало способствовало то обстоятельство, что христіанское ученіе утратило свою первоначальную чистоту: безнравственное духовенство изуродовало его въ своихъ интересахъ. На ряду съ безвѣріемъ легко прививались самыя нелѣпыя суевѣрія, отъ которыхъ не были свободны даже

люди образованные. Все прониклись вѣрою въ слѣпой рокъ. Появилось множество книгъ о судьбѣ, въ которыхъ проводились мысли о колесѣ счастья, о томъ, что все въ этомъ мѣрѣ непрочно, все случайно. Астрологія древнихъ стала пользоваться уваженіемъ; стали вѣрить, что мѣръ управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ.

Такое направленіе, конечно, должно было возмутить благочестиваго греческаго юношу и въ значительной степени умѣрить его увлеченіе древними классиками. Къ этому присоединилось еще вліяніе пламенныхъ проповѣдей Іеронима Савонаролы, искоренившихъ послѣдніе остатки молодыхъ увлеченій языческою древностью.

Въ сочиненіяхъ Максима Грека, написанныхъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, во время пребыванія его въ Россіи, разсыяно множество воспоминаній изъ жизни заграницею. Но изъ всего того, чему онъ былъ „слышатель“ и „самовидецъ“ въ Италіи, самое сильное впечатлѣніе произвела на него проповѣдь и дѣятельность Савонаролы. Максимъ прожилъ пять лѣтъ во Флоренціи, въ этой столицѣ итальянскаго возрожденія, гдѣ, благодаря покровительству извѣстныхъ Козьмы и Лоренцо Медичи, были собраны знаменитые ученые и писатели того времени и гдѣ дѣйствовалъ знаменитый проповѣдникъ. Максимъ зналъ смѣлаго и даровитаго Іеронима, который, видя всеобщее разращеніе нравовъ, „жегомый божественною ревностью“, началъ во имя Христовой любви грозную обличительную проповѣдь противъ общественныхъ пороковъ. Максимъ видѣлъ изумительное дѣйствіе рѣчей Савонаролы на флорентійцевъ, которые подъ вліяніемъ ихъ отказались отъ прежняго образа жизни. На его глазахъ горѣли костры, сложенные изъ предметовъ роскоши, и пышная, веселая столица Медичи приняла видъ большого монастыря, гдѣ вмѣсто веселыхъ пѣсень раздавались только духовные гимны и плачь женщинъ и стариковъ. Онъ былъ свидѣтелемъ переворота, изумившаго всю Европу, произведеннаго скромнымъ монахомъ и притомъ одною духовною силою, силою слова, и самъ не могъ не подчиниться этой силѣ. Четыре года господствовалъ Савонарола въ своей теократической республикѣ. Слѣды впечатлѣній отъ флорентійскихъ событій сохранились на всю жизнь въ душѣ Максима. Его „Повѣсть страшна и достопамятна“, написанная въ Россіи много лѣтъ спустя, исполнена многихъ интересныхъ подробностей изъ жизни Іе-

ронима и чувства благоговѣнія къ священному иноку. Этотъ иннокъ, по словамъ Максима, „преположъ всякія премудрости — и разума богодохновенныхъ писаній и виѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностью довольно украшаемъ“. Изображая силу „богодохновенныхъ ученій“ его, Максимъ передаетъ интересный разсказъ, свидѣтельствующій о нравственномъ вліяніи знаменитаго проповѣдника на общество. „Сынъ одной убогой флорентійской вдовицы нашель на улицѣ мѣшокъ съ пятьюстами золотыхъ. Онъ отнесъ его своей матери, а она не возрадовалась тому, что такой находкой можно избыть свою нужду, и не скрыла мѣшокъ у себя, а отнесла къ священному учителю и сказала: видишь, учитель, мошну, которую нашель мой сынъ; возьми и возврати потерявшему, чтобъ онъ не скорбѣлъ объ этомъ. Удивился Савонарола правдолюбивому праву вдовы и, благословивъ, отпустилъ ее. Въ одинъ день, по окончаніи поученія во храмѣ, онъ возопилъ: если кто потерялъ какое имущество, выдь на середину и скажи количество потеряннаго и опиши мѣшокъ, и день, когда потерялъ ты, назови, и получишь свос. И потерявшій вышелъ и сказалъ, когда онъ потерялъ и сколько, и описалъ мѣшокъ. Возвращая мѣшокъ, Савонарола сказалъ ему: возьми, юноша, свое и утѣшь убогую вдовицу, какъ произволяешь, ибо избавила она тебя отъ большой скорби. Тотъ далъ ей его золотыхъ съ большою радостію. „Вдову сію, прибавляетъ Максимъ, сравнить можно со вдовою, хвалимой въ евангелии ради двухъ лептъ, ибо та въ своемъ маломъ показала боголюбіе, а эта въ чужомъ и многомъ свое правдолюбіе и челоуѣколюбіе“. Далѣе онъ разсказываетъ о томъ, какія гнусныя оскорбленія приходилось переносить проповѣднику отъ противившихся его ученію и какое онъ проявлялъ „долготерпѣніе и Спасову кротость“ къ врагамъ своимъ, желая одного — всеобщаго спасенія. Съ глубокимъ чувствомъ говоритъ онъ о томъ безстрашіи, съ которымъ обличалъ Иеронимъ развращенное римское духовенство и самого папу. Съ негодованіемъ передаетъ разсказъ о коварныхъ дѣйствіяхъ римскаго первосвященника, о несправедливыхъ обвиненіяхъ, которыя взведены были на неповиннаго проповѣдника. Сказавъ, наконецъ, о трагической кончинѣ Савонаролы и двухъ священныхъ мужей, раздѣлившихъ съ

нимъ ту же участь, Максимъ сравниваетъ погибшихъ съ древними защитниками благочестія. Но, опасаясь обвиненія въ пристрастіи къ латинской вѣрѣ, считавшейся на Руси и „проклятой“, и „поганой“, онъ осторожно прибавляетъ: „все это я пишу не для того, чтобы показать, что латинская вѣра чиста, совершенна, но чтобы показать православнымъ, что и у не правомудренныхъ латинянъ есть забота и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру, хотя и не по совершенному разуму“.

Благоговѣнное удивленіе передъ героизмомъ знаменитаго проповѣдника и то живое сочувствіе ко всей его дѣятельности, которыя сквозятъ чуть ли не въ каждомъ словѣ „Повѣсти страшной и достопамятной“, ясно говорятъ намъ о силѣ нравственнаго вліянія Савонаролы на Максима. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшая судьба его рѣшена была здѣсь, во Флоренціи, подъ впечатлѣніемъ флорентійскихъ событій. Сѣмена благочестія, заброшенные въ его душу родительскою рукою въ раннемъ дѣтствѣ, пышно возросли подъ благопріятствовавшимъ небомъ Флоренціи и принесли плодъ: аскетическій идеалъ въ этой душѣ уже созрѣлъ. О совершившемся въ немъ нравственномъ переворотѣ, въ силу котораго онъ окончательно охладѣлъ къ суетной, грѣховной жизни міра, онъ говоритъ впоследствии въ религіозномъ духѣ, приписывая его милосердію пекущагося о спасеніи всѣхъ Бога, который, сжалившись надъ нимъ, озарилъ его мысль и избавилъ отъ гибели вмѣстѣ съ тамошними „представителями нечестія“. Одинъ изъ біографовъ Максима дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что „религіозное созерцаніе и мистицизмъ рано стали господствующею чертою его характера“. Такимъ образомъ поступленіе его въ монастырь, совершившееся вскорѣ по возвращеніи изъ Италіи, объясняется и вышеизложенными обстоятельствами его жизни, и его характеромъ.

Но, какъ человѣкъ образованный, онъ, по словамъ біографа, искалъ такой обители, гдѣ можно было бы предаваться не однимъ иноческимъ подвигамъ, но и занятіямъ умственнымъ. Монастыри Аѳона, издавна славившіеся своимъ книжнымъ богатствомъ, болѣе всего привлекали его вниманіе. Изъ нихъ онъ выбралъ обитель Ватопедскую, которая была богаче всѣхъ другихъ обителей Аѳона книгами.

Здѣсь въ теченіе десяти лѣтъ онъ приобрѣлъ очень обширныя

свѣдѣнія по церковной литературѣ и усвоилъ окончательно аскетическій взглядъ на свѣтскую науку. Слѣдуя Іоанну Дамаскину, по мнѣнію котораго истину можно познавать только смиреніемъ, а не „пестрыми умышленіями вѣшней мудрости“, Максимъ началъ называть науку „рабынею богословія“, „вѣшней мудростью“, а пытливый разумъ — „лжеименнымъ“. „Словеса вѣшнихъ мудрецовъ“ допускается изучать только потому, что и въ нихъ можно, по его мнѣнію, найти душеспособное. Однако, несмотря на то, что онъ глубоко проникся взглядами Дамаскина и подобныхъ ему писателей византійскихъ, несмотря на десятилѣтнее пребываніе въ монастырѣ, въ немъ все-таки остались слѣды европейскаго образованія, не допустившіе его сдѣлаться врагомъ и гонителемъ просвѣщенія. Какъ увидимъ впоследствии, въ немъ очень часто изъ-подъ монашеской религіозной исключительности выказывался умный и просвѣщенный человѣкъ, который признавалъ за образованіемъ нравственное и общественное значеніе. Можетъ-быть, русское невѣжество и связанное съ нимъ огрубѣніе нравовъ, съ которыми ему суждено было встрѣтиться въ Россіи, убѣдительно всею подѣйствовали на Максима въ этомъ направленіи.

Находясь въ обители Ватопеда, кромѣ книжныхъ трудовъ, онъ совершалъ и другіе труды, лежавшіе на обязанности афонскаго инока: былъ посылаемъ, по его же словамъ, „по милостыню“ и „свѣтло проповѣдывалъ православную вѣру“.

Въ 1515 году на Афонъ пришло письмо отъ великаго князя московскаго Василя Ивановича съ просьбою прислать съ посланными его Василемъ Копыломъ и Иваномъ Варавинымъ „изъ Ватопеды монастыря старца Саву, переводчика книжново на время, а тѣмъ бо есте намъ послужили, а мы *оужь дастъ Богъ, его пожаловавъ, опять къ вамъ отпустимъ*“. Но старецъ Савва былъ уже такъ дряхлъ, что не могъ выдержать далекаго путешествія, и потому вмѣсто него братія рѣшила послать инока Максима, „свѣдущаго въ божественномъ писаніи и способнаго къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ“... Максимъ совсѣмъ не зналъ ни русскаго, ни церковно-славянскаго языковъ, но его филологическое образованіе и выдающіяся способности позволяли надѣяться афонской братіи, что онъ „и русскому языку борзо (скоро) навькнетъ“.

Вмѣстѣ съ нимъ отправили еще грека, болгарина и русскаго, можетъ-быть, въ томъ предположеніи, что они будутъ помощниками Максиму при переводѣ, а можетъ-быть и просто за милостынею. Патріархъ константинопольскій также принималъ участіе въ выборѣ переводчика, но у него были свои особыя соображенія. Максимъ былъ человѣкъ образованный, хорошо зналъ положеніе церковныхъ дѣлъ на западѣ, отличался горячимъ патріотизмомъ и поэтому, по мнѣнію патріарха, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, годился для представительства и защиты въ Москвѣ интересовъ византійскихъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту московскому Варлааму патріархъ Теолиптъ, изобразивъ бѣдственное положеніе греческой церкви, проситъ „поспѣшить ей на помощь дѣломъ и словомъ“. Максимъ, какъ увидимъ, не обманулъ ожиданій Теолипта и горячо отстаивалъ и политическіе, и церковные интересы своей родины во время пребыванія въ Москвѣ.

По пріѣздѣ въ Москву, въ 1518 году, Максимъ былъ принятъ весьма радушно: ему отвели помѣщеніе въ Чудовомъ монастырѣ, а содержаніе назначили отъ великокняжескаго двора. Съ этого времени его жизнь и дѣятельность всецѣло принадлежатъ Россіи. Несмотря на ясно выраженное въ письмѣ великаго князя обѣщаніе отпустить книжнаго переводчика домой, когда минуетъ въ немъ надобность, Максиму не суждено было вернуться на Афонъ. Сверхъ всякаго ожиданія съ его стороны и помимо его желанія, ему пришлось стать русскимъ дѣятелемъ, войти во все духовные интересы тогдашней русской жизни и принять самое дѣятельное участіе во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ современное ему русское общество.

Поэтому мы считаемъ необходимымъ разсказу о жизни и дѣятельности Максима въ Москвѣ предпослать бѣглый очеркъ состоянія русскихъ умовъ и нравовъ XVI вѣка.

II.

Занесенные къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ начатки знаній служили исключительно средствомъ къ утвержденію и распространенію новаго вѣроученія, и имъ не суждено было выбиться изъ круга церковныхъ предметовъ, выработаться въ свѣт-

скую науку и дать жизнь свѣтской литературѣ. Древне-русская школа оставалась почти вплоть до реформъ Петра школою простой грамотности съ характеромъ церковно-служебнымъ. Въ глазахъ свѣтскаго человѣка она по этой причинѣ теряла всякую привлекательность, всякій интересъ. Уже съ XII вѣка у русскихъ людей складывается прочное убѣжденіе, что грамотность и книжныя знанія нужны только церковнику. Въ тотъ періодъ времени, когда Русь собиралась вокругъ Москвы и въ великорусскихъ областяхъ складывалось сильное единоедержавное царство Московское, уровень знаній не повысился, а скорѣе понизился. Если встрѣчаются въ это время заявленія о необходимости школьнаго обученія, то только со стороны духовенства и для духовенства, и вызываютъ ихъ исключительно церковныя нужды. „А се приведутъ ко мнѣ мужика, — говоритъ въ концѣ XV вѣка архіепископъ Геннадій въ своемъ знаменитомъ посланіи къ митрополиту Симону, — и язъ велю ему апостоль дати чести, и онъ не умѣеть ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому одва бредеть, и язъ его оторку (откажу)... А моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити (т. е. ставить въ священнослужители). А язъ того для челомъ бью государю, чтобы велѣлъ училища учинити“... Далѣе драгоцѣнное посланіе Геннадія объясняетъ, какого рода училища желательны съ его точки зрѣнія. „А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое азбука граница истолкована совсѣмъ (т. е. азбука со всѣми гранями—отдѣлами), да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ (т. е. съ возслѣдованіями—съ присовокупленіемъ простыхъ службъ, вечерни, утрени и нѣкоторыхъ другихъ дополненій) накрѣпко; и коли то изучитъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати (т. е. канонархати. Канонархъ—церковнослужитель, объявляющій, при пѣніи канона обоими клиросами, сначала гласъ; а потомъ и самыя слова канона) и чести всякыя книги“. Немногого, какъ видно, желалъ Геннадій для новыхъ училищъ, но современная ему дѣйствительность была далека и отъ этихъ ничтожныхъ требованій. Школъ, какъ можно догадываться изъ дальнѣйшаго содержанія посланія, почти совсѣмъ не было; учились большею частью у „мужиковъ невѣжъ“, которые „ребятъ учать да рѣчь ему испортитъ“. Эти учителя, „мастеры“, получали, по словамъ посланія, за свою работу

плату сдѣльно: „за ученіе вечерни—кашу да гривну денегъ, за утреню то же или и больше; за часы особо“... Въ половинѣ XVI столѣтія, т. е. пятьдесятъ лѣтъ спустя, царемъ Иваномъ Грознымъ и отцами Стоглаваго Собора было вновь заявлено, что даже самые „мастеры“ малограмотны и силы божественнаго писанія не знаютъ и учиться имъ негдѣ.

Такъ стояло дѣло просвѣщенія въ самомъ образованномъ древне русскомъ сословіи, въ духовенствѣ. Что же касается остальныхъ сословій, то въ нихъ чаще всего отсутствовала всякая грамотность. „Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ, говоритъ Соловьевъ, изображая русскіе нравы XV вѣка: о Дмитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василии Темномъ говорится, что онъ не былъ ни книженъ, ни грамотенъ“. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскіе не приложили къ нимъ рукъ за неумѣніемъ грамотѣ. За богатыхъ „гостей“ (купцовъ) по ихъ безграмотству расписываются обыкновенно ихъ духовные отцы. Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI и даже XVII вв., часто говорятъ о даровитости русскихъ людей и въ то же время свидѣтельствуютъ о почти поголовномъ безграмотствѣ ихъ. Если и встрѣчались примѣры сравнительно высокой для того времени образованности, то они представлялись отдѣльными рѣдкими случаями и были обыкновенно плодами чужой, не русской школы.

Тогдашняя школа, обучая „четью“, „пѣтью“ церковному и „канонарханію“, не давала знаній, необходимыхъ для жизни свѣтскаго человѣка. Съ помощью одного только навыка, говоритъ Забѣлинъ, велось всякое дѣло: торговое, ремесленное, земледѣльческое, канцелярское, судейское. Легко себѣ представить тѣ непреодолимыя затрудненія, которыя долженъ былъ испытывать древнерусскій человѣкъ на каждомъ шагу при полномъ отсутствіи, на примѣръ, ариметическихъ знаній. Извѣстно, что мы почти вплоть до реформъ Петра не были знакомы съ десятичною арабскою системою цифръ, съ самыми простыми ариметическими дѣйствіями, и числа у насъ означались еще буквами; при вычисленіяхъ съ большими числами мы просто становились втупикъ, вслѣдствіе чего

и называли десятки тысячъ „тмою“, а сотни тысячъ „невѣдѣемъ“; арифметическое „невѣдѣе“ заставляло насъ и дробныя числа означать только словесно и при томъ очень мудренымъ способомъ: $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ еще имѣли простыя названія „пол“ и „четь“, а $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ и т. д. уже не имѣли соответствующаго ихъ значенію названія и обозначались такъ: $\frac{1}{8}$ —„пол-четь“, $\frac{1}{16}$ —„пол-пол-четь“, $\frac{1}{32}$ —„пол-пол-пол-четь“; подобнымъ же образомъ $\frac{1}{3}$ называлась „третникъ“, а $\frac{1}{6}$ —„пол-третникъ“, $\frac{1}{24}$ —„пол-пол-пол-третникъ“, $\frac{1}{96}$ —„пол-пол-пол-пол-пол-третникъ“ и т. д. Не больше знали мы и въ другихъ наукахъ. Всѣ наши тогдашнія зданія носили средне-вѣковой, полуфантастическій характеръ. Въ то время, когда для западной Европы была уже открыта Америка, нашъ книжникъ, человекъ XVI вѣка, черпалъ свои космографическія свѣдѣнія изъ любимой книги Козьмы Индикоплова, относящейся къ началу VI вѣка. Оттуда онъ узнавалъ, что земля есть продолговатый отъ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небомъ, какъ сводомъ, что ночное захожденіе солнца и другихъ свѣтилъ совершается за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ, и т. п. Историческія свѣдѣнія были скудны и перемѣшаны съ поэтическими преданіями. Даже ветхозавѣтная и новозавѣтная исторія была переполнена рассказами изъ книгъ ложныхъ, апокрифическихъ, и древне-русскій книжникъ, при отсутствіи образованія, критики, не умѣлъ отличить подлиннаго отъ ложнаго. Тольковая Палея, служившая однимъ изъ главныхъ источниковъ знанія библейской исторіи, есть произведеніе апокрифическое, а между тѣмъ она ставилась въ ряду книгъ „истинныхъ“ и приписывалась Іоанну Златоусту или Іоанну Дамаскину. Митрополитъ Макарій считалъ каноническою книгу Еноха Праведнаго, а она есть произведеніе апокрифическое. Отсутствіе необходимыхъ знаній давало себя чувствовать и въ вопросахъ религіозныхъ: при всемъ желаніи сохранить во всей чистотѣ греческое православіе, мы по недостатку знанія! распространяли подложныя сочиненія, въ которыхъ сохранялись остатки языческихъ вѣрованій. Исслѣдователи московской старины очень удачно характеризуютъ тогдашнюю образованность словомъ „книжность“. Церковная книга давала рядъ готовыхъ, безспорныхъ религіозныхъ и моральныхъ истинъ. Этотъ книжный матеріалъ усваивался механически, одною

памятью. Человѣкъ, начитавшійся книгъ, могъ говорить „отъ писанія“, т. е. имѣлъ въ головѣ обильный запасъ цитатъ. Для рѣшенія какого-нибудь вопроса достаточно было привести нѣсколько подходящихъ выдержекъ изъ книгъ. Самостоятельныхъ разсужденій не требовалось и даже не допускалось.

Эти свойства школы отразились и на произведеніяхъ духовныхъ писателей того времени. Они представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ своды готовыхъ мыслей, занесенныхъ издавна съ чужой стороны и застывшихъ въ неподвижныхъ, какъ бы окаменѣлыхъ формахъ. Таковы въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка сочиненія Іосифа Волоцкаго, митрополита Даниила, даже Нила Сорскаго и многихъ другихъ. Византія передала намъ главнымъ образомъ произведенія церковной литературы, которыя и служили нашимъ книжникамъ образцами. Что же касается до произведеній греческой научной литературы, въ особенности классическаго періода, которыми съ успѣхомъ воспользовались итальянскіе гуманисты, то они къ намъ почти совсѣмъ не попадали, да и ученые греки, какъ до паденія Константинополя, такъ и послѣ, направлялись не къ намъ, а въ Италію. Подражая византійскимъ образцамъ, наши писатели постоянно вращались въ области чисто церковныхъ вопросовъ и аскетической морали. Если въ видѣ исключенія изрѣдка являлась живая мысль, живое слово, касавшееся текущей дѣйствительности, если при этомъ высказывалось мнѣніе, идущее вразрѣзъ съ общепринятымъ, то оно тотчасъ клеймилось названіемъ „ереси“ и подвергалось строгому осужденію, хотя бы на самомъ дѣлѣ ничего еретическаго въ себѣ не заключало. Такъ случилось съ Максимомъ Грекомъ; такъ едва не случилось съ Ниломъ Сорскимъ, который уже былъ заподозрѣнъ въ ереси и не подвергся суду только потому, что устранился отъ спора. Въ то время имѣть свои мнѣнія никому не дозволялось; допускалось и одобрялось только „плетеніе словесъ“, т. е. риторическія украшенія при изложеніи готовыхъ истинъ.

Неподвижность русской мысли отражалась и на религіозномъ пониманіи, и на нравственности. Истины религіи и морали были поняты чисто внѣшнимъ образомъ: на первомъ планѣ стоялъ обрядъ, строгое, но чисто внѣшнее, формальное исполненіе предписаній.

Тогдашній богачь аккуратно въ извѣстные дни раздавалъ милостыню, но, исполняя эту христіанскую обязанность, нерѣдко осыпалъ нищую братію грубою бранью. Вся сущность христіанскаго ученія, вся вѣра заключалась для тогдашняго книжника въ обрядовомъ благочестіи и въ благоговѣніи передъ буквой писаній. Все, что стояло въ церковной книгѣ, имѣло силу неизмѣннаго догмата. Іосифъ Волоцкій относилъ къ божественнымъ писаніямъ не только произведенія отцовъ церкви и житія святыхъ, но даже и „градскіе законы“. Прибавить, убавить или измѣнить что-нибудь въ церковной книгѣ или обрядѣ считалось величайшей смѣлостью и вызывало суевѣрный страхъ. Помощникъ Максима, писецъ Михайль Медоварцевъ рассказывалъ, что когда по приказанію Максима, онъ долженъ былъ заглазить нѣсколько невѣрныхъ строкъ въ молитвѣ, употребляемой при окончаніи богослуженія, то его „дрожь великая поимала, и ужась напалъ“. Лѣтопись сообщала, какъ о крупномъ событіи, извѣстія о томъ, что „нѣкоторые философы начаша пѣти: О, Господи помилуй, а друзіи—Осподи помилуй“.

Грубость нравовъ была весьма естественна, при тогдашнемъ состояніи умовъ. Если нельзя сказать, что образованіе непременно дѣлаетъ человѣка нравственнымъ, то несомнѣнно, однако, что оно возвышаетъ его до болѣе духовнаго пониманія истинъ морали и что безъ образованія никакая нравственность не можетъ быть прочной: кромѣ хотѣнія добра, нужно и глубокое пониманіе того, что добро и что зло. Несмотря на громкую проповѣдь пастырей церкви о христіанской любви, въ тогдашнемъ обществѣ царилъ духъ эгоизма. „Всегда наслаженіе и упитѣніе, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые“... Такова была жизнь боярина того времени, по словамъ одного изъ проповѣдниковъ. „Червленіе ланить“ и „многоплотіе“ (т. е. тучность тѣла), поставившіяся въ достоинство знатному лицу, были результатомъ такого образа жизни. Эта жизнь, по словамъ Костомарова, представляла полный контрастъ жизни простолюдина: „когда знатный бояринъ одѣвался въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ себѣ подавать десятки кушаньевъ за разъ, деревенскій бѣднякъ во время частыхъ неурожаевъ ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или лебеды, коренья и древесную кору“. Во многихъ словахъ и по-

ученіяхъ XVI вѣка въ обиліи разсѣяны яркія картины нравовъ того времени, подобныя только-что приведенной. Изображаются грубые пороки, злоупотребленіе властей, разладъ и интриги въ высшемъ боярствѣ, тяжелое положеніе лишенной правъ и нравственнаго значенія женщины, бѣдственное состояніе рабовъ...

Много было потрачено усилій со стороны лучшихъ проповѣдниковъ на разъясненіе высокихъ истинъ христіанской морали, но ни кроткое слово пастырскаго увѣщанія, ни угрозы обличителей вѣчными муками не производили надлежащаго дѣйствія. Настоящаго пониманія этихъ истинъ не было, а взволнованную совѣсть очень легко было успокоить точнымъ исполненіемъ обряда. Нѣкоторые моралисты того времени довольно близко подходили къ одному изъ вѣрныхъ средствъ, содѣйствующихъ подъему нравственности: „никогда же да не ослабиши,—говорить одинъ изъ нихъ,—почивати уму своему“. Но они не догадывались о томъ, что могло разбудить спавшій умъ русскаго человѣка.

Однако вѣками сложившійся строй древнерусской жизни, имѣвшій, повидимому, такія прочныя основы, сталъ замѣтно колебаться, и это съ особенною силою обнаружилось въ XVI вѣкѣ. Русская мысль искала, очевидно, выхода изъ того рѣзко очерченнаго круга интересовъ, за который не смѣлъ переступить московскій княжикъ. Такъ какъ интересы религіозные въ то время господствовали надъ интересами мірскими, то и первое недовольство существующимъ порядкомъ сказалось въ области церковныхъ вопросовъ. Съ одной стороны, какъ протестъ противъ грубаго пониманія религіозныхъ и моральныхъ истинъ и противъ нравственной распущенности, появляется съ конца XIV вѣка цѣлый рядъ ересей, образовавшихся, какъ полагаютъ, не безъ вліянія западныхъ реформаціонныхъ идей. Правда, еретичество впадаетъ въ другую крайность — въ грубое отрицаніе основныхъ положеній вѣроученія, догматовъ, но важно то, что во многихъ еретическихъ головахъ замѣчается стремленіе къ болѣе духовному пониманію религіи и мелькаютъ иногда высоко гуманныя мысли, какъ, на примѣръ, у Башкина, мысль объ освобожденіи рабовъ. Съ другой стороны, среди самого православнаго духовенства съ конца XV вѣка раздаются голоса противъ обрядоваго благочестія, противъ богатствъ монастырскихъ, какъ

главной причины паденія монастырскихъ нравовъ, противъ крайней нетерпимости къ еретическимъ заблужденіямъ. Таковы были взгляды строгаго пустынника Нила Сорскаго, довершившаго свое богословское образованіе на Афонѣ, и его учениковъ и послѣдователей, подвижниковъ Бѣлоозерскихъ скитовъ и монастырей, извѣстныхъ подъ именемъ „Заволжскихъ старцевъ“.

Эти внутренніе враги установившагося въ средѣ книжной міровозрѣнія вызвали на борьбу съ собой самыхъ энергичныхъ изъ московскихъ книжниковъ, архіепископа Геннадія и Іосифа Волоцкаго, основателя Волоколамскаго монастыря.

Оба проявили много ревности къ дѣлу православія и еще болѣе жестокости къ еретикамъ. Писались обличенія противъ еретическихъ заблужденій, собирались соборы на еретиковъ, беспощадно осуждавшіе ихъ на казни и заточенія. Но еретичество продолжало существовать, такъ какъ условія, породившія его, оставались неизмѣнными. Такъ, несмотря на соборъ 1504 года, нанесшій, по видимому, рѣшительный ударъ ереси жидовствующихъ, ересь продолжала волновать русскіе умы, и Максиму Греку, обличительная дѣятельность котораго началась въ двадцатыхъ годахъ, пришлось писать длинное слово „на іудеевъ“, опровергать тѣ самыя ложныя основанія, которыя раньше опровергалъ Іосифъ Волоколамскій.

Ставшій во главѣ московскихъ книжниковъ, Іосифъ велъ полемику и съ Ниломъ Сорскимъ. Какъ основатель и игуменъ богатаго уже въ то время Волоколамскаго монастыря, онъ былъ задѣтъ за живое проповѣдью Нила о нестяжательности монастырей. Всѣ преимущества въ этой борьбѣ, какъ и въ борьбѣ съ ересью, были на его сторонѣ: его взгляды раздѣляла свѣтская власть и большинство тогдашнихъ іерарховъ, и онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого спора. Но вопросу о монастырскихъ имуществвахъ, какъ и многимъ другимъ церковнымъ вопросамъ, суждено было еще долго волновать русскіе умы. По смерти Нила и Іосифа, полемика продолжалась съ меньшимъ ожесточеніемъ ихъ послѣдователями — „іосифлянами“ и „заволжскими старцами“.

Но не одніи критическія мнѣнія Сорскаго да ереси, эти внутренніе враги, расшатывали старые взгляды, сложившіеся подъ исключительнымъ одностороннимъ вліяніемъ Византіи; въ XVI вѣкѣ

нахлынули на старую Русь новые, внѣшніе враги, съ которыми справиться было еще труднѣе. Это тѣ вліянія западныхъ книжекъ, западныхъ идей и обычаевъ, отъ которыхъ мы никакъ не могли уберечься. Несмотря на вошедшіе въ нашу плоть и кровь завѣты Византіи, издавна внушавшей намъ ненависть „къ латинѣ“, мы должны были въ силу потребностей быстро развивающагося государства русскаго поневолѣ обратиться за помощь къ латинскому западу: Москва, этотъ третій Римъ, которому, по сказанію старца Филофея, надлежало стоять вѣчно, была неповинна ни въ какомъ знаніи, ни въ какомъ художествѣ. И вотъ мы принуждены выписывать съ запада образованныхъ иностранцевъ художниковъ, мастеровъ.

Встрѣча и знакомство съ иностранцами вскорѣ отражается и въ жизни русскихъ людей.

Русскіе люди начинаютъ носить иностранное платье, брить бороду и усы. И въ литературѣ этого времени замѣтно большое оживленіе. Появляются книги съ новымъ западнымъ направленіемъ: альманахи, планидники, книги о судьбѣ, и находятъ большой кругъ читателей. Распространяются мысли о фортунѣ, астрологическія суевѣрія во всехъ слояхъ общества. Передовые люди того времени перестаютъ бояться думать, страшиться „проклятаго мнѣнія“, начинаютъ читать не только церковныя книги, но и свѣтскія: аскетическій идеалъ теряетъ свое обаяніе. Бояринъ Федоръ Карповъ, другъ Максима Грека, читаетъ латинскія книги и въ нихъ ищетъ разрѣшенія своихъ недоумѣній. Онъ зараженъ пристрастіемъ къ астрологіи, которую усердно распространялъ въ то время врачъ великаго князя „нѣмчинъ“, „латынинъ“ Николай Люевъ (или Булевъ). Карповъ увлекается красотой природы, удивляется тому стройному порядку и правильности, которые обнаруживаются въ ея явленіяхъ. Онъ упрекаетъ Максима Грека, предостерегающаго его отъ излишняго увлеченія природою, за строгій приговоръ свѣтскому знанію, чѣмъ вызываетъ длинное посланіе со стороны послѣдняго.

По мѣрѣ того, какъ усиливается западное вліяніе, вліяніе Византіи все болѣе и болѣе слабѣетъ. Знаніе латинскаго языка у насъ въ это время болѣе распространено, чѣмъ знаніе греческаго. Вызовъ ученаго святогорца въ Москву объясняется именно тѣмъ, что въ Москвѣ

не нашлось человека, знающаго греческій языкъ. Первые переводы Максима, по незнанію русскаго языка, сдѣланы имъ при помощи русскихъ толмачей, которымъ онъ „сказывалъ по-латыни“, а они уже переводили по-русски. Еще раньше Геннадій, при составленіи полной библіи, пользовался латинскимъ текстомъ и латинскими переводчиками. Греки, участвующіе въ умственномъ движеніи Россіи XVI и XVII столѣтій, какъ Максимъ Грекъ, Арсеній Грекъ, Паисій Лигаридъ, братья Лихуды, являются людьми, хотя и сохранившими восточное православіе, но учившимися въ западныхъ училищахъ и университетахъ. Даже въ дѣлахъ церковныхъ замѣтно ослабленіе греческаго вліянія: русскіе митрополиты уже поставляются у себя дома и дѣлаются вполне независимыми отъ константинопольскаго патріарха. Мало того, русскіе начинаютъ смотрѣть подозрительно на византійцевъ: у нихъ является мысль, что греки успѣли развратиться подъ властію турокъ.

Обнаружившіяся въ XVI столѣтіи въ русской жизни и литературѣ новшества возбуждаютъ негодованіе и страхъ за будущее русской земли въ людяхъ стараго порядка. Они всѣми силами стараются удержать старые взгляды, старые обычаи, получившіе въ ихъ глазахъ религіозное освященіе. Бояринъ Берсень въ дружеской бесѣдѣ съ Максимомъ съ твердою увѣренностью говоритъ, что та земля, которая переставляетъ обычаи, не долго стоитъ. Отцы Стоглаваго Собора заявляютъ, что „обычаи понешатались“, и стремятся „утвердить неколебимо въ роды и роды“ русскую національную отчину и православную старину. Домострой также представляетъ собою стремленіе закрѣпить навѣки сложившіяся въ древней Руси строй домашней жизни. Макарій, собирая всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“, въ своихъ Четы-Миняяхъ старается положить какъ бы предѣлы, за которые не должна переступать русская мысль. Эта тревога въ лагерѣ охранителей, идеаломъ которыхъ была неподвижность старины ясно указываетъ, что русское общество уже раскололось на двѣ неравныя части, что среди старой Руси нарождалась уже новая Русь, въ которой давали себя чувствовать непочатыя силы великаго народа, освобождавшіяся отъ тяжелыхъ вѣковыхъ запретовъ старины. Передовое меньшинство не могло еще торжествовать побѣды надъ ста-

рыми вѣковыми преданіями, но оно представляло собою живое начало историческаго движенія, заявляло рѣзко и сильно о своемъ существованіи и носило въ себѣ залогъ будущаго успѣха.

III.

Когда Максимъ Грекъ пріѣхалъ въ Москву, при дворѣ великаго князя наибольшимъ вліяніемъ пользовались два лица: митрополитъ Варлаамъ и инокъ Вассіанъ Косой (въ міру князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, попавшій въ опалу при Иванѣ III и насильно постриженный въ монахи). Оба они отличались твердостью убѣжденій и по своимъ взглядамъ принадлежали къ тѣмъ „Заволжскимъ старцамъ“, которые воспитались въ идеяхъ Нила Сорскаго. Въ пріѣздѣ грека они въ скоромъ времени увидѣли своего единомышленника, и между ними установились близкія искреннія отношенія. Вниманіе со стороны вел. князя, расположеніе вліятельныхъ при дворѣ лицъ дали Максиму возможность занять въ Москвѣ сразу высокое, почетное положеніе.

Послѣ осмотра богатой книгами великокняжеской бібліотеки, которая, по словамъ Максима, была почти всегда на запорѣ, ему дали порученіе перевести Толковую Псалтирь. При выборѣ книги для перевода руководились, какъ предполагаютъ, тѣмъ, что псалтирь была наиболѣе любимую и распространенною книгою у нашихъ предковъ и что она въ послѣднее время пострадала отъ искаженій, сдѣланныхъ „жидовствующими“, которые „испревращали“ псалмы въ своихъ видахъ. Такъ какъ Максимъ не зналъ славянскаго языка, то въ помощь ему дали двухъ толмачей: Дмитрія Герасимова, учившагося въ ливонскихъ училищахъ, и Власія, которые знали латинскій языкъ, а для записыванія назначили писцовъ: Михаила Медоварцева и инока Силуана. „Нынѣ, господине, писалъ одному дяку Герасимовъ, Максимъ Грекъ переводитъ Псалтирь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняясь: онъ сказываетъ по-латынски, а мы сказываемъ по-русски писаремъ“... Это былъ, какъ мы видимъ, двойной переводъ, требовавшій вниманія и осторожности отъ всѣхъ участниковъ; слѣдова-

тельно, и отвѣтственность за ошибки не могла падать всею своею тяжестью на одного Максима. Толковая Псалтирь заключала въ себѣ, кромѣ текста псалтири, сводъ различныхъ толкованій, часто расходившихся въ объясненіи однихъ и тѣхъ же псалмовъ, при чемъ среди толкователей были и еретики. Максимъ раздѣлилъ толкованія на классы, далъ характеристики направлений, опредѣливъ и степень православія каждаго изъ нихъ и приложивъ свои замѣчанія для руководства простодушному русскому читателю. Уже при этой первой работѣ вполне обнаружались и обширныя знанія, и критическій талантъ святогорца. Около полутора года трудился Максимъ надъ переводомъ псалтири и такъ сильно былъ занятъ, что „не имѣлъ праздности дыхати“, по его собственнымъ словамъ. Трудность работы заключалась какъ въ самомъ переводѣ съ греческаго языка, богатаго значеніями словъ и способами выраженія, на языкъ славянскій, еще не разработанный до такихъ тонкостей, такъ и во многихъ ошибкахъ, открывшихся въ прежнемъ переводѣ псалтири, сдѣланномъ до Максима, и объясняемыхъ неискусностью прежнихъ переводчиковъ и переписчиковъ. Въ посланіи въ великому князю, которое было и введеніемъ къ его труду, Максимъ говоритъ о своихъ стараніяхъ удалить явныя несообразности, но откровенно сознается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ и его сотрудники ничего не могли сдѣлать и оставили, какъ было. Скромность заставляетъ его признать свой трудъ слабымъ и требующимъ многихъ исправленій, однако для этой цѣли, по его мнѣнію, нужны люди, не только сильные въ знаніи греческаго языка, но и вооруженные „граматичными художествами и риторскою силою“.

По окончаніи перевода, Максимъ представилъ его вел. князю. Считалъ ли онъ, что дѣло, для котораго его вызвали, окончено, или московская жизнь была ему не по душѣ, но только долге оставаться въ Москвѣ онъ не хотѣлъ. Въ томъ же посланіи къ князю, ходатайствуя о вознагражденіи за усердіе своихъ сотрудниковъ, для себя онъ проситъ, какъ милости, позволенія возвратиться на Афонъ. „Избавь насъ отъ печали долгой разлуки, пишетъ Максимъ, возврати безбѣдно честному монастырю Ватопедскому, давно уже насъ ждущему. Дай намъ совершить обѣты иноческіе тамъ, гдѣ мы ихъ произнесли... Отпусти насъ скорѣе въ миръ, чтобы намъ возвѣ-

стить и тамъ находящимся православнымъ о твоихъ царскихъ доблестяхъ, да вѣдаютъ бѣдствующіе христіане тѣхъ странъ, что есть еще на свѣтѣ царь, не только владѣющій многими народами, но и цвѣтущей правдою и православіемъ, подобно Константину и Θεодосію великимъ“... При чтеніи этихъ строкъ, невольно думается, что Максимъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и наблюдательный, успѣлъ уже за это время подмѣтить такія стороны московской жизни, съ которыми мириться былъ не въ силахъ, и что онъ былъ какъ-будто томимъ тяжелымъ предчувствіемъ отказа, заставлявшимъ его усиливать выраженія своего посланія.

Спустя нѣсколько времени переведенная псалтирь была принесена въ царскія палаты и, въ присутствіи цѣлаго собора духовныхъ лицъ, торжественно одобрена митрополитомъ, который назвалъ ее источникомъ благочестія. Великій князь съ радостію принялъ книгу, отпустилъ пріѣхавшихъ съ Максимомъ святогорцевъ, пославъ съ ними богатую милостыню, но самого переводчика, щедро вознаградивъ за трудъ, расположилъ, какъ говоритъ одинъ біографъ, остаться въ Москвѣ для дальнѣйшей работы.

Такимъ образомъ, предчувствіе Максима сбылось. Въ тѣ времена, справедливо замѣчаетъ тотъ же біографъ, иностранцу не такъ легко было выѣхать изъ Москвы, какъ въѣхать въ нее, если только присутствіе его считали полезнымъ для себя или возвращеніе домой почему-либо вреднымъ.

Но, оставаясь въ Москвѣ, Максимъ Грекъ уже не могъ ограничиться ролью простаго переводчика книжнаго. Русская жизнь сама, такъ сказать, врывается въ его келью. У него уже были друзья; ученый авторитетъ его стоялъ такъ высоко, что на него смотрѣли, какъ на человѣка, который можетъ указать, какъ митрополиту жить и какъ государю устроить свою землю; къ нему приходили болѣе просвѣщенные изъ москвичей „спираться межъ себя о книжномъ“; къ нему обращались за совѣтами въ случаяхъ разныхъ недоумѣній; къ нему присылали новыя литературныя произведенія, желая знать его мнѣніе. Его умъ, благородная прямота и сердечная отзывчивость невольно привлекаютъ къ нему лучшихъ людей того времени, изъ которыхъ многіе впоследствии приобрѣли историческую извѣстность. Въ самомъ непродолжительномъ времени

Максимъ былъ введенъ своими друзьями во все вопросы, волновавшіе тогда московскую книжную среду. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему Вассіанъ, который былъ сильно занятъ вопросомъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Будучи ученикомъ Нила Сорскаго и ревностнымъ послѣдователемъ его, Вассіанъ велъ теперь горячую полемику съ „іосифлянами“, настойчиво доказывая мысль своего учителя о неприличіи монастырямъ владѣть населенными имѣніями. Благодаря услугамъ Максима, дѣлавшаго для него переводы съ греческихъ подлинниковъ, Вассіанъ составилъ новый сборникъ церковныхъ правилъ, изъ котораго выяснилось, что греческіе монастыри, служившіе намъ образцами, не владѣли селами, а только угодьями: пашнями, садами, виноградниками. Вассіанъ видѣлъ теперь въ Максимѣ своего просвѣтителя и проникся еще большимъ къ нему уваженіемъ. Дальнѣйшая работа святогорца по переводу и исправленію церковныхъ книгъ, надзоръ за которою былъ порученъ Вассіану, окончательно убѣдила его въ неисправности русскихъ книгъ и еще болѣе возвысила въ его глазахъ авторитетъ ученаго грека. Онъ съ свойственною ему несдержанностію и рѣзкостью началъ теперь во всеуслышаніе говорить, что до Максима по старымъ книгамъ Бога не славили, а хулили, и тѣмъ, какъ увидимъ, крайне вредилъ своему другу.

Пользуясь полнымъ довѣріемъ митрополита и Вассіана, Максимъ продолжалъ свои труды пока съ полнымъ спокойствіемъ. Ему поручили пересмотръ и исправленіе нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ; онъ сдѣлалъ переводъ житія пресв. Богородицы Метафраста и составилъ опись книгамъ великокняжеской бібліотеки.

Но по мѣрѣ того, какъ Максимъ ближе всматривался въ окружающую его жизнь, болѣе и болѣе овладѣвалъ русскимъ языкомъ, подробнѣе знакомился съ русской литературой, онъ находилъ все новые поводы къ возмущенію, потому что на каждомъ шагу встрѣчался съ явленіями, стоявшими въ прямомъ противорѣчій съ его идеальными требованіями. Взлелѣянное вѣками невѣжество, печальное состояніе русскихъ нравовъ, неисправность церковныхъ книгъ, цѣлая литература апокрифическихъ сказаній, старыхъ и новыхъ, сохранявшихъ часто остатки языческихъ вѣрованій, наплывъ новыхъ книгъ съ западнымъ направленіемъ — все это вызывало его

на борьбу. Многое изъ того, что онъ встрѣтилъ въ Москвѣ, могло напомнить ему Италію, и, можетъ, быть, оживить въ его душѣ воспоминанія о знаменитомъ флорентійскомъ проповѣдникѣ. Какъ бы то ни было, но, какъ человѣкъ горячо убѣжденный, прямой, не привыкшій скрывать своихъ взглядовъ, онъ во всякомъ случаѣ, не могъ долго молчать. Взнявшись за перо, онъ задался цѣлью поднять русскіе нравы и очистить русскую литературу отъ всего того, что противорѣчило православному преданіямъ.

Сочиненія Максима Грека представляютъ для исторіи литературы чрезвычайно цѣнный матеріалъ. Хотя онъ, какъ монахъ, съ своей аскетической точки зрѣнія о многомъ судилъ невѣрно и не всегда былъ правъ въ своихъ обличеніяхъ, но въ нихъ такъ или иначе отразились довольно полно уместные интересы, духовная жизнь его современниковъ.

Наблюдая русскіе нравы, Максимъ, стоявшій по своему образованію гораздо выше московскихъ книжниковъ, лучше ихъ видѣлъ причины нравственной грубости и распущенности. Указывая на злоупотребленія „властелей“, которые „лихоимствуютъ, хотятъ имѣнія и стяжанія вдовицъ и сиротъ“, онъ отлично понималъ, что тогдашнее право „кормленія“ составляло величайшее зло русской жизни и совѣтовалъ служилыхъ людей „обильно награждать“, потому что, обогащая ихъ, царь укрѣпляетъ государство, ограждаетъ вдовъ и бѣдныхъ отъ притѣсненій. Обличая грубѣйшіе пороки современниковъ, подобно нѣкоторымъ нашимъ тогдашнимъ моралистамъ, онъ, какъ монахъ, требуетъ строгаго примѣненія къ жизни евангельскихъ заповѣдей и въ то же время, какъ человѣкъ образованный, указываетъ русскимъ людямъ новое средство къ подъему нравственности—западную науку,—средство, о которомъ, какъ мы сказали, не догадывался ни одинъ изъ московскихъ книжниковъ. Восхищаясь Парижемъ, Максимъ среди безчисленныхъ его благъ считаетъ главными его школы, въ которыхъ можно найти „всякое художество, не точію нашего благочестиваго богословія и философія священныя, но и вишняго наказанія (т. е. свѣтской науки) всяческая ученія...“ Ученымъ, распространяющимъ тамъ науки, говоритъ онъ, даются „обильные оброки во вся лѣта отъ царскихъ сокровищъ.“ Туда собираются люди отъ всѣхъ западныхъ и сѣ-

верныхъ странъ и не только сыновья простыхъ людей, но боярскаго и княжескаго сана, и царскіе сыновья. Обращаясь къ русскимъ людямъ, онъ прибавляетъ, что образованнымъ людямъ „подобаетъ бывать и у насъ“, потому что такіе возмогуть, по его мнѣнію, не только свои непохвальныя страсти одолѣть и блюсти себя отъ лихоиманія и сребролюбія, но и другихъ понудятъ подражать имъ. Познакомившись съ бытомъ русскихъ монастырей, онъ обратился съ обличеніями къ монашеству за его распущенность, за стремленіе къ стяжанію и вступилъ въ горячую полемику съ „іосифлянами“. Вооруженный искусствомъ логики и діалектики, усвоившій у западныхъ гуманистовъ ихъ излюбленныя формы сочиненія: посланіе, ораторскую рѣчь, разговоръ, отличавшійся живостью, онъ явился для „іосифлянъ“ гораздо болѣе опаснымъ соперникомъ, чѣмъ Вассіанъ. Вполнѣ раздѣляя взгляды Пила на монастырскія имѣнія, Максимъ, подобно ему, отрицаетъ монастырскія права на основанія евангельскаго и апостольскаго ученія, но его рѣчи дѣйствуютъ сильнѣе своею живостью, доступностью и авторскимъ воодушевленіемъ. Нельзя, говорить онъ, стремиться иноку къ стяжанію, потому что не можетъ душа служить вмѣстѣ двумъ господамъ — Богу и мамонѣ, потому что нельзя человѣку смотрѣть однимъ глазомъ на землю, а другимъ на небо. Въ примѣрѣ русскимъ монахамъ онъ ставитъ картезіанскихъ, питавшихся однимъ подаеніемъ. Главное сочиненіе по этому вопросу написано имъ въ формѣ разговора между двумя лицами: Филоктимомъ и Актимомъ (любостяжателемъ и нестяжателемъ). Въ уста перваго онъ вложилъ тѣ доказательства, которыя обыкновенно выставлялись „іосифлянами“ въ защиту правъ монастырей на владѣніе селами, а въ уста втораго свои собственныя возраженія. Здѣсь онъ очень искусно разбиваетъ одинъ за другимъ доводы своихъ противниковъ, пользуется примѣрами, взятыми изъ жизни, наглядными сравненіями, и главную заботу его, какъ всегда, составляетъ угнетенный классъ — „бѣдные селяне“, обремененные „тягчайшими росты“, не могущіе „отдати заемное“, и „наипаче тружающіеся безпрестани и стражущіе въ селѣхъ нашихъ“. Главною цѣлью всѣхъ его нравоучительныхъ сочиненій было возвысить русскихъ людей до духовнаго пониманія религіозно-моральныхъ истинъ. Очень

часто у него сквозить мысль, что не столько важны догматы и обряды, сколько нравственная жизнь, согласованная съ евангельскимъ ученіемъ. И очень часто у него хватаетъ мужества ставить намъ въ образецъ западную жизнь,—жизнь тѣхъ самыхъ латинянъ, которыхъ мы считали „погаными“, и за пристрастіе къ которымъ часто слѣдовало у насъ обвиненіе въ ереси и строгое осужденіе. У латинянъ, говоритъ онъ, неправильно ученіе, а жизнь лучше нашей: „не усовершенствуетъ насъ единая православная вѣра, аще не притяжемъ евангельскихъ заповѣдей прилежно дѣланіе“. Окрестъ живущіе ляхи и нѣмцы, наставительно замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ (подвластныхъ)“.

Принявшись за изученіе русской литературы, Максимъ былъ пораженъ обиліемъ въ ней апокрифическихъ произведеній. Дѣйствительно, апокрифы представляли любимѣйшее, интереснѣйшее чтеніе для дѣтски наивнаго тогдашняго читателя, котораго, какъ ребенка, мучило любопытство знать каждую недоговоренную св. писаніемъ драматическую подробность того или другаго священнаго событія. Апокрифъ для человѣка, еще не отрѣшившагося отъ языческихъ представленій, привыкшаго къ образамъ и олицетвореніямъ, былъ доступнѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія книжниковъ, своею наглядностью, картинностью изображенія и легкимъ, живымъ изложеніемъ. Апокрифъ часто помогалъ, говорить одинъ изслѣдователь, пониманію отвлеченныхъ вопросовъ вѣроученія, представляя ихъ рѣшеніе въ поэтической картинѣ. Вотъ причины, по которымъ, не смотря на строгія преслѣдованія, апокрифическія произведенія имѣли у насъ большой успѣхъ. Максимъ Грекъ подвергаетъ строгому разбору многіе изъ старѣйшихъ у насъ апокрифовъ, вѣрно указывая въ нихъ мѣстами остатки языческихъ вѣрованій, мѣстами отступленія отъ православныхъ преданій и ложныя толкованія. Но бѣльшее вниманіе онъ удѣляетъ книгамъ съ новымъ западнымъ направленіемъ, распространявшимся вѣру въ судьбу, мысли о fortunѣ, астрологическія суевѣрія.

Обиліе обличеній Максима Грека, направленныхъ противъ астрологіи и, главнымъ образомъ, противъ распространителя этихъ ученій, „латынина“ и „прелестника“ Николая, несомнѣнно свидѣтельству-

ють о силѣ западнаго вліянія у насъ въ XVI вѣкѣ. Новымъ ученіемъ заражаются даже духовныя лица, какъ видно изъ посланія Максима къ „нѣкому инокъ, игумену бывшу, о нѣмецкой прелести фортунѣ“, и князя, какъ показываетъ другое посланіе его къ „нѣкому князю: слово на звѣздохочетцевъ...“ Максимъ, какъ человекъ западной школы, вѣрно указываетъ источникъ этихъ суевѣрій, слѣдитъ за исторіей ихъ развитія, объясняя, когда и откуда заимствовали ихъ „латыне зловѣрные“ и „нѣмцы прегордые“. Главная мысль его—доказать, что вѣра въ фортуны подрываетъ вѣру въ Промыслъ Божій. Какъ монахъ, онъ называетъ эти выдумки порожденіемъ дьявола и современныя бѣдствія объясняетъ наказаніемъ за то, что мы прельщаемся ими. Приходя въ сильное негодованіе на звѣздохочетовъ, онъ даже совѣтуетъ изгонять ихъ изъ общества, какъ орудіе демоновъ. Въ связи съ новыми книгами астрологическаго содержанія стоитъ сборникъ, подъ названіемъ „Луцидаріусъ“, только что переведенный съ нѣмецкаго какимъ-то Георгіемъ и присланный Максиму, вѣроятно, для оцѣнки. Это цѣлая народная энциклопедія, гдѣ на ряду съ вопросами религіозными трактуются вопросы физическіе и космографическіе и помѣщены разсужденія о вліяніи планетъ на судьбу и темпераментъ человека. Максимъ сурово отнесся къ этой книгѣ и, подвергнувъ подробно ее разборъ, совѣтовалъ автору „отлучаться римскихъ и эллинскихъ ученій“, которыми „зѣло“ прельстились латыняне, и читать книгу Дамаскина, находя, что съ нею можно быть и хорошимъ богословомъ, и естествовѣдомъ.

Литературная дѣятельность Максима Грека въ лучшихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени разсматривается съ двухъ сторонъ. Какъ человекъ богословски и филологически образованный, онъ стоялъ неизмѣримо выше московскихъ грамотеевъ въ пониманіи религіозныхъ вопросовъ и вопросовъ христіанской морали, и въ своихъ сочиненіяхъ, касающихся этой области, является передовымъ писателемъ, руководителемъ, указывающимъ новые пути; но въ оцѣнкѣ свѣтской дѣятельности, свѣтскаго знанія онъ, какъ монахъ, на многія явленія жизни смотрѣлъ глазами нашихъ старинныхъ книжниковъ.

Несмотря на то, что Максимъ былъ въ Италіи въ самый раз-
дѣсять чтеній.

гарь увлеченій классическою древностью и находился въ самомъ центрѣ этого умственнаго движенія, во Флоренціи, онъ не сдѣлался настоящимъ гуманистомъ. Воспитанный на родинѣ въ духѣ строгаго православія, впечатлительный юноша боялся отдаться вполне изученію языческой мудрости и, какъ мы видѣли, „не довольно пребывалъ въ ея преддверіи“. Отрицательныя стороны итальянскаго возрожденія оттолкнули его, а положительныя остались ему чужды. Фанатическая проповѣдь Савонаролы изгладилла послѣдніе слѣды того легкаго увлеченія классиками, въ которомъ онъ самъ признается. Главная заслуга гуманизма, освободившаго свѣтскую науку изъ подчиненнаго положенія, какое занимала она въ средніе вѣка при богословіи, была имъ непонята. Точно также были имъ непоняты и результаты этого освобожденія: новыя понятія о природѣ и человѣкѣ, зарожденіе вѣротерпимости, духъ свободной критики, которые распространялись по Европѣ подъ вліяніемъ идей гуманизма. Онъ былъ даже враждебно настроенъ къ этой пытливости человѣческаго ума. „Кромѣ преданія писаннаго глаголати что или учити“, говоритъ онъ при разборѣ Луцидарія, нѣсть похвально“. „Миѣ же заповѣдь есть высшихъ себе не выскovati, замѣчаетъ Максимъ въ другомъ мѣстѣ“, ни уставляти, о нихъ же единому открыся отъ вѣка“. Аскетическій взглядъ на земную жизнь человѣка, вынесенный изъ проповѣдей Іеронима и монастырскихъ библіотекъ Аона, мѣшалъ ему справедливо оцѣнить свѣтскую дѣятельность и свѣтское знаніе. Правда, онъ признавалъ возможность душевнаго спасенія не для одного монаха, а и для мірянина, но жизнь и дѣятельность послѣдняго онъ ставилъ невысоко сравнительно съ монашескою, которую уподоблялъ ангельскому житію. Онъ признавалъ, какъ мы видѣли, и значеніе свѣтскаго знанія и совѣтовалъ русскимъ людямъ поучиться, но суживалъ это значеніе, смотря на образованіе, только какъ на средство къ лучшему разъясненію религіозно-моральныхъ истинъ и къ смягченію нравовъ. Отсюда его наивный, простодушный взглядъ на природу человѣка и все, его окружающее,—взглядъ, приближающій его къ нашему книжнику. Ему, напр., не нравятся толкованія Луцидарія о движеніи неба, потому что, по его миѣнію, оно есть „комара“ или шатеръ, раскинутый надъ землею и опирающійся на ея бока. Онъ про-

стодушно вѣрять во вмѣшательство злыхъ и добрыхъ силъ въ жизнь человѣка и раздѣляетъ общее въ то время мнѣніе о скорой кончинѣ міра. Пораженный и напуганный тѣми явленіями, которыя онъ встрѣтилъ въ русской жизни и литературѣ и которыя представлялись ему гибельными отступленіями отъ православія, онъ представляетъ московское царство въ видѣ вдовы, сидящей на распутии, въ пустынѣ, окруженной хищными звѣрями, при чемъ пустынный путь въ этой аллегоріи есть путь этого окаяннаго послѣдняго вѣка. Въ другомъ словѣ онъ говоритъ еще яснѣе: „антихристъ не зѣло далеко есть, но при дверехъ уже стоитъ“ и ожидаетъ „второго страшнаго на земли Спаса Христа пришествія“. Аскетическая точка зрѣнія мѣшала ему правильно отнестись къ той странѣ, въ которую онъ былъ закинутъ судьбой, и къ тѣмъ новымъ для этой страны вліяніямъ, которыя привели его въ напрасный ужасъ. Передъ нимъ была страна съ только-что зарождавшимися умственными интересами, и новыя вліянія, медленно и тайкомъ прокрадывавшіяся въ нее, не представляли ничего ужаснаго и не заслуживали строгаго осужденія. Занесенныя къ намъ съ запада, на примѣръ, астрологическія суевѣрія имѣли у насъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, что въ Италіи. Сравнительно съ вѣрою въ „чохъ“ и „встрѣчу“ и т. п. предразсудками они представляли шагъ впередъ: они основывались на знакомствѣ съ небесными свѣтилами, ихъ положеніемъ, движеніемъ и составляли извѣстную переходную ступень въ развитіи астрономическихъ званій. Не даромъ ими увлекались любознательныя передовые люди того времени, какъ бояринъ Карповъ. Боязнь утратить чистоту православія заставляла Максима иногда метать свои обличительныя стрѣлы въ совершенно пустое пространство. Такъ, онъ обличаетъ нашихъ предковъ въ пристрастіи къ древне-эллинской языческой мудрости, о которой они не имѣли никакого понятія.

Ревностная защита русской православной старины ставитъ Максима въ ряды нашихъ охранителей того времени; онъ стоитъ здѣсь рядомъ съ старцемъ Филофеемъ и Макаріемъ, и симпатіи нашихъ раскольниковъ къ преподобному Максиму, обличителю звѣздозрительной прелести и вообще „земской мудрости“, становятся совершенно понятными. Для него, византійскаго монаха, эта православная русская старина особенно дорога, потому что основы ея со-

ставляютъ тѣ самыя святоотческія писанія, въ духѣ которыхъ онъ воспитанъ.

Но по мѣрѣ того, какъ росла и расширялась дѣятельность заѣзжаго святогорца, касаясь все новыхъ и новыхъ сторонъ русской жизни, положеніе его въ Москвѣ становилось все опаснѣй.

Уже одно исправленіе книгъ вызвало всеобщее недовольство въ книжной средѣ. Извѣстно, что еще при первомъ переводѣ нѣкоторые изъ сотрудниковъ Максима выражали недовѣріе къ его поправкамъ. Тѣхъ оснований, которыми руководился при своей работѣ ученый грекъ, конечно, тогдашніе грамотеи понять не могли, потому что они никогда не слыхали ни о грамматикѣ, ни о риторикѣ, ни о логикѣ, ни о какихъ другихъ наукахъ. Какъ велика была та пропасть, которая отдѣляла Максима отъ московскихъ людей, можно видѣть изъ разъясненій и наставленій, которыя ему приходилось дѣлать для нихъ. Этимъ бородатымъ книжникамъ онъ объяснялъ, на примѣръ, что слова въ концѣ Іоаннова Евангелія о неслѣдственности въ цѣломъ мірѣ книгъ съ подробнымъ изложеніемъ дѣянія Іисуса Христа, слѣдуетъ понимать не буквально, что въ словахъ ектеніи „о свѣшнемъ мірѣ“ слѣдуетъ понимать не міръ ангельскій, а міръ—спокойствіе, что слову исполнѣтъ неправильно придавать значеніе звѣря; приходилось толковать о значеніи словъ, помѣщаемыхъ на иконахъ Богородицы, и объяснять, что это слова греческія и значить Матерь Божія, а не Марѳа и не Мирѳа, „якоже нѣщій веуе непщуютъ (предполагаютъ)“. Любопытно прочесть также наставленія, которыя давалъ Максимъ книжникамъ, желая предупредить дальнѣйшую порчу книгъ плохими переводчиками. Онъ написалъ по-гречески русскими буквами 16 стиховъ героическаго и элегическаго размѣра, приложилъ къ нимъ греческіе тексты съ славянскимъ переводомъ и говорилъ: если кто придетъ къ вамъ послѣ моей смерти и скажетъ, что знаетъ греческій языкъ, заставьте его перевести эти строки; если сможетъ, то вѣрьте ему—„добръ есть и искусенъ“; если при этомъ скажетъ, какою мѣрою сложены стихи эти, то „предобръ есть, пріимите его съ любовію и честію и жалуйте вещадно“... При отсутствіи взаимнаго пониманія между Максимомъ и той средой, для которой онъ трудился, столкновеніе было неизбежно. „Ты досаждаешь,—говорили ему недовольные его исправле-

ніями богослужебныхъ книгъ,—возсіявшимъ въ нашей землѣ чудотворцамъ: они старыми священными книгами благоугодили Богу и прославились отъ него святостію и чудотвореніемъ⁴. Максимъ отвѣчалъ имъ, основываясь на извѣстныхъ словахъ ап. Павла, что не всякому даются всѣ дары духовные, что святымъ чудотворцамъ русскимъ за ихъ святую жизнь данъ даръ исцѣлять, творить чудеса, но дара языковъ и сказанія (т. е. выраженія) они не принимали свыше. „Иному же, какъ мнѣ грѣшному, наче всѣхъ земнородныхъ дано разумѣть языки и сказаніе, и потому не удивляйтесь, если я исправляю опіеки, которыя утаились отъ нихъ“.

Но еще большее недовольство вызвалъ Максимъ въ средѣ московскихъ іерарховъ, большинство которыхъ вышло изъ стѣнъ Волоколамскаго монастыря, своимъ содѣйствіемъ Вассіану и своими собственными обличительными сочиненіями, направленными противъ „іосифлянъ“. Его проповѣдь о нестяжательности монашеской была понята, подобно книжнымъ исправленіямъ, какъ оскорбленіе, какъ хула на русскихъ святыхъ, спасавшихся въ русскихъ монастыряхъ и угодившихъ Богу.

Въ то время, какъ росло число недовольныхъ Максимомъ, обстоятельства складывались также неблагопріятно для него, увеличивая опасность его положенія. Въ 1521 году старецъ Варлаамъ, всегдашній заступникъ передъ властью за обвиненныхъ и челоуѣкъ твердыхъ убѣжденій, по какимъ-то непріятностямъ съ великимъ княземъ долженъ былъ оставить митрополию и отправиться въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ монастырей. Великій князь Василій Ивановичъ, благоволившій въ послѣднее время въ Волоколамскому монастырю, при выборѣ новаго митрополита остановился на игуменѣ этого монастыря Данилѣ, который былъ назначенъ на игуменство самимъ покойнымъ Іосифомъ. Будущему митрополиту было лѣтъ 30. Это былъ молодой, румяный лицомъ и тучный тѣломъ челоуѣкъ. По характеру своему онъ представлялъ полную противоположность своему предшественнику. Воспитанный въ правилахъ виѣшняго „благоповеденія“, гласившихъ: „ступаніе имѣй кротко“, „гласъ умѣренъ“, „буди въ отвѣтахъ сладокъ“ и т. п., онъ вышелъ податливымъ, угодливымъ, практическимъ челоуѣкомъ. Волоколамскій монастырь выпустилъ многихъ іерарховъ, и всѣ они болѣе

или менѣе похожи были другъ на друга, какъ люди одной школы, но Даниль признается историками за самаго типическаго іерарха „іосифлянина“. Его влеченіе къ вѣшнимъ удобствамъ, любовь къ пирамъ и роскошной одеждѣ, какъ говорятъ, составляли предметъ толковъ въ тогдашнемъ обществѣ. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ оказался преданнымъ слугою великаго князя. Когда князь сѣверскій, заподозрѣнный въ измѣнѣ, былъ вызванъ въ Москву и, опасаясь ловушки, боялся ѣхать для оправданій, великій князь вмѣстѣ съ Даниломъ ручались ему письменно въ безопасности, при чемъ митрополитъ взялъ его „на образъ Пречистыя, да на чудотворцевъ, да на свою душу“. Василій Ивановичъ, преслѣдуя свои политическія цѣли, измѣнилъ своему слову и велѣлъ заключить пріѣхавшаго въ тюрьму, а митрополитъ не только не ходатайствовалъ за него, что составляло его нравственный долгъ, но даже одобрялъ поступокъ великаго князя.

Вассіанъ и Максимъ, конечно, не могли ладить съ новымъ митрополитомъ, по отсутствію въ немъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя были особенно ими цѣнимы въ его предшественникѣ. Кромѣ того, воззрѣнія Данила такъ были противоположны ихъ воззрѣніямъ, что столкновение было неизбежно. И дѣйствительно, отношенія новаго митрополита къ Вассіану съ самаго начала стали враждебными, а съ Максимомъ произошелъ разрывъ въ очень скоромъ времени. Сдѣлавши, по порученію Данила, переводъ бесѣды св. Іоанна Златоуста, Максимъ отказался перевести сочиненія Θεодорита, хотя митрополитъ трижды настойчиво просилъ его объ этомъ. Отказъ Максима былъ сдѣланъ искренно и мотивированъ имъ основательно тѣмъ, что сочиненія Θεодорита для народа малообразованнаго могли представлять опасность, такъ какъ среди нихъ помѣщены письма нѣкоторыхъ ересіарховъ; но тѣмъ не менѣе этотъ отказъ глубоко оскорбилъ самолюбиваго Данила. Къ этому надо прибавить, что и Вассіанъ и Максимъ, продолжая дѣло книжнаго исправленія, уже не обращались за совѣтомъ и благословеніемъ къ новому митрополиту, какъ они дѣлали это по отношенію къ его предшественнику. Такая самостоятельность дѣйствій со стороны простыхъ иноковъ и пренебреженіе къ авторитету его власти еще болѣе усиливали его нерасположеніе къ нимъ. А колкія обличенія

Максима, которыя явно были направлены на нѣкоторыя, указанныя нами, слабости Данила, обратили его нерасположеніе уже въ прямую вражду.

Въ то же время, къ несчастію для обоихъ иноковъ, и отношеніе къ нимъ великаго князя стало понемногу измѣняться къ худшему. Удаленіе Варлаама и выборъ новаго митрополита, іосифлянина, уже обнаруживали охлажденіе Василя Ивановича къ тому направленію, котораго держались Вассіанъ и Максимъ. Вскорѣ имъ обоимъ представился новый случай испытать свое мужество и дать прямо самому великому князю рѣшительный и непріятный для него отвѣтъ по вопросу, чрезвычайно щекотливому. Задумавъ развестись съ первой женою и вступить въ новый бракъ, Василій Ивановичъ пожелалъ знать объ этомъ мнѣніе обоихъ иноковъ, какъ людей близкихъ къ нему и свѣдущихъ въ дѣлахъ церковныхъ. Максимъ и Вассіанъ не привыкли въ угоду кому-нибудь измѣнять свои убѣжденія и рѣшительно отказались одобрить намѣреніе князя. А Данилъ и въ этомъ случаѣ оказался человѣкомъ податливой совѣсти: съ его разрѣшенія и благословенія состоялся въ скоромъ времени и разводъ, и новый бракъ Василя Ивановича. Понятно, что съ этого времени иноки нестяжатели потеряли окончательно расположеніе великаго князя. При этомъ не послѣднюю роль играли и обличительныя посланія Максима, касавшагося съ свойственною ему смѣлостью и „безчинія царей“, и тѣхъ, „иже царскій санъ растлѣвають“.

Лишившись въ лицѣ великаго князя послѣдняго защитника, Максимъ стоялъ теперь одиноко передъ своими многочисленными врагами: дружба Вассіана, утратившаго вліяніе при дворѣ, не могла оказать ему поддержки. Враги поняли беззащитность его положенія и готовились къ нападенію. Мы уже говорили, что установившаяся за Максимомъ репутація умнаго и просвѣщеннаго человѣка собрала вокругъ него людей, которые ходили къ нему бесѣдовать и спорить о разныхъ предметахъ; съ помощію доносовъ, бывшихъ въ то время въ большомъ ходу, открыли теперь, что въ числѣ ходившихъ къ нему были опальные бояре: Иванъ Никитичъ Беклемишевъ-Берсень и дьякъ Федоръ Жареный, по дѣлу которыхъ въ это время началось слѣдствіе. Келейникъ Максима на судѣ по-

казывалъ, что, когда приходилъ бояринъ Берсень, Максимъ всѣхъ высылалъ вонъ и сидѣлъ съ нимъ подолгу одинъ на одинъ. Врагамъ святогорца было это на руку: имъ представлялась возможность замѣшать его въ дѣло опальныхъ и окончательно уронить въ глазахъ великаго князя. Привлеченный къ допросу, Максимъ съ свойственною ему откровенностью, въ данномъ случаѣ излишнею, изложилъ довольно подробно содержаніе своихъ бесѣдъ съ Берсеньемъ, чѣмъ повредилъ и себѣ и ему. Оказалось, что Берсень высказывалъ недовольство современными порядками, жаловался на притѣсненія и обиды отъ великаго князя, неодобрительно отзывался и о немъ, и о Даниилѣ: Максимъ, относясь къ нему съ полнымъ участіемъ, въ свою очередь, дѣлился съ нимъ своими наблюденіями надъ русской жизнью, и оба приходили къ неутѣшительнымъ выводамъ. Какъ человѣкъ, задержанный въ Москвѣ противъ желанія, онъ имѣлъ, конечно, причины жаловаться также и на свое положеніе. Берсень при этомъ предсказывалъ, что его ни за что не отпустить домой. „Держить (князь) на тебя мнѣнія,“ говорилъ онъ, „пришелъ еси сюда, а человѣкъ еси разумный, и ты здѣсь увѣдалъ наша добрая и лихая, и тебѣ тамъ пришедъ все сказывать“. Открытіе этихъ сношеній святогорца съ опальными, обнаружившееся въ ихъ бесѣдахъ недовольство властями, неодобрительные отзывы о нихъ такъ сильно подѣйствовали на Василия Ивановича, что онъ, очевидно, подозрѣвая, что на допросѣ сказано не все, отъ себя лично тайно подсылалъ къ одному изъ опальныхъ игуменъ троицкаго, чтобы вывѣдать „вся истину на Максима“.

Между тѣмъ враги Максима не теряли даромъ времени. Толки и пересуды, составлявшіе любимое препровожденіе времени праздныхъ москвичей, обращались иногда въ вѣрное средство уронить чью-нибудь репутацію, повредить кому-нибудь въ общественномъ положеніи. При помощи этого средства, вѣроятно, удалось набросить тѣнь подозрѣнія на отношенія Максима къ турецкому послу Скиндеру. По крайней мѣрѣ, Максимъ самъ говоритъ, что въ московскомъ обществѣ ходили толки о его измѣнѣ Россіи, и многіе изъ знакомыхъ говорили ему объ этомъ прямо. Знакомство его со Скиндеромъ началось съ 1522 года, въ первый пріѣздъ посла; въ 1524 году онъ пріѣхалъ вторично. Свиданія съ нимъ Максима, мо-

жетъ быть, и частыя, ничего удивительнаго не представляютъ. Максимъ былъ горячій патриотъ: его, конечно, интересовало все, что дѣлается на родинѣ; въ Скиндерѣ онъ видѣлъ своего соотечественника, грека по происхожденію; можетъ быть, томимый тоскою по родинѣ, онъ надѣялся при содѣйствіи Скиндера добиться возвращенія на Аѳонъ и просилъ его объ этомъ. Вотъ тѣ предположенія, какія допускаются историками для объясненія его связи съ турецкимъ посломъ, и нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать его въ томъ фантастическомъ замыслѣ поднять на Россію султана, въ которомъ подозрѣвали его нѣкоторые изъ тогдашнихъ москвичей. У враговъ Максима были свои цѣли: представить его въ глазахъ князя человекомъ коварнымъ и крайне опаснымъ и для самого князя, и для государства, и они совершенно успѣли въ этомъ. Максимъ былъ лишенъ свободы еще ранѣе суда надъ нимъ, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы скорѣе прекратить его опасныя сношенія съ посломъ.

Судъ надъ Максимомъ состоялся весною 1525 года, вскорѣ послѣ казни осужденныхъ Берсея и Жаренаго. Но на этомъ судѣ не было сказано ни одного слова объ отношеніяхъ его къ Скиндеру. Поднимать это дѣло въ виду присутствія въ Москвѣ самого Скиндера считали неудобнымъ, и потому пока разсматривались только церковныя вины Максима. Цѣлый соборъ іерарховъ, подъ предѣтельствомъ митрополита, въ присутствіи великаго князя и многихъ вельможъ торжественно засѣдалъ въ царскихъ палатахъ. Много было взведено обвиненій на несчастнаго святогорца: ему приписывали дерзкую хулу на все русскія книги, хулу на всехъ русскихъ святыхъ, на всю русскую церковь; обвиняли въ ереси на основаніи найденныхъ въ его переводахъ ошибокъ; обвиняли въ злонамѣренной порчѣ книгъ; ставили въ вину и то, что онъ не признавалъ самостоятельности русской церкви. Отцы собора потратили много усилій, чтобы подобрать какъ можно больше обвиненій. Они пользовались для этого всеми средствами: отыскивали ошибки въ книгахъ, собирали свидѣтелей словъ, произнесенныхъ въ разное время въ частной бесѣдѣ съ разными лицами; мысли, высказанныя Максимомъ, преувеличивались, искажались до неузнаваемости, или выхватывались изъ его сочиненій отдѣльно, безъ связи съ предъ

идушими и послѣдующими мыслями. Такъ, напримѣръ, справедливая мысль Максима о неисправности нѣкоторыхъ или многихъ русскихъ книгъ была преувеличена на соборѣ свидѣтелями до дерзкой хулы на всѣ священные книги. Свидѣтели утверждали, будто Максимъ говорилъ, что на Руси нѣтъ ни евангелія, ни апостола, ни правилъ, ни уставовъ. И хотя обвиняемый отказывался отъ приписываемыхъ ему свидѣтелями словъ и возстановлялъ свою мысль въ истинномъ видѣ, митрополитъ все-таки далъ полную вѣру свидѣтельскимъ показаніямъ и назвалъ слова Максима „хулою и злымъ мудрованіемъ“. Обвиненіе въ ереси было основано на очевидномъ грамматическомъ недоразумѣніи иностранца, еще не понимавшаго тогда нѣкоторыхъ формъ чужого языка и поставившаго, при направлении книги, вмѣсто „сѣдѣй одесную Отца“, „сѣдѣвъ одесную Отца“. Непониманіе разницы между формами „сѣдѣй“ и „сѣдѣвъ“ обнаружилось и на самомъ соборѣ: Максимъ и передъ судьями настаивалъ на своемъ, утверждая, что между этими выраженіями „разнствія никотораго нѣтъ“. Но соборъ закрывалъ глаза на все, что могло послужить къ оправданію подсудимаго и, признавъ обвиненіе доказаннымъ, нашелъ еретическій смыслъ въ ученіи Максима о Христѣ, заключавшійся въ противной православному ученію мысли о мимощедшемъ, минувшемъ сидѣніи Христа одесную Отца. Только нѣсколько лѣтъ спустя, вникнувъ въ смыслъ этой ошибки, Максимъ догадался о своемъ промахѣ и прямо искренно признался въ незнаніи языка: „Азъ тогда не вѣдахъ различіе ещцевыхъ реченій“, писалъ онъ въ своемъ „Исповѣданіи вѣры“, „аще бы вѣдалъ бы, никако же бы замолчалъ, но всяко исправилъ быхъ такую нелѣпотную опись“.

Вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ въ связи съ обличеніями современнаго монашества игралъ на судѣ важную роль. Большинство присутствовавшихъ іерарховъ были тѣ самые „іосифляне“, съ которыми Максимъ велъ горячую полемику по этому вопросу и которыхъ, главнымъ образомъ, касались его обличенія. Само собой разумѣется, что отъ такихъ судей невозможно было ждать ни спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія, ни справедливаго рѣшенія. И дѣйствительно, всѣ мнѣнія Максима по вопросу о монастырскихъ имуществвахъ, вся его проповѣдь о иноческой

нестязательности были признаны соборомъ за еретическое мудрованіе и дерзкую „хулу на церковные уставы и законы, и на святые чудотворцы и на святые монастыри“.

Забываясь только о количествѣ обвиненій, отцы собора, какъ мы видѣли, не принимали во вниманіе ни прежнихъ заслугъ подсудимаго, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя явно служили къ оправданію или извиненію его, и съ совершенно спокойной совѣстью осудили, какъ еретика, того самаго человѣка, который такъ много положилъ труда именно на защиту православія и на пользу русскаго просвѣщенія. Кромѣ несомнѣннаго пристрастія, въ несправедливомъ рѣшеніи собора обнаруживается для насъ другая, главная причина — невысокій уровень умственного развитія судей Максима.

Приговоръ собора былъ очень суровъ. Максима отправили въ заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, другими словами, отдали прямо въ руки враговъ. Ему было запрещено писать; у него отобрали греческія книги. Изъ Москвы онъ былъ вывезенъ такъ тайно, по словамъ біографа, что никто не зналъ, живъ ли онъ. Къ его монастырской тюрьмѣ приставлены были два инока: Тихонъ Ленковъ и Іона, которые слѣдили за каждымъ шагомъ осужденнаго. Его мучили голодомъ, дымомъ, морозомъ, иногда въ такой степени, что онъ впадалъ въ омертвѣніе. И нравственное его состояніе было не легче: его томило непревычное умственное бездѣйствіе, мучило сознаніе своей правоты и своего безсилія; ко всему этому присоединялся и страхъ за неизвѣстное будущее. Въ минуты отчаянія онъ изливалъ свою скорбь въ молитвахъ, которыя за недостаткомъ чернилъ и бумаги писалъ углемъ на стѣнахъ своей тюрьмы. Говорятъ, что по временамъ онъ впадалъ въ безсознательное состояніе. Однако, бывали минуты, когда бдительный надзоръ за тюрьмой Максима ослабѣвалъ. Вѣроятно, и въ стѣнахъ самаго монастыря нашлись люди, съ участіемъ относившіеся къ несчастному узнику и доставлявшіе ему возможность вести переписку съ своими друзьями и иногда выпускать въ свѣтъ новыя посланія съ новыми обличеніями своихъ враговъ.

Такъ прошло шесть лѣтъ. За это время обстоятельства измѣ-

нились не къ лучшему для Максима, отыскались новыя вины, и въ 1531 году его снова привезли „съ Волоку на Москву и поставили передъ митрополитомъ всея Руся, и передъ архіепископы, и епископы, и передъ всемъ освященнымъ соборомъ“.

Ближайшимъ поводомъ къ вызову его на новый соборъ послужила смерть турецкаго посла Скиндера, давшая возможность врагамъ Максима напомнить ему о томъ мнимомъ политическомъ преступленіи, о которомъ не смѣли заикнуться при жизни Скиндера.

При открытіи собора, митрополитъ Даніиль обратился къ Максиму, укоряя его въ неблагодарности къ вел. князю, въ злыхъ замыслахъ и хулѣ на него, въ посылкѣ какихъ-то грамотъ къ султану и пашамъ. Прочія вины, выставленныя на второмъ соборѣ противъ несчастнаго святогорца, заключались въ его нераскаяніи, непризнаніи за собой ни въ чемъ виновности, въ новыхъ обличеніяхъ и новыхъ ошибкахъ, отысканныхъ усердными обвинителями въ прежнихъ трудахъ. Главнымъ пунктомъ обвиненія была хульная строка въ житіи пресв. Богородицы. При прочтеніи этой строки на соборѣ Максимъ самъ пришелъ въ ужасъ, нашель ее хульною и отказался отъ нея. Ужасъ его былъ непритворнымъ, но митрополитъ объяснилъ его страхомъ передъ отвѣтственностью и не повѣрилъ въ искренность его отказа отъ хульныхъ словъ. Еслибы судьи Максима обладали способностью спокойно и трезво обсуждать дѣло, они легко объяснили бы себѣ вкрадшуюся въ переводъ житія грубую ошибку: переводъ былъ сдѣланъ въ 1521 году, ровно за десять лѣтъ до суда, когда Максимъ совсѣмъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, слѣдовательно, не могъ понимать всего того, что писали его помощники. Вѣрнѣе всего было объяснить ошибку небрежностью данныхъ ему толмачей или писарей. Но соборъ заботился исключительно объ обвиненіяхъ. Въ его глазахъ страшнымъ преступленіемъ казалось и то, что по распоряженію Максима было зачеркнуто нѣсколько словъ молитвы въ одной богослужебной книгѣ. По понятіямъ Даніила, это значило уничтожить „догматъ премудрый“. Отцы собора показали, что они по своимъ воззрѣніямъ стояли нисколько не выше темной массы приверженцевъ буквы писаній. Они совершенно серьезно выслушали и новое обвиненіе, взведенное на Максима иноками, караулив-

шими его тюрьму. Усердіе невѣжественныхъ монаховъ-стражниковъ дошло до того, что они обвиняли заключеннаго въ волхвованіи. Они рассказывали, что онъ „волшебными хитростями еллинскими писалъ водками на дланѣхъ своихъ и распростиралъ длани свои противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя“.

Измученный физически и нравственно шестилѣтнимъ тяжелымъ заключеніемъ, Максимъ сильно упалъ духомъ. Все его старанія на судѣ направлены были къ тому, чтобы умилостивить судей, смягчить суровость ихъ приговора. Онъ признавалъ себя виновнымъ въ „нѣкихъ малыхъ описяхъ“, что приписывалъ забвенію, скорби, даже излишнему винопитію. Онъ подвергался трижды ницъ передъ соборомъ, моля о прощеніи. Торжество Данила надъ лишеннымъ силъ противникомъ было полное. Его злорадство дошло до такой степени, что онъ, по словамъ его біографа, потерялъ всякое самообладаніе и въ присутствіи всѣхъ гнѣвно провѣщалъ поверженному ницъ Максиму: „достигоша тебѣ, окаянне, грѣси твои, о немъ же отрекся перевести ми священную книгу блаженнаго Феодорита!“ Послѣднія слова обнаружили всю силу личной ненависти Данила къ несчастному иноку, имѣвшему когда-то смѣлость перечить волѣ митрополита, отказываясь отъ исполненія его порученій.

Соборный судъ приговорилъ Максима къ новому заточенію, отлучивъ его, „аки хульника и священныхъ писаній тлителя“, отъ причащенія св. таинъ и запретивъ даже посѣщеніе церкви. Его повезли въ оковахъ, но уже не въ Волоколамскій, а въ Тверской Отрочъ монастырь. Волоколамская тюрьма, какъ думаютъ, освобождалась для новаго узника. Извѣстно, что судъ надъ Вассіаномъ начался тотчасъ послѣ суда надъ Максимомъ. Ему также пришлось жестоко поплатиться за свои смѣлыя нападки на „іосифлянъ“: онъ обвиненъ былъ въ ереси и заточенъ на мѣсто Максима въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Вмѣстѣ съ Максимомъ были осуждены и разосланы по разнымъ монастырямъ и сотрудники его: Михаилъ Медоварцевъ и просвѣщенный старецъ Сильванъ. Данилъ чувствовалъ крайнее раздраженіе и противъ нихъ, потому что считалъ ихъ единомышленниками и совѣтниками Максима и Вассіана.

Такимъ образомъ Данилъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своими противниками, и это вполне естественно: за него стояло большинство тогдашнихъ книжниковъ, и онъ былъ настоящимъ представителемъ взглядовъ и стремленій этого большинства. Ему легко удалось разбить и уничтожить противную партію, которая представлялась ему опасною, потому что была сильна не только знаніемъ и нравственнымъ мужествомъ, но и вліяніемъ при дворѣ.

Слишкомъ двадцать лѣтъ провелъ несчастный Максимъ въ послѣднемъ мѣстѣ заточенія, въ Тверскомъ монастырѣ. Хотя тверской епископъ Акакій, по словамъ біографа Максима, оказался человекомъ добрымъ и принялъ узника благосклонно, и можно думать, что онъ не подвергался больше физическимъ страданіямъ, однако, нравственное его состояніе было невыносимо тяжелое. Горькое сознаніе незаслуженности, несправедливости обрушившихся на него наказаній, лишеніе свободы и мучительная мысль о томъ, что онъ никогда не увидитъ св. горы и обители Ватопедской, непрерывно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ томили его. Къ тому же онъ былъ лишень послѣдняго для вѣрующаго человека утѣшенія—посященія церкви и св. причастія. По временамъ въ его измученной душѣ вспыхиваетъ надежда возвратиться на родину, и онъ употребляетъ все усилія, пускаетъ въ ходъ все средства, которыя находятся въ его распоряженіи: но цѣлый рядъ такихъ попытокъ оканчивается совершенно безуспѣшно. Онъ пишетъ свое „Исповѣданіе православной вѣры“, желая представить во всей чистотѣ свои религіозныя убѣжденія и оправдаться отъ обвиненія въ ереси, при этомъ прибавляетъ, что онъ никогда не былъ и врагомъ русской державы. Какъ истинный христіанинъ, пишетъ примирительное посланіе къ бывшему врагу своему, главному виновнику его несчастій, Данилу. Въ малолѣтство царя Иоанна онъ шлетъ посланіе къ боярамъ правителямъ съ оправданіемъ и просьбою отпустить его на Афонъ. Съ тою же просьбою обращается Максимъ къ митрополиту Макарію и, наконецъ, къ самому царю Ивану Грозному. За него ходатайствуютъ патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій съ цѣлымъ соборомъ митрополитовъ и епископовъ. Но все безуспѣшно. Ни грамота патріарховъ, ни просьбы разныхъ лицъ, сочувствовавшихъ ему, ни его собственныя оправдательныя и про-

сительныя посланія не имѣли никакого дѣйствія. Митрополитъ Макарій, приславшій ему денежное благословеніе, при всемъ сочувствіи къ его горю, ничего не могъ сдѣлать. „Узы твоя цѣлуемъ, писалъ онъ, яко единого отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ“. Москва стояла на своемъ: она не хотѣла выпустить за свои предѣлы человека, узнавшаго московское лихо. Берсень предсказывалъ вѣрно—онъ хорошо зналъ московскіе порядки. Біографъ Максима справедливо замѣчаетъ, что просьбы патріарховъ, подчеркивая значеніе Максима, какъ представителя Греціи и ея интересовъ, могли только вредить несчастному святогорцу. Только черезъ семнадцать лѣтъ, благодаря расположенію Макарія, могъ добиться Максимъ разрѣшенія посѣщать церковь и принимать св. тайны. И только за три года до смерти, по ходатайству нѣкоторыхъ бояръ и троицкаго игумена Артемія, онъ былъ освобожденъ изъ заточенія. Въ 1553 году Максимъ былъ переведенъ на житье въ Троицкую Лавру.

Въ томъ же году царь Иванъ Васильевичъ, отправляясь по обѣщанію въ Кирилловъ монастырь, завернулъ въ Лавру и посѣтилъ при этомъ старца св. горы. Біографъ Максима особенно отмѣчаетъ, что въ этой послѣдней бесѣдѣ своей съ царемъ Максимъ, неуклонно слѣдовавшій всегда своимъ убѣжденіямъ, выступаетъ съ словомъ печалованія за несчастныхъ сиротъ. Онъ отговаривалъ, какъ извѣстно, царя отъ поѣздки и указывалъ ему заняться другимъ, болѣе, по его мнѣнію, богоугоднымъ дѣломъ,—устройствомъ судьбы вдовъ и сиротъ павшихъ подъ Казанью воиновъ. Въ 1554 году его приглашали на соборъ, по дѣлу Башкина, но Максимъ отказался, очевидно, изъ боязни, что его могутъ замѣшать въ это дѣло. Въ 1556 году онъ скончался.

Печальная судьба, постигшая Максима въ Россіи, поучительна. Она свидѣтельствуешь о полной несостоятельности той московской старины, которую съ такимъ усердіемъ отстаивали охранители XVI вѣка. Почувствовавъ опасность при столкновеніи съ новыми мнѣніями, съ новыми разумными требованіями, защитники старины въ лицѣ своихъ болѣе сильныхъ представителей, какъ Геннадій, Іосифъ, Даніиль, умѣли дѣйствовать только преслѣдованіями, заточеніями и казнями; иныхъ средствъ не оказалось въ ихъ распо-

ряженіи. При этомъ въ своей слѣпотѣ они часто не могли разглядѣть въ мнимомъ врагѣ своего единомышленника. Такъ именно случилось съ несчастнымъ святогорцемъ. Человѣкъ, не чуждый духа критики, не молчавшій по благородной прямотѣ характера, онъ долженъ былъ казаться московскимъ книжникамъ человѣкомъ опаснымъ, какъ всякій, кто имѣлъ свое мнѣніе и заявлялъ о немъ, и за это долженъ былъ пострадать, какъ страдали другіе выдающіеся люди того времени. „Всѣмъ бѣдамъ мать—мнѣніе“, говоритъ одинъ изъ учениковъ Іосифа. Такимъ образомъ, горе Максима есть общее горе лучшихъ умовъ того времени. Оно есть истинное горе отъ ума XVI вѣка.

Ө. Нелидовъ.

ХУЛИТЕЛИ НАУКЪ ВЪ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРѢ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВѢКА.

Наше сближеніе съ западомъ не было случайностію, происшедшею неожиданно и по волѣ одного лица, какъ иногда думаютъ. Оно совершалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и при томъ въ силу постепеннаго сознанія нашей отсталости, которая обнаружилась гораздо ранѣе появленія на русскомъ престолѣ великаго преобразователя и заставила обратиться за помощью къ западнымъ книжкамъ и западнымъ людямъ для удовлетворенія умственныхъ запросовъ и настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Желаніе учиться у образованныхъ націй Европы почувствовалось передовыми русскими людьми еще въ XVI вѣкѣ, а западныя вліянія начали проникать къ намъ, какъ полагаютъ серьезные изслѣдователи русской старины, еще съ конца XIV вѣка. Петръ I, самъ воспитанный уже въ новыхъ взглядахъ и при новой обстановкѣ, найдя готовыхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ, употребилъ свою громадную энергію на то, чтобы ускорить это движеніе. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, при выполненіи задуманныхъ реформъ, онъ справедливо считалъ распространеніе въ Россіи просвѣщенія. Для этой цѣли онъ призывалъ малорусскихъ ученыхъ, среди которыхъ занималъ такое видное мѣсто знаменитый его сотрудникъ Теофанъ Прокоповичъ, самъ ѣздилъ на западъ, посылалъ туда великоросовъ, заводилъ школы, заботился о составленіи первоначальныхъ учебниковъ, о переводахъ иностранныхъ сочиненій, входилъ въ сношенія съ знаменитыми западными учеными и положилъ начало рус-

скому журналу. При немъ новая западная наука, обѣщавшая войти въ интересы свѣтскаго человѣка, пошла къ намъ уже прямою дорогою, а не окольными путями, черезъ Польшу и Кіевъ, какъ это было раньше.

Но русскій человѣкъ давно привыкъ думать, что все, что идетъ отъ народовъ другихъ вѣроисповѣданій, представляетъ несомнѣнную опасность для православія. Если прежде онъ относился подозрительно и недоброжелательно даже къ кіевскимъ ученымъ, къ кіевскимъ „новотворнымъ“ книгамъ, то какъ могъ онъ теперь чувствовать довѣріе къ той наукѣ, къ тѣмъ книгамъ, которыя шли уже прямо съ „еретическаго“, по его мнѣнію, запада. Кромѣ того, надо знать, что въ русскомъ человѣкѣ вѣками воспитывалась боязнь всякаго проявленія живой мысли. Ему твердили постоянно: „не высокоумствуй, но пребывай въ смиреніи“. Отцы внушали дѣтямъ: „учися грамотѣ, учися и держати умъ, высочайшаго не ници, глубочайшаго не испытуй“. Неудивительно послѣ этого, что большинство смотрѣло на дѣло Петра и новую науку враждебно и что первоначальное обученіе русскихъ людей западной наукѣ шло туго. Они, по свидѣтельству Посошкова, уклоняясь отъ ученья, залѣзали въ озеро по бороду и бѣгали въ лѣсные скиты.

Таковы были противники Петра. Сторонниковъ было гораздо меньше, да и изъ нихъ немногіе понимали всю силу и значеніе новаго просвѣщенія. Большею частію это были люди податливые, падкіе на блестящія приманки европейской жизни, освобождавшей русскаго человѣка отъ многихъ старинныхъ запретовъ. Они, въ угоду царю, легко сбросили старинную прадѣдовскую ферязь, облеклись въ европейское платье, завели у себя иностранныя кареты, обставили по-европейски свои жилища и всячески старались походить на европейцевъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Но этимъ они и ограничились: дальше усвоенія европейской внѣшности они не пошли.

Какъ приверженцы старины, такъ и европейцы по платью, были въ одинаковой степени невѣжественны и относились къ наукѣ презрительно или враждебно, съ тою только разницею, что старозавѣтные люди ожесточеннѣе нападали на нее и приводили въ доказательство ея вреда больше доводовъ, чѣмъ мнимые европейцы. Од-

нако при жизни Петра I, наука, пользовавшаяся его покровительствомъ, была надежно защищена отъ нападеній. Онъ умѣлъ сдерживать враждебно настроенныя партіи, и противники просвѣщенія должны были молчать. Но со смертію его положеніе еще молодой, не пустившей прочныхъ корней науки становится шаткимъ. Съ воцареніемъ малолѣтняго императора Петра II наступаетъ тяжелое время для русскаго просвѣщенія. Враги науки начинаютъ дѣйствовать съ особенною энергіею: многія изъ прежнихъ постановленій отмѣняются, нѣкоторыя изъ книгъ, осуждавшихъ старину, запрещаются, даже закрывается та типографія, которая выпускала сочиненія Теофана Прокоповича. Положеніе сторонниковъ новаго направленія становится труднымъ и не безопаснымъ. Теперь они въ свою очередь замолкаютъ.

Въ такіе мрачные періоды общественнаго развитія духовная жизнь замираетъ на время, живая мысль обыкновенно робко прячется отъ свѣта, но никогда не исчезаетъ безслѣдно: нѣтъ той силы, которая могла бы уничтожить мысль, если только она имѣетъ все права на существованіе и развитіе и запала глубоко въ общественное сознаніе. Такъ и въ это тяжелое для русской мысли время на защиту ея выступаетъ русская сатира въ лицѣ молодого двадцатилѣтняго писателя, князя Антиоха Кантемира. Это былъ едва ли не самый образованный человѣкъ своего времени. Основательное знаніе языковъ и литературъ древнихъ и новыхъ, большая начитанность, близкое знакомство со священнымъ писаніемъ и страстная любовь къ наукѣ возвышаютъ его надъ современниками. Правда, онъ выступаетъ робко—его сатира „На хулящихъ ученіе“ появляется въ рукописи, но она находитъ многихъ читателей и почитателей. Теофанъ Прокоповичъ особенно старается о ея распространеніи; онъ пишетъ даже стихи въ поощреніе молодому сатирику.

Сатира „На хулящихъ ученіе“ чрезвычайно правдиво изображаетъ общественное настроеніе того времени: по ней мы видимъ ясно, на чьей улицѣ былъ тогда праздникъ. Самъ авторъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что толки о наукѣ, приводимые въ сатирѣ, не выдуманы, а подслушаны среди тогдашняго общества. Больше вниманія и мѣста онъ удѣляетъ въ своемъ произведеніи типамъ людей стариннаго до-петровскаго склада мыслей. И скопидомъ-помѣщикъ

Сильванъ, и ханжа Критонъ, и невѣжественный судья, попирающій „граждански уставы“, „естественный законъ“ и „народны правы“, и многіе другіе, которыхъ авторъ „могъ исцѣсть смѣлѣ“, но не нашель удобнымъ,—всѣ громко вопіють противъ науки. Какъ люди стариннаго образа мыслей, воспитавшіеся на вышеприведенныхъ правилахъ, они цѣнили только житейскій опытъ, понимали и допускали только развитіе памяти и испытывали невольный страхъ передъ пытливостью человѣческой мысли, которая хочетъ „всему знать поводъ, причину“, вывѣдать строй міра и „перемѣну вещей“. Этотъ односторонній и обветшалый взглядъ на умственное развитіе человѣка Кантемиръ прекрасно опровергаетъ въ „Посланіи къ Трубецкому“. Человѣкъ, доказываетъ онъ, становится умнѣе не столько отъ числа прожитыхъ лѣтъ, сколько отъ числа пріобрѣтенныхъ знаній; жизнь обогащаетъ насъ опытностью въ позднюю пору; а образованіе дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости; старые, но не ученые люди знаютъ только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимаютъ причины явленій и сущность предметовъ. Ханжи, въ родѣ Критона, приводили еще доводъ въ доказательство вреда науки, утверждая, что она разрушаетъ вѣру. Въ примѣчаніяхъ въ сатиру Кантемиръ легко опровергаетъ и этотъ доводъ, приводя въ примѣръ св. апостола Павла, Василія Великаго и др., которые были людьми учеными, но не сдѣлались еретиками. Въ Россіи ереси и расколы, по его справедливому мнѣнію, проиходятъ не отъ ученія, а отъ невѣжества. Изъ хулителей новыхъ, образовавшихся въ эпоху Петра I, сатирикъ выводитъ только одного—щеголя Медора, да и тотъ очень не смѣлъ, краткокъ и наивенъ въ своихъ разсужденіяхъ о бесполезности наукъ. Очевидно, что жизнь дала писателю немного матеріала для созданія этого типа, что люди этого рода не имѣли вліянія на ходъ дѣлъ въ государствѣ и не играли замѣтной роли въ тогдашнемъ обществѣ.

Приведенная сатира представляетъ несомнѣнное доказательство шаткости, непрочности положенія новой науки въ Россіи. Переходъ до-петровскаго „небытія“, какъ тогда выражались, къ послѣ-петровскому „бытію“ совершался очень медленно. Быстрыя и частыя перемѣны представителей власти послѣ Петра I вмѣстѣ съ перемѣнами во взглядахъ и направленіи ихъ дѣятельности не могли спо-

собствовать успѣшному развитію наукъ и литературы въ Россіи. Велѣдствіе этого плоды личныхъ трудовъ преобразователя и его помощниковъ въ дѣлѣ распространенія наукъ среди русскаго народа обозначились очень поздно, хотя XVIII вѣкъ выставилъ цѣлый рядъ ревностныхъ послѣдователей Петра I, защищавшихъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ интересы просвѣщенія. Отъ Теофана Прокоповича и Кантемира до Новикова и Радищева включительно не было ни одного выдающагося русскаго писателя, которому бы не приходилось доказывать пользу науки или опровергать мнѣніе о вредѣ, приносимомъ ею. Изъ нихъ въ особенности выдаются два замѣчательныхъ человека, одержимыхъ страстнымъ желаніемъ просвѣтить тотъ самый простой народъ, котораго нисколько не коснулся свѣтъ знанія, и изъ котораго они сами вышли.

Это — Посошковъ и Ломоносовъ. Непоколебимая вѣра въ будущее русской науки, свѣтлыя надежды на то, что она займется разработкою самыхъ неотложныхъ вопросовъ русской жизни, и несокрушимая энергія, съ которою они дѣйствовали, составляютъ ихъ отличительныя черты.

Въ второй половинѣ XVIII вѣка на защиту интересовъ просвѣщенія выступаютъ сатирическіе журналы екатерининской эпохи. Но сатирическій элементъ въ нашей литературѣ появился гораздо раньше. Сатира всегда и вездѣ оказывала великія услуги человечеству, появляясь въ самые рѣшительные моменты его исторической жизни. Отражая въ себѣ происходящую въ жизни борьбу, она всегда стояла на сторонѣ разума, права, справедливости, всегда защищала обездоленную, угнетенную часть народа противъ господствующей, сильной. Такъ и наша русская сатира, появившись въ эпоху Петра I, когда шла рѣшительная борьба между старою и новою Россією, сразу стала на сторонѣ справедливыхъ требованій естественнаго, свободнаго развитія русскаго ума, освобожденія его отъ многовѣковаго односторонняго византійскаго вліянія. Не успѣвъ еще облечься въ опредѣленную литературную форму, сатира въ эпоху Петра появлялась всюду: и въ шутовской интермедіи, осмѣивающей „супротивниковъ“ новаго направленія русской жизни и вставленной, по приказу царскому, между дѣйствіями піесъ, которыя разыгрывались труппою Куншта, „царскаго величества ко-

медіантскаго правителя“, и въ проповѣди, громившей и обличавшей тѣхъ же „супротивниковъ“ царскихъ реформъ, и даже въ законодательномъ памятникѣ, часто терявшемъ свой дѣловой тонъ и переходившемъ въ настоящую сатиру. При преемникахъ Петра сатира, какъ мы уже видѣли, робко заявляла о своемъ существованіи, не смѣя появиться въ печати, и распространялась только въ рукописи.

Позднѣе она находитъ мѣсто на страницахъ ученаго журнала академика Миллера, который въ своихъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ вводитъ новый отдѣлъ, служащій „для увеселенія читателя“. Но и здѣсь еще условія не благопріятствуютъ развитію настоящей живой сатиры, и она появляется въ такой безжизненной, отвлеченной формѣ, что въ ней нѣтъ ничего, напоминающаго текущую русскую дѣйствительность. Опасаясь „персональных указаній“ и „противныхъ слѣдствій“, Миллеръ допускалъ въ своемъ журналѣ только нападки на общечеловѣческіе пороки. „Для обличенія зла“, по словамъ одного изслѣдователя, „авторъ бралъ названіе какого-нибудь ходячаго порока и рассказывалъ его исторію, какъ-то: союзъ съ другими пороками и вражду съ добродѣтелью“... „О гордости, на примѣръ, рассказывается, что она родилась отъ упрямства и презорства; ненависть и зависть были дѣдъ и бабушка съ отцовской, а безуміе и самолюбіе—съ материнской стороны. Гордость вступая въ бракъ съ честолюбіемъ, губитъ мужа, и сама погибаетъ“. Допускались редакторомъ и такія общія разсужденія, какъ на примѣръ, въ статьѣ „Лучше ли свѣтъ сталъ или хуже въ разсужденіи обхожденія человѣческаго и переменяющихся модъ“, гдѣ Клеонъ и Доримена ведутъ разговоръ о суетности модъ и расточительности нынѣшнихъ людей, о пустотѣ и бессодержательности разговоровъ въ обществѣ, о предразсудкахъ, при чемъ Клеонъ старается доказать преимущества старыхъ временъ, а Доримена оспариваетъ его, утверждая, что свѣтъ отъ распространенія наукъ сталъ лучше. Эти аллегоріи и общія разсужденія съ самыми отдаленными, неясными намеками на русскую жизнь не могли, конечно, представлять ни живого интереса, ни даже простой занимательности для самаго невзыскательнаго читателя. Но вотъ въ 1759 году является сатира съ болѣе живымъ содержаніемъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ Миллера, А. П. Сумароковъ, открываетъ свой собственный журналъ „Трудолюбивая Пчела“. Сумароковъ справедливо считается „провозвѣстникомъ“ послѣдующей сатиры екатерининскаго времени, указавшимъ ей путь и подготовившимъ ея появленіе. Хотя его сатиры не доставало еще полной живости, но онъ уже осмѣивалъ не пороки вообще, а пороки русскаго общества, и касался самыхъ больныхъ мѣстъ общественной жизни. „Гдѣ нѣтъ наукъ, тамъ нѣтъ ни счастья, ни покоя“, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, давая этимъ высокую цѣну просвѣщенію и выражая свою горячую любовь къ нему. Въ прозаическихъ статьяхъ своего журнала онъ иногда не безъ остроумія осмѣиваетъ самые вошющіе пороки современнаго ему общества. Такъ, на примѣръ, въ ноябрской книжкѣ журнала онъ рассказываетъ „о нѣкоторой заразительной болѣзни“, которая „во времена Инократовы была неизвѣстна, оттого и греческаго названія не имѣла. Во время Галеново, продолжаетъ онъ, можетъ быть, она была уже, что я заключилъ изъ латинскаго ея названія. Сіе латинское названіе и у насъ нынѣ, когда начали возрастать науки, къ украшенію нашего языка воспріято. У дѣдовъ нашихъ было имя сей болѣзни взятка, а мы, просвѣтившіеся ученіемъ, даемъ имя латинское „акциденція“ (такъ-называлась тогда, дѣйствительно, на языкѣ подъячихъ взятка). Въ декабрской книжкѣ не безъ живости изображается тогдашній модникъ, „петиметръ“, презирающій своихъ согражданъ. „Его поведеніе учтивости и нахальства смѣсь. Онъ говоритъ много, а не думаетъ почти никогда“... Онъ „члены свои ломаетъ и коверкаетъ походку“, по словамъ автора, „и всѣ дѣйствія страннымъ образомъ располагаетъ“, что „за особливую красоту почитается“.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II для русской жизни и литературы наступаетъ новая пора. Въ эту эпоху съ особенною силою хлынули къ намъ съ запада новыя просвѣтительныя идеи. Сама императрица, еще будучи великою княгиней, съ увлеченіемъ читала Вольтера, Монтескье, Дидро и др. просвѣтителей, а впоследствии съ нѣкоторыми изъ нихъ вела продолжительную переписку, часто обращаясь за совѣтами. Вступивъ на престолъ, она даетъ обѣщаніе „вывести усердныхъ сыновъ Россіи изъ унынія и

оскорбленія“, осуждаетъ прежній порядокъ и стремится провести въ русскую жизнь новыя начала. Тотъ новый путь развитія, который указанъ русскому народу Петромъ, она признаетъ въ своемъ „Наказѣ“ правильнымъ и наилучшимъ путемъ. Понимая серьезное значеніе печати, какъ самаго вѣрнаго средства для проведенія въ общество новыхъ идей, она съ этою цѣлю сама берется за перо, возбуждая своимъ примѣромъ въ лучшихъ людяхъ того времени желаніе отдать свои силы литературной дѣятельности. Все это, взятое вмѣстѣ, не могло не отразиться благотворно на успѣхахъ нашей литературы и просвѣщенія.

1769 годъ отмѣчается обыкновенно, какъ самое благоприятное время для русскихъ сатирическихъ изданій: въ этомъ году ихъ вышло восемь. Первымъ появился еженедѣльный листокъ „Всякая Всячина“, подъ редакціей Козицкаго, который служилъ „въ кабинетѣ ея императорскаго величества у принятія челобитенъ“ и исполнялъ литературныя порученія Екатерины. Въ этомъ журналѣ, какъ извѣстно, принимала участіе сама императрица. Въ слѣдъ за „Всякой Всячиной“ вышли еще четыре журнала: „И то и сѣ“ Чулкова, „Ни то ни сѣ“ Рубана, „Поденьщина“ Тузова и „Смѣсь“ неизвѣстнаго издателя. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года появился въ свѣтъ первый журналъ Новикова „Трутень“. На заглавномъ листѣ его эпиграфомъ въ первомъ изданіи стояли слова Сумароковской притчи: „Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ѣдите“, а во второмъ— два другіе Сумароковскіе стиха: „Опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много“; виньетка изображала осла, придавленнаго сатиромъ. За „Трутнемъ“ вышла „Адская Почта“ Эмина и, кромѣ того, „Полезное съ пріятнымъ“, издатель и сотрудники котораго остались неизвѣстны. Послѣдній журналъ выходилъ только полгода и наполнялся преимущественно статьями серьезнаго содержанія. Многія изъ этихъ изданій прекратили свое существованіе въ первый же годъ, но ихъ потомъ замѣнили другія, каковы: „Парнасскій Щепетильникъ“, „Пустомеля“, „Трудолюбивый Муравей“, „Живошисецъ“ — второй журналъ Новикова, появившійся на мѣсто исчезнувшаго „Трутня“, — „Вечера“, „Мѣшанина“, „Кошелекъ“ — третій журналъ Новикова, осмѣивающій слѣпое пристрастіе ко всему французскому, и многіе другіе. Самымъ старшимъ изъ

нихъ по времени выхода и по общественному положенію издателя и сотрудника была „Всякая Всячина“, именовавшая себя прабабкой сатирическихъ журналовъ. Самыми же серьезными и смѣлыми были журналы Новикова, имѣвшіе и наибольшій успѣхъ въ обществѣ. Вскорѣ послѣ выхода, новиковскому „Трутню“ пришлось вступить въ продолжительную и щекотливую полемику съ вліятельной „Всякой Всячиной“, по взгляду которой Новиковъ слишкомъ расширялъ предѣлы своей сатиры, очень ожесточенно нападалъ на взяточничество, съ непозволительною смѣлостію задѣвалъ „большихъ бояръ“, и она тономъ старшаго, наставника, рекомендовала ему слѣдовать ея примѣру и дѣйствовать въ ея безобидномъ, добродушно-шутливомъ, „улыбательномъ духѣ“. Результатомъ этой полемики, въ которой издатель „Трутня“ держалъ себя съ рѣдкимъ для того времени тактомъ и благородствомъ, было невольное съ его стороны пониженіе тона, значительное обезцвѣченіе журнала „Трутень“ и, наконецъ, совершенное его прекращеніе. Однако, несмотря на эту вышнюю неудачу, Новиковъ своимъ остроуміемъ, смѣлостію и живостію изображенія русской жизни, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ журналахъ, далеко оставилъ позади вялые листки „Всякой Всячины“.

Страстное желаніе водворить на Руси истинное европейское просвѣщеніе выразилось въ тогдашней сатирѣ особенно сильными нападками на невѣждъ, какъ „староманерныхъ“, по выраженію Сумарокова, такъ и „новоманерныхъ“. Оба эти типа, отмѣченные еще сатирою Кантемира, дожили до екатерининской эпохи, съ тою только разницею, что „староманерные“ сохранились во всей своей цѣлости, а „новоманерные“ являются теперь съ новыми чертами, развившимися въ послѣдній періодъ при новыхъ условіяхъ. Самая мѣткая и живая сатира на невѣждъ находится на страницахъ „Трутня“ и „Живописца“. Сатира, помѣщенная въ послѣднемъ журналѣ, имѣетъ большое сходство съ первою сатирою Кантемира. Съ тою же безнадежностью, съ какою Кантемиръ обращается къ уму своему, доказывая его бесполезность, и Новиковъ начинаетъ доказательствами ненужности для писателя разума, критики, знанія русской грамматики. Но во времена Кантемира не было моды на писаніе, можно было „не писавъ летящи дни вѣка проводить“,

а теперь, въ екатерининскую эпоху, писать стало моднымъ дѣломъ, но дѣломъ не труднымъ: для этого нужно, по словамъ сатирика, научиться [чертить буквы, имѣть здоровую правую руку, перо, чернила и бумагу. И нельзя не согласиться съ справедливостью этого мнѣнія. Въ то время многіе въ подражаніе императрицѣ взялись за перо, считая это дѣломъ очень легкимъ. Явилось не мало своихъ доморощенныхъ поэтовъ; любовная пѣсенка и ода, это „мануфактурное произведеніе“, по остроумному выраженію одного изслѣдователя, пользовались особеннымъ расположеніемъ свѣтскаго общества; да и нѣкоторые издатели тогдашнихъ журналовъ и ихъ сотрудники, не понимая серіознаго значенія печати, смотрѣли и на сатиру, какъ на модную забаву: они дѣйствовали въ томъ, одобренномъ вліятельнымъ журналомъ, „улыбательномъ направленіи“ и разсматривали общественные недостатки исключительно съ смѣшной, забавной стороны.

Типы „староманерныхъ“ людей, выведенные Новиковымъ, имѣютъ поразительное сходство съ типами первой сатиры Кантемира. Домовитые помѣщики екатерининской эпохи ничѣмъ не отличаются отъ Сильвана. Они такіе же скопидомы, также разсуждаютъ, что безъ науки жилось лучше, богаче, покойнѣе, что науки да книги переводятъ только деньги. Своимъ дѣтямъ они говорятъ: „рости только великъ, да будь счастливъ, а умъ будетъ!“ Ханжа екатерининскаго вѣка, живо изображенный въ „Трутиѣ“, совершенно подобенъ Критону; ему не достаетъ только однѣхъ Четоковъ. „Сказывали мнѣ“, пишетъ дядюшка къ своему племяннику, „будто ты по постамъ ѣшь мясо и, оставя увеселяющія чистыя сердца и духъ сокрушенный услаждающія священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ этихъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, безъ нея же человѣкъ спасенъ быти не можетъ? Любви ли къ Богу и къ ближнимъ, ею же приобрѣтается царствіе небесное? Надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты безвозвратно“... Любопытно послушать, къ какимъ [уловкамъ [прибѣгали люди этого типа, и какъ, прикрываясь наружнымъ благочестіемъ, оправдывали самыя вопіющія злоупотребленія. „Не тяжкій ли смертный грѣхъ“, продолжаетъ онъ, „что вы, молодые люди, дерзновеннымъ своимъ

языкомъ говорите: за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости, чтобы не родились изъ нихъ пороки и преступленія! Вѣдаете ли вы, несмысленные, ибо сіе не припишу я злобѣ вашего сердца, но несмыслию, вѣдаете ли вы, что и Богъ не за всякое прегрѣшеніе наказываетъ, но, вѣдая совершенную немощь вашу, требуетъ сокрушеннаго духа и покаянія? Вы твердите: я бы не бралъ взятокъ. Знаете ли вы, что такіа слова не что иное, какъ первородный грѣхъ, гордость? Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толико кратъ его слабѣе, гордитесь несвойственною сложенію вашему твердостію?.. Опомнись, племянничекъ, и посмотри, куда тебя стремительно влечетъ твоя молодость? Оставь сіи развращающія разумы ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься! Оставь сіи пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ толико гордыми...“ Въ концѣ письма дядюшка впадаетъ совсѣмъ въ тонъ Критона. „Къ чему потребно тебѣ богопротивное уметвованіе, какъ и изъ чѣго созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божія не испытанны, и какъ познавать небесное, когда не понимаете и земнаго!..“ Также велегрѣчиво дальше говоритъ онъ о вредѣ изученія иностранныхъ языковъ и перевода съ нихъ на русскій, потому что „чужеземскія книги“, по его мнѣнію, наполнены расколами и ересями. Какъ живо напоминаютъ эти разсужденія старинныя допетровскія правила воспитанія: „не высокоумствуй...“, „держи умъ...“, „высочайшаго не нищи, глубочайшаго не испытай...“ Ясно, что „староманерные“ люди вѣка Екатерины также боялись свѣта науки, какъ ихъ дѣды и прадѣды. Стремленіе новой европейской науки познакомить человѣка съ законами природы и указать ему то мѣсто, которое онъ занимаетъ среди нея, пугало этихъ людей и заставляло относиться враждебно къ наукѣ вообще и къ естествознанію въ особенности. Такими печальными результатами сказалось (и должно было сказаться) многовѣковое отчужденіе русскаго человѣка отъ знанія и одностороннее направленіе его мысли. Журналы просвѣтительной эпохи немало посмѣялись надъ этою боязнью неразвитыхъ людей. „Трутень“ рассказываетъ, что Безразсудъ, житель одного города, помѣшался, прочтя книгу Фонтенелля

„Разговоры о множествѣ міровъ“, и даетъ этому простое и вѣрное объясненіе. „Сему удивляться не надлежитъ“, говоритъ онъ, „ибо Безразсудъ воспитанъ былъ подъ присмотромъ старушки, которая всѣ извѣстныя простонародныя басни о сотвореніи міра въ самомъ еще младенчествѣ ему затвердила. Безразсудъ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, не достигъ, однако, ни совершеннаго ума, ни истиннаго о вещахъ понятія. Съ лѣтами его суевѣріе и невѣжество приходило въ совершенство. Въ такомъ то состояніи онъ прочиталъ Фонтенеля...“ „Огромность всякихъ надъ нами тѣлъ и что оныя одно вокругъ другаго, а все совокупно съ землею и съ нами такъ скоро вертятся около солнца, его поразила. Куда онъ ни ходилъ и гдѣ ни сидѣлъ, вездѣ казалось ему, что какой-нибудь міръ оборвался и весь земной шаръ стремится расшибить въ пыль...“ Сатира Новикова ничего не преувеличивала въ изображеніи общественныхъ типовъ. Среди тогдашняго „староманернаго“ общества, дѣйствительно, находились Безразсуды, которые обыкновенно враждебно относились къ научному знанію и его представителямъ. Въ доказательство приведемъ выдержку изъ записокъ такого Безразсуда, дворянина Нащокина. Въ то время, когда Ломоносовъ скорбѣлъ объ участи проф. Рихмана, убитаго громомъ при громоотводной машинѣ, и боялся, чтобы этотъ случай не возбудилъ боязливаго предубѣжденія и даже негодованія противъ пытливей науки о природѣ, дворянинъ Нащокинъ въ своихъ малограмотныхъ запискахъ рассказывалъ о смерти почтеннаго ученаго съ грубымъ неуваженіемъ и злорадною насмѣшкою. „Профессоръ Рихманъ“, пишетъ онъ, „машиною старался объ удержаніи и грома, и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всего случилось при той самой сдѣланной машинѣ, съ нимъ, Рихманомъ, о мудрованіи сходно произошло въ древности, какъ Эсхиль тоже черезъ астрономію позналъ убіеніе себя верженіемъ сверху: орелъ съ высоты опустилъ желвь (черепаху) и разбилъ лысую голову Эсхила. Такъ и Рихманъ за вымыслы свои получилъ нечаянный конецъ“.

Журналы того времени, понимая всю важность вопроса о воспитаніи подрастающаго поколѣнія, отводили ему на своихъ страницахъ видное мѣсто. Здѣсь рисуется много безотраднѣйшихъ картинъ,

У „староманерныхъ“ отцовъ и матерей, цѣвившихъ только житейскій опытъ, воспитаніе дѣтей большею частію предоставлялось слугамъ. Ученіе начиналось поздно и заключалось въ чтеніи Часослова, Четій Миней и Библии. Учителями были—пономарь, дьячекъ, грамотный дворовый человекъ или такъ называемый „мастеръ“. Были среди поклонниковъ старины и болѣе податливые люди, склонные къ уступкамъ времени, которые, слѣдуя примѣру знатныхъ, рѣшались допустить въ свои дома иностраннаго гувернера; но собственное ихъ невѣжество лишало возможности сдѣлать надлежащій выборъ, и они нерѣдко попадали на какого-нибудь проходимца, обманщика. Порошинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, какъ къ одному изъ московскихъ дворянъ нанялся въ учителя чухонецъ, назвавъ себя французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго, успѣшно выучилъ чухонскому языку. Впрочемъ, кто не знакомъ съ этою системою воспитанія по знаменитой комедіи фонъ-Визина. Поэтому мы перейдемъ теперь къ средѣ „новоманерныхъ“.

Общество, въ которое мы при этомъ попадаемъ, представляетъ, повидимому, полный контрастъ стариннымъ простакамъ, державшимся до-петровскихъ правилъ. Это—общество людей, изящныхъ по наружному виду, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ, нерѣдко съ моднымъ французскимъ невѣріемъ въ головѣ, изъясняющихся на „божественномъ“ французскомъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, съ значительною примѣсью этого послѣдняго къ родному,—людей, которые, по словамъ французскаго посла Сегюра, „одѣвались, жили, меблировали свои комнаты, ѣли, встрѣчались, кланялись, вели себя на балѣ, какъ настоящіе французы“. Но „подъ покровомъ европейскаго лоска“ тотъ же умный и образованный французъ видѣлъ въ нихъ ясно „слѣды прежнихъ временъ“. Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ и глубокомъ наблюденіи надъ жизнью „староманерныхъ“ и „новоманерныхъ“, видимый глазу контрастъ между тѣми и другими значительно умалился, и обнаруживались сходныя черты.

Французское вліяніе, начавшееся еще при Елизаветѣ, было чрезвычайно сильно въ просвѣтительную эпоху: оно отразилось на нашей образованности, правахъ, на нашемъ свѣтскомъ обращеніи, костюмахъ, домашней обстановкѣ, развлеченіяхъ и даже кухнѣ.

Наше молодое общество, культура котораго началась только нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ и шла, какъ мы видѣли, временами довольно туго, не могло устоять противъ соблазновъ блестящей, роскошной жизни французскаго высшаго общества. Старые запреты прадѣдовской морали были брошены, замѣнить ихъ было нечѣмъ, а требовалось наполнить чѣмъ-нибудь душевную пустоту. И вотъ, оно жадно набросилось на модные наряды, на европейскія

увеселенія, изысканную моду и пр. Недостатокъ умственнаго развитія, большой досугъ у людей привилегированнаго класса, со времени освобожденія (во второй половинѣ прошлаго вѣка) отъ обязательной службы государству, и полная матеріальная обеспеченность, благодаря крѣпостному праву, способствовали развитію у насъ интереса къ вышней, обстановочной сторонѣ жизни и распространенію роскоши. „Вкусъ умножился, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало“, говоритъ историкъ этой эпохи, кн. Щербатовъ, „и человекъ дѣлался почтененъ по мѣрѣ великолѣпности своего житія“. Вельможи того вѣка много путешествовали по чужимъ краямъ и многое перенимали изъ того, что видѣли при европейскихъ дворахъ. До насъ дошло немало свидѣтельствъ въ Запискахъ современниковъ, по которымъ мы можемъ судить, до какой степени роскошна была обстановка въ домахъ екатерини-

скихъ вельможъ. И домовъ такихъ было не мало въ обѣихъ столицахъ и ихъ окрестностяхъ. Дворецъ Потемкина и его зимній садъ такъ очаровалъ Державина, что онъ спрашивалъ себя: „не се ли эдемъ?“ Король шведскій, посѣтившій домъ гр. Безбородко во время бала, сказалъ: „это настоящій волшебный дворецъ!“ У Безбородко было два дома: одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ; польскій король Станиславъ о нихъ пишетъ: „во всей Европѣ ничего не найдется подобнаго въ пышности и убранствѣ“. Танцевальныя залы сверкали хрустальными люстрами, а вазы, украшавшія ихъ, во время баловъ наполнялись цвѣтами, осыпанными брилліантами и жемчугомъ. Большіе пиры и праздники, которыхъ было такъ много въ то время, своею пышностью, затѣйливостью поражали иностранцевъ. Сегюръ, описывая балъ и ужинъ у Шереметева, въ подмосковной деревнѣ, говоритъ: „никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ осыпанъ дорогими каменьями всехъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны. „Такъ-то русскіе вельможи, заключаетъ онъ, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима“. Балы Потемкина, Нарышкина, вечера гр. Орлова имѣли громкую извѣстность. Такая жизнь требовала огромнаго штата прислуги, въ составъ которой входили: пажи, гусары, казаки, скороходы, арапы, карлики, свои крѣпостные артисты, ху-

дожники, чтецы, стихотворцы, учителя, лѣкари, архитекторы, даже бывали астрономы. Для прислуги придумывались самые затѣйливые костюмы: арнаутскіе, польскіе, гусарскіе. Жить роскошно стремились всѣ, отъ перваго вельможи до послѣдняго офицера, помѣщика и чиновника. Болотовъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Всѣ, не только знатные и богатые, но и самаго посредственнаго состоянія

люди восхотѣли ѣсть на серебрѣ, и всѣ затѣвали дѣлать себѣ серебряные столовые сервизы“.

За столицами тянулась и провинція. Тогдашніе помѣщики, по словамъ одного изслѣдователя, заводили въ своихъ имѣніяхъ капельмейстеровъ, балетмейстеровъ, шталмейстеровъ, выписывали изъ за-границы душистыя помады, шампанскія, венгерскія, бургонскія вина; они забрасывали свои хозяйства и съ чувствомъ презрѣнія относились къ русскимъ „бездѣлкамъ“, въ родѣ хлѣба, домашняго холста, воску, меду. „На балу въ Смоленскѣ“, рассказываетъ Се- гюръ, „было до трехъ сотъ дамъ въ богатыхъ нарядахъ; онѣ по-

казали намъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательныхъ дворахъ европейскихъ“. Сегюръ удивлялся роскошной жизни тогдашняго дворянства, ихъ имениннымъ торжествамъ, многочисленности прислуги, обычаю ѣздить въ каретѣ не иначе, какъ въ четыре или шесть лошадей, съ выѣздными гусарами и форрейторами. Обстановочные интересы сдѣлались главными жизненными интересами. По свидѣтельству Добрынина, генераль-губернаторъ Бѣлоруссін шель обыкновенно въ присутствіе, предшествуемый и сопровождаемый чиновниками, знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, пажами и швейцарами. Журналь „Смѣсь“, подмѣтивъ эту сторону жизни, удачно изображаетъ ее въ статьѣ „Каковы люди“. „Есть праздничные люди, — говоритъ онъ, — которые, кажется мнѣ, что представляютъ театральныя декорации. Они рѣдко смѣются, высоко носятъ голову, не смотря никогда на землю, говорятъ такъ, какъ сказываютъ предки, даютъ совѣты, какъ повелѣнія; знаютъ, какъ поступать съ тѣми, кои ихъ посѣщаютъ, и изъ какихъ кривыхъ лнній должны состоять ихъ поклоны, у нихъ расписаны ихъ выѣзды; назначено, какое въ какой день надѣвать платье; и сіи-то люди называются почтенными“.

Та же декоративность, то же стремленіе поразить глазъ сказывалось въ тогдашнихъ нарядахъ и уборахъ, перешедшихъ изъ Парижа, который былъ уже законодателемъ модъ. Особенною вычурностью отличались головные женскіе уборы. При взглядѣ на нихъ невольно приходится удивляться, что находилось столько охот-

ницъ уродовать себя и подвергать добровольнымъ мукамъ. Чѣмъ только не убирали свои головы щеголихи того времени: шишаками, цвѣтами, на подобіе пчелиныхъ ульевъ, перьями, даже цѣлыми кораблями. Какой высоты достигали иногда дамскія прически, можно судить по картинкѣ, изображающей уборъ подъ названіемъ „чепца побѣды“. Московскій журналъ „Сатирическій Вѣстникъ“ шутливо замѣчаетъ по поводу такихъ уборовъ, что въ Каретномъ ряду дѣлаются для удобства дамъ кареты трехъ сажень въ вышину. Журналъ „Вечера“ подробно рассказываетъ, какъ проводила щеголиха время за туалетомъ, на который требовалось не менѣе пяти часовъ, какъ при этомъ за каждую неудачу отвѣчаютъ крѣпостныя служанки „терпѣніемъ, а иногда щеками“. Провинція и по части модъ не отставала отъ столицъ. „Разстояніе тысячи верстъ“, говоритъ провинціальная дама въ журналѣ „Смѣсь“, „не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Знаете ли, что петербургскій или московскій чепчикъ столько же здѣсь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается астрономами. Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе добыть ему подобный“.

Румяна, бѣлила, мушки были необходимыми принадлежностями и дамскаго и мужскаго туалета. Франту того времени одѣться по модѣ стоило немало хлопотъ и времени. Часа два припекали ему волосы разными щипцами, потомъ страдалецъ пряталъ свое лицо въ бумажную маску, чтобы не задохнуться отъ пудры, которою пудрили ему голову. Особенно трудно приходилось щеголямъ въ праздничные дни, по словамъ журнала „И то и се“.

„Лишь только отъ сна, взглянувъ на свѣтъ очами,
Во первыхъ моются пахучими водами,
Гнутъ волосы въ крючки,
Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
Румянъ и горсть бѣлиль бросаютъ по щекамъ,
Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ
И, наклеивъ на переть, для моды прилѣпляютъ“.

Кафтаны и камзолы украшались золотымъ шитьемъ. Бархатъ, кружева, блонды составляли необходимыя украшенія мужскихъ костюмовъ. Рассказываютъ, что манжеты гр. Орлова изъ дорогихъ кружевъ стоили 30,000 рублей. Башмаки украшались большими пряжками, на пальцахъ щеголя были непременно дорогіе перстни, а въ рукахъ трость. Употребленіе париковъ держалось очень долго, одно время вошло въ моду собирать волосы сзади на подобіе женской косы и укладывать въ кошелекъ. Это дало поводъ Новикову назвать „Кошелькомъ“ свой третій журналъ, осмѣивавшій нашу французоманію.

Теперь послушаемъ, какъ въ этомъ модномъ, блестящемъ обществѣ разсуждаютъ о просвѣщеніи. „Что въ наукахъ?“ говоритъ Нарциссъ новиковскаго „Живописца“. „Астрономія умножить ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?—Нѣтъ: на что же она мнѣ? Математика прибавитъ-ли моихъ доходовъ?—Нѣтъ: чортъ-ли въ ней? Физика изобрѣтаетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ: куда она годится? Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня? Нѣтъ: какая-жъ въ ней нужда? Географія едѣляетъ ли меня любезнѣе? Нѣтъ: такъ она и недостойна моего вниманія“... Одна только изъ словесныхъ наукъ признается Нарциссомъ заслуживающею вниманія — стихотворство: ему иногда хотѣлось бы сочинить пѣсенку (это было въ то время въ модѣ). Онъ бы не прочь поучиться этому искусству, но бѣда въ томъ, что не знаетъ русскаго языка. Онъ точно такъ же, какъ и его покойный батюшка, съ презрѣніемъ и ненавистью относится къ родной странѣ и ея языку и съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что родился въ Россіи, гдѣ человѣкъ его достоинствъ не можетъ найти счастья. При этомъ Новиковъ исчисляетъ высокія достоинства Нарцисса: „танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ, какъ ангель, принялъ уже нѣсколько уроковъ отъ французскаго шпагобойца, играетъ во всѣ карточныя игры, а при томъ разумѣетъ по-французски“.

Мы видѣли уже, что „староманерные“ люди екатерининскаго вѣка не далеко ушли отъ кантемировскихъ Сильвановъ и Критоновъ; новыя вѣянія ихъ почти не коснулись, и они, оставшись при тѣхъ же чувствахъ и взглядахъ, тянули одну и ту же ста-

рую пѣсню. Но, приглядываясь внимательно къ новиковскому Нарциссу и сравнивая его съ Медоромъ, мы не можемъ не замѣтить значительныхъ перемѣнъ, которыя произошли въ типѣ „новоманернаго“ щеголя за послѣднія десятилѣтїя.

Кантемировскій Медоръ былъ наивенъ и скромнѣе въ своихъ требованїяхъ отъ жизни: онъ по-дѣтски лепеталъ, что не смѣнить на Сенеку фунтъ доброй пудры, что Виргилій передъ моднымъ сапожникомъ двухъ денегъ не стоитъ, и былъ счастливъ или, по крайней мѣрѣ, доволенъ, когда хватало бумаги, чтобы завернуть его кудри. Екатерининскій Нарциссъ гораздо самоувѣреннѣе, бойчѣе, требовательнѣе и, слѣдовательно, опаснѣе.

Надѣвши модный европейскій костюмъ, обучившись танцамъ, свѣтскимъ манерамъ и французскому языку, Нарциссы гордо носили голову: они считали себя представителями прогресса. Они не сдѣлали успѣха въ наукахъ, знакомыхъ имъ только по названїямъ, но гордились сознаниемъ своихъ мнимыхъ достоинствъ и открыто заявляли презрѣніе ко всему родному. Эта смѣлость и самоувѣренность Нарцисса несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что за нимъ стоитъ тотъ большой модный свѣтъ, который взростилъ, взлелѣялъ его и, любуясь имъ, поддерживаетъ въ немъ эти чувства. Съ перваго взгляда этотъ типъ представляется жалкимъ, ничтожнымъ, но эта ничтожность только кажущаяся. Вдумавшись поглубже въ условїя окружающей его жизни, мы откроемъ въ немъ стороны, заслуживающїя серїознаго общественнаго вниманїя. Не слѣдуетъ забывать, что Нарциссы принадлежали къ привилегированному сословию по своему происхожденїю, что выходя изъ юношескаго возраста, посвящаемого исключительно вертопрашеству, они становились самостоятельными и получали возможность въ тотъ вѣкъ господства всесильнаго случая дѣйствовать нерѣдко въ широкихъ предѣлахъ. Наша сатира прошлаго вѣка, къ чести ея сказать, стремясь къ новому, болѣе разумному и справедливому порядку вещей, своевременно снимала съ пьедестала этихъ героевъ ложнаго прогресса и показывала обществу ихъ въ настоящемъ видѣ, открывая опасныя стороны внѣшняго европеизма.

Иногда дѣлаютъ огульный и поэтому несправедливый упрекъ сатирѣ XVIII вѣка за излишнее вниманїе къ щеголямъ и щеголи-

хамъ того времени. Но этотъ упрекъ справедливъ только по отношенію къ тѣмъ журналамъ, которые удѣляли имъ слишкомъ много мѣста и, дѣйствуя въ „улыбательномъ духѣ“, разсматривали ихъ съ чисто внѣшней стороны, съ исключительною цѣлью посмѣшить читателя.

Презрѣніе ко всему родному было до такой степени общимъ въ тогдашнемъ модномъ обществѣ, что всякій петиметръ и всякая щеголиха считали для себя позоромъ говорить на русскомъ языкѣ. О русскомъ театрѣ и русскихъ актерахъ въ большомъ свѣтѣ отзывались презрительно только потому, что они русскіе. Новиковъ въ своемъ „Кошелькѣ“ выступилъ съ обличительнымъ протестомъ противъ этого слѣпого увлеченія чужеземнымъ. Онъ страстно желалъ распространенія на Руси европейской науки, но съ сохраненіемъ національныхъ началъ, съ сохраненіемъ уваженія къ родной странѣ, ея исторіи и языку. Сатира того времени, по словамъ изслѣдователя, весьма удачно рѣшала поставленный Фонъ-Визинимъ вопросъ: „какъ истребить два сопотивные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?“ „Сатира не щадила въ своихъ смѣлыхъ нападкахъ ни темныхъ предразсудковъ старины, ни слѣпото прилежанія къ чужеземнымъ обычаямъ и соединяла уваженіе и любовь къ родинѣ съ полнымъ уваженіемъ къ западной наукѣ“.

Не безынтересно прочесть въ „Кошелькѣ“ письмо либеральнаго защитника французскаго вліянія. „Я объ Васѣ сожалею, г. издатель“, говоритъ авторъ письма: „ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ російскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ сумасбродство!..“ „Вамъ бы должно родиться давно, давно, т. е. когда древнія російскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ, когда разные меды и вино пивали ковшами, когда женились, не выдавъ невѣсты своей въ глаза, когда всѣ добродѣтели замыкались въ густотѣ бороды, когда за различное „знаменованіе“... „сожигали въ срубкахъ“... „словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуется нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы и прославились! Я думаю, что

вы бѣднымъ французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ, но всѣхъ бы выгнали ихъ изъ государства“... „Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія съ французами, введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами?“...

Очевидно, что въ модномъ русскомъ обществѣ велись такіе разговоры, что Новикову приписывали нетерпимость къ иностранцамъ и слѣпое пристрастіе къ русской старинѣ, чего въ немъ совсѣмъ не было. Очевидно также, что общество не понимало, на что сатирикъ нападалъ и что онъ высоко цѣнилъ въ европейскомъ вліяніи. Ихъ точки зрѣнія на этотъ предметъ были различны. „Онь (Петръ I) не съ той стороны принялся за просвѣщеніе нравовъ“, говоритъ французоманъ „Кошелька“ въ другомъ мѣстѣ: „ибо нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы нравовъ нашихъ не просвѣтили. Однимъ французамъ честь сія предоставлена“... „Одно только обхожденіе съ французами и путешествіе въ Парижъ могло хотъ нѣкоторую часть россійанъ просвѣтитъ“. „Безъ французовъ развѣ могли бы мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ французовъ не знали бы мы, что такое танцованіе, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и пр.“ Вотъ что цѣнило общество во французскомъ вліяніи и чѣмъ оно ограничивалось. Перенять приемы свѣтскаго обращенія считалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы слыть образованнымъ человѣкомъ.

Русскій дворянинъ, побывавшій въ Парижѣ, пріѣзжалъ въ Россію, „ничему серіозно не участь“, говоритъ Новиковъ, „ученымъ человѣкомъ: онъ могъ смѣло критиковать дѣла военныя, гражданскія, политическія“. Такому на все готовому дѣятелю приходилось не долго ждать случая примѣнить свои знанія къ дѣлу, если у него только были хорошія связи въ большомъ свѣтѣ. Даже новиковскій „Молокососъ“, сынъ богатаго родовитаго батюшки, и тотъ служить, при чемъ начальники ему угождаютъ, потому что у него знатные родственники. Заканчивая свою сатиру на модниковъ, Новиковъ задастъ читателю вопросъ: „читатель, скажи мнѣ, каковы будутъ дѣти Нарциссовы?“.

Воспитаніе дѣтей въ средѣ „новоманерныхъ“ было въ модѣ ис-

ручать французу - гувернеру или француженкѣ. Пльбный французъ Белькуръ, жившій въ Россіи довольно долго, остроумно замѣчаетъ: „дворянинъ, который желаетъ быть свѣтскимъ человекомъ, долженъ имѣть датскую собаку, скорохода, много прислуги и француза учителя“. „Въ Россію, по словамъ Сегюра, пріѣзжало множество негодныхъ французовъ, искателей и искательницъ приключеній, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество“. „Но этому не было виною наше правительство, говоритъ Сегюръ. Все эти люди не были никѣмъ покровительствуемы. Скорѣе можно было винить самихъ русскихъ, потому что они съ непонятною безпечною принимали къ себѣ въ дома людей, за способность и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ инныхъ домахъ въ Петербургѣ и въ особенности внутри Россіи“. Одинъ изъ сатирическихъ журналовъ спрашиваетъ: „можно ли рассчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человека, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученье?“ Дворяне небогатые, подражая богатымъ, тянулись за ними, но хлопотали, главнымъ образомъ, чтобы достать француза подешевле. Журналь „Вечера“ рассказываетъ о чудесномъ превращеніи француза де-Фадэ, бывшаго лотерейнаго разносчика, въ учителя дѣтей одного дворянина. Рассказъ оканчивается тѣмъ, что дѣти почтеннаго дворянина черезъ нѣсколько времени забыли русскую грамоту, плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились играть въ банкъ и др. игры, узнали билліардные дома и наконецъ промотали отцовское имѣніе. Что зло это существовало дѣйствительно и въ большихъ размѣрахъ, подтверждается правительственнымъ указомъ, которымъ утверждено основаніе Московскаго университета. Тамъ между прочимъ сказано: „у большой части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали. Иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препроводжали“.

Воспитаніе дѣвушки въ кругу „новоманерныхъ“, при описанныхъ выше условіяхъ, разумѣется, также не могло быть поставлено на разумныхъ основаніяхъ. Система женскаго воспитанія, по „Сатирическому Вѣстнику“, была такова: сначала учили ѣсть опрятно, потомъ умѣнью присѣдать, вмѣсто старинныхъ поклоновъ. Обучивъ болтанію на французскомъ языкѣ на подобіе попугаевъ, обращались къ великой наукѣ ногъ. „По семь вдругъ устремляли попеченіе свое о приданіи достоинствъ рукамъ: съ утра до вечера пригвождали молодую дѣвушку къ фортепіано“. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣвица, по мнѣнію родителей, могла называться совершенно воспитанною. Всю программу воспитанія такимъ образомъ составляли танцы, французскій языкъ и фортепіано. Она, какъ извѣстно, дожила до времени Гоголя, хотя въ нѣсколько усовершенствованномъ видѣ: съ различными перестановками и съ прибавленіемъ новаго предмета—визанія сюрпризовъ для будущаго супруга. Другъ Радищева, Ушаковъ, въ своихъ запискахъ вполне подтверждаетъ приведенную сатиру.

„Въ нашемъ вѣкѣ, говоритъ онъ, дѣвушка воспитывается въ играхъ, забавахъ: вся разума ея округа виѣшнимъ ограничивается блескомъ; свобода въ убранствѣ, прелесть поступи и нѣсколько наизусть выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей и изгоняютъ природное чувствованіе“.

Неудивительно послѣ этого, что тогдашнія щеголихи вкривь и вкось разсуждали о совершенно чуждыхъ имъ наукахъ, что имъ казались смѣшными и глупыми люди, которые самыя прекрасныя лѣта тратили на обученіе. „Въ словахъ „умѣть нравиться“ заключаются всѣ наши науки“, говоритъ щеголиха новиковскаго журнала и всячески издѣвается надъ ученой женщиной, какъ надъ существомъ, по ея мнѣнію, безпримѣрно жалкимъ.

Не разумнѣе щеголихи смотритъ на образованіе и Рубакинъ (по второму изданію „Живописца“, а по первому — Худовоспитанникъ). Для него, военнаго человѣка, науки не годятся потому, что умягчаютъ сердце человѣческое, а отъ мягкосердечія, по его мнѣнію, до трусости одинъ только шагъ. Все образованіе военныхъ того времени заключалось въ знаніи фронтовой службы и строгой дисциплины. „Моя наука, говоритъ Рубакинъ, въ томъ состоитъ,

чтобы умѣть командовать: пали! коли! руби! и быть строго къ своимъ подчиненнымъ“.

Послѣдній типъ хулителя наукъ, выведенный въ „Живописцѣ“ Новикова, — типъ невѣжественнаго судьи Кривосуда, который признаетъ только одну науку — знаніе указовъ и умѣніе пользоваться ими для своей выгоды. Уже со времени Теофана Прокоповича и Каптемира раздавалось обличительное слово противъ недостатковъ нашего дореформеннаго суда. Сатира просвѣтительной эпохи со своей стороны смѣло указывала обществу на подкупность судей, на неправильное рѣшеніе и умышленное затягиваніе дѣлъ. Одинъ изъ современниковъ доказываетъ, какими средствами проситель могъ достигать своей цѣли: онъ долженъ былъ употреблять лесть, ласкательство, дары, угожденіе не только тому лицу, отъ котораго зависѣло исполненіе его просьбы, но и его секретарю, писцамъ, сторожамъ, лакеямъ и даже собакамъ, если она тутъ случится. Такъ, по замѣчанію изслѣдователя этой эпохи, жизнь вырабатывала типъ грибоѣдовскаго Молчалина.

Большинство судей плохо было знакомо даже съ указами; сами они и дѣломъ не занимались, подписывали только бумаги, часто не читая ихъ. Фамусовское правило: „подписано, такъ съ плечъ, долой“ было уже готово. При такихъ условіяхъ тотъ или другой исходъ дѣла всегда зависѣлъ отъ секретаря. Роль секретаря была болѣе важная и болѣе активная. Секретари обыкновенно отличались опытностью и ловкостью въ крючкотворствѣ. Фонъ Визинскій Артамонъ Взяткинъ рекомендуетъ Его Превосходительству, случайно сдѣлавшемуся судьей, взять къ себѣ на службу его сына, который, по его словамъ, „къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ и уже сочинилъ совѣтъ новаго рода сводное уложеніе, приискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается“. Будучи главнымъ лицомъ, направлявшимъ дѣло въ ту или другую сторону, секретарь былъ и главнымъ грабителемъ. Не даромъ стихотворная сатира XVIII вѣка („Сотвореніе секретаря“) изображаетъ его адскимъ созданиемъ. Царь ада, по сатирѣ, самъ собственноручно слѣпилъ истукана изъ смѣси, составленной изъ травъ: бездушья, грабежа, насилья и обмана, чернильной накипи и ад-

скаго дурмана. Когда истуканъ уже былъ одушевленъ духомъ самаго сатаны и зашевелился, царь ада сказалъ ему:

„Тебѣ нѣтъ имени еще, любезна тварь:
Такъ будь же секретарь!
Тутъ секретарь челою своимъ кивнулъ
И обѣ руки протянулъ,
Чтобъ взять за то съ него,
Что сотворилъ его“.

Какъ тяжелъ былъ обществу этотъ неправый, нескорый и немилостивый дероформенный судъ, наглядно изображаетъ карриатура, съ объяснительной стихотворною надписью:

„На четверенкахъ челобитчикъ,
На немъ взмостились писаря,

На писаряхъ лежитъ повытчикъ,
А самъ несетъ секретаря.
На семь послѣднемъ засѣдатель
Сидитъ и гордо внизъ глядитъ.
Теперь скажи, о мой Создатель,
Кто больше всѣхъ изъ нихъ кряхтитъ?"

Послѣ всего сказаннаго невольно рождается вопросъ: не бесплодна ли борьба науки съ невѣжествомъ и тѣсно связанными съ нимъ общественными пороками? Мы видѣли такія мнѣнія, нравы, обычаи, которые, доставшись намъ по наслѣдству отъ до-петровской старины, дожили почти во всей неприкосновенности до екатерининскаго вѣка; видѣли также, что къ недостаткамъ, образовавшимся въ эпоху Петра, присоединились новые, созданные новыми вліяніями. Такимъ образомъ, живучесть зла является несомнѣнною. Но несомнѣнно также и то, что та же сила исторической преемственности идей дѣйствуетъ и въ пользу передачи добра, истины изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы видѣли, что высокія стремленія нашихъ первыхъ энтузіастовъ просвѣщенія, Прокоповичей и Кантемировъ, несмотря на всѣ затрудненія, задержки, передались ихъ преемникамъ, что эти стремленія заявляли о своемъ существованіи даже въ самыя трудныя времена и что они обнаружались съ новою силою, какъ только явились благопріятныя условія. Свидѣтельствомъ тому служитъ необыкновенно оживленная умственная дѣятельность въ просвѣтительную эпоху Екатерины II. Весьма существенные успѣхи дѣлаетъ въ это время литература и просвѣщеніе. Въ литературѣ создается и упрочивается новое сатирическое направленіе, съ нимъ вмѣстѣ появляется и новый кругъ читателей, образуется тотъ „мѣщанскій вкусъ“, о которомъ говоритъ Новиковъ въ одномъ изъ своихъ предисловій и которымъ онъ объясняетъ успѣхъ своихъ журналовъ. Это новое направленіе оказываетъ немалое противодѣйствіе ложноклассическому съ его аристократической теоріею поэзій и придворными сюжетами. Литература съ придворныхъ высотъ спускается въ среднее общество. Единоличныя, разрозненныя усилія Посошковыхъ и Ломоносовыхъ на пользу рус-

скаго просвѣщенія замѣняются соединенными дружными силами кружковъ, которые сплачиваются вокругъ издателей журналовъ. Замѣтны усиленныя заботы о просвѣщеніи со стороны не только правительства, но и частныхъ лицъ, и если не все, то многое изъ задуманнаго осуществляется.

Нельзя, конечно, не признать, что борьба со зломъ трудна и продолжительна, но она не бесплодна и, слѣдовательно, обязательна, и однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ въ этой борьбѣ всегда было и будетъ — распространеніе истинныхъ, научныхъ знаній.

В. Нелидовъ.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Въ Москвѣ, въ Басманной части, недалеко отъ Гороховаго поля есть переулокъ, называемый Денисовскимъ. Существуетъ преданіе, что именемъ своимъ переулокъ обязанъ Денису Ивановичу Фонвизину. Здѣсь, будто, стоялъ 150 лѣтъ назадъ домъ его отца, Ивана Андреевича Фонвизина, небогатаго дворянина-помѣщика, служившаго въ военной службѣ, а послѣ некрутымъ чиновникомъ въ ревизіонной коллегіи. Иванъ Андреевичъ былъ рѣдкостный человѣкъ своего времени. Не получивъ никакого образованія, кромѣ простой грамотности и, можетъ быть, начатковъ ариометики, съ которыми его выпустила въ полкъ какая нибудь цифирная школа Петровскаго времени, онъ имѣлъ любовь и уваженіе къ книгѣ, къ образованію: въ семейномъ кругу онъ любилъ собратъ вокругъ себя дѣтей и читать или рассказывать имъ что-нибудь. Должно думать, что рассказывалъ онъ съ охотой и умѣло, такъ какъ Денисъ Ивановичъ вспоминалъ послѣ, какъ онъ ребен-

но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хитрость, а именно: нашедшись съ нею [наединѣ, составилъ я лицо такое печальное и простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастїи моемъ и, повинясь, что я ихъ всехъ обманывалъ, просилъ, чтобы впередъ на дѣлѣ доставались мнѣ любимыя карты. — „Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся, сказала она: я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ“. Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва и тогда жъ почувствовалъ, что идти прямой дорогой выгоднѣе, нежели лукавыми стезями“. Эпизодъ доказываетъ несомнѣнно большую живость ума въ ребенкѣ, но онъ замѣчательнѣе еще тѣмъ, что здѣсь въ бѣгомъ намекѣ обрисовались многія существенныя стороны характера и способностей Фонвизина. Здѣсь видны и сила эстетическихъ впечатлѣній, неудержимость желаній, чистосердечіе и вмѣстѣ большой практической смыслъ, острота соображенія, подсказавшая, какъ извлечь больше всего пользы изъ самаго чистосердечія, здѣсь, наконецъ, и мистификаторская жилка вмѣстѣ съ актерскимъ умѣньемъ „составить простодушное лицо“—это все черты, которыя отличали нашего сатирика и впоследствии.

Отданный въ 1755 г. въ Университетскую гимназію, Фонвизинъ учится отлично, пріобрѣтаетъ порядочное знаніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ и очень рано начинаетъ [переводить. Извѣстный разговоръ Фонвизина о томъ, какъ онъ учился латинскому языку по пуговицамъ и получилъ медаль за отказъ направить Волгу въ какое бы то ни было море—должно принять съ осторожностью. Онъ, конечно, не вымысленъ, но острословіе, очевидно, завело Фонвизина дальше, чѣмъ слѣдовало, и одинъ какой-нибудь случай онъ приводитъ, какъ характеристику всего преподаванія. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что черезъ два—три года ученія Фонвизинъ произноситъ на актѣ латинскую рѣчь, конечно, уже безъ помощи учительскихъ пуговицъ. За время пребыванія Фонвизина въ гимназіи и университетѣ, откуда онъ вышелъ въ 1762 г. 18-лѣтнимъ юношей, мы немного имѣемъ о немъ свѣдѣній, характеризующихъ его личность. Постепенно раскрываются основныя черты его двой-

ственной природы; живость темперамента и острый, ѣдкій умъ въ соединеніи съ добрымъ, мягкимъ сердцемъ дѣлають его пылкимъ, стремительнымъ юношей, смѣшлвымъ и насмѣшливымъ и въ то же время нѣжнымъ, привязчивымъ, справедливымъ. Въ Москвѣ онъ еще на школьной скамьѣ прослылъ за „злаго и опаснаго мальчишку“, его язвительныя остроты носились по Москвѣ, задѣвая однихъ и забавляя другихъ; товарищи считали его великимъ критикомъ, и школьные поэты трепетали его суда и безбожно льстили ему, чтобы задобрить, но добродушное и неспорченное сердце этого „злаго мальчишки“ не понимало подкладки этой лести; оно само трепетало отъ боязни обидѣть кого-нибудь, кто не въ состояніи ему отместить. „Ни передъ кѣмъ я такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли“, пишетъ онъ. Попавши на 15 году жизни въ Петербургъ, онъ восхищенъ до самозабвенія блескомъ и пышностью придворныхъ куртаговъ; сидя впервые въ театрѣ, онъ „хохочетъ изо всей силы, потерявъ благопристойность“, и потомъ „сошелъ было съ ума отъ радости“, узнавъ, что можетъ видѣть актеровъ въ домѣ у своего дяди. Но въ то же время онъ сильно скучаетъ по родителямъ и по нѣскольку разъ въ день справляется на почтѣ, нѣтъ ли отъ нихъ писемъ. Здѣсь же остроуміе и находчивость выручаютъ его изъ одного затрудненія, нестерпимаго для 14-лѣтняго самолюбія. Въ театрѣ онъ свелъ знакомство съ однимъ знатнымъ подросткомъ-юношей, который, узнавъ, что Фонвизинъ не говоритъ по-французски, началъ немедленно обдавать его холодомъ презрѣнія съ высоты своей свѣтскости. „А я, говоритъ Фонвизинъ, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго не смыслить болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлись пріятелями“. Фонвизинъ извлекъ изъ этого столкновенія двойную пользу: онъ рѣшилъ учиться по-французски и черезъ два года уже переводилъ Вольтера, а кромѣ того, онъ, вѣроятно, тутъ сдѣлалъ первый этюдъ съ натуры для своего Иванушки.

Возвратившись изъ Петербурга, куда возилъ его директоръ въ числѣ лучшихъ учениковъ показать Ив. Ив. Шувалову, Фонвизинъ продолжаетъ ревностно учиться и въ то же время постепенно ста-

новится настоящимъ писателемъ. Онъ переводить цѣлый рядъ вещей, по большей части правоучительныхъ, очевидно, находясь подъ вліяніемъ своихъ профессоровъ Шадена и Рейхеля. Сатирическій духъ его выразился въ эту пору въ переводѣ Гольберговыхъ басенъ, которыя внушили ему мысль написать свою первую сатирическую вещь — басню въ стихахъ „Лисица-кознопѣй“ (т. е. проповѣдникъ). Басни онъ переводилъ, вѣроятно, охотиѣе, чѣмъ поучительные романы; по крайней мѣрѣ ихъ простой и живой языкъ рѣзко отличается отъ надутого слога серьезныхъ переводовъ. Вотъ одна басня 17-лѣтняго переводчика.

Свинья и петиметръ.

„Одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые называются петиметрами, ѣхалъ верхомъ. Свинья, выдравшись изъ навоза, шла по улицѣ. Петиметръ, нимаго не щадя ближняго, наскочилъ на свинью. Споткнулась лошадь. Петиметръ упалъ и задавилъ было свинью. „Чтобъ чертъ взялъ свинью!“ вскричалъ петиметръ: „платье мое все въ грязи отъ проклятой скотины“. — „Чтобъ чортъ взялъ этого сорванца!“ сказала свинья: „щетина моя вся въ пудрѣ“.

Въ оригинальной своей баснѣ, написанной годъ спустя, Фонвизинъ достигаетъ уже значительной силы выраженія: похвальное слово, которое говоритъ умершему Льву Лисица „съ смиренной харею, взмостясь на кафедру“, — очень удачная пародія на торжественныя рѣчи того времени:

„О рокъ, лютейшій рокъ! Кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрейшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасень, —
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласень!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благодати, величія, щедротъ?..“

И затѣмъ — вульгарный, полународный языкъ Крота, который шепчетъ на ухо Собакѣ язвительный комментарий на рѣчь льстеца, — все это написано мѣтко и сильно.

Будущій художникъ уже въ это время умѣлъ не только наблюдать то, что попадалось ему на встрѣчу, но и самъ отыскивалъ свою „натуру“ и изучалъ ее. Въ числѣ его московскихъ знакомыхъ было одно семейство, въ которомъ, пишетъ Фонвизинъ: „матушку ближніе и дальніе — словомъ, цѣлая Москва признала и огласила набитою дурой“. Бывая въ домѣ, Фонвизинъ часто нарочно вызывалъ эту матушку на разговоръ и утѣшался ея непреходимостью. „Признаю грѣхъ мой; она послужила мнѣ подлинникомъ къ сочиненію Бригадиршиной роли“.

Въ концѣ 1762 года мы видимъ Фонвизина въ Петербургѣ переводчикомъ иностранной коллегіи, вскорѣ затѣмъ на службѣ у кабинета — министра Елагина и наконецъ у министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Н. И. Панина. 18-лѣтній юноша оторвался отъ горячо любимой семьи и промѣнялъ мирную Москву на пышный и шумный Петербургъ.

Дѣйствительно, Москва тогда довольно сильно отличалась отъ Петербурга. Богатое и знатное дворянство, дававшее тонъ обществу, все тѣснилось въ новой столицѣ, при дворѣ, а Москва носила на себѣ патриархально-провинціальный отпечатокъ.

Петербургъ тогда переживалъ свѣтлое и радостное время — первые годы правленія молодой, умной, живой и энергичной императрицы, исполненной горячаго желанія преобразовать [важнѣйшія] условія общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ подвинуть общество на пути къ европейской цивилизаціи, сдѣлать жизнь легче, удобнѣе, утонченнѣе и веселѣе. Французское вліяніе стало расти не по днямъ, а по часамъ и сказываться во всѣхъ областяхъ жизни. Одинъ изслѣдователь пишетъ: „Возникла свѣтская жизнь. Петровскія ассамблеи превратились въ *soirées dansantes*, въ балы, концерты, маскарады. Танцы были самымъ взыскательнымъ искусствомъ. Мужчины, посыпавъ голову пудрой, принялись за многосложный туалетъ: щеголяли во французскихъ кафтанахъ съ пуговицами разныхъ сортовъ, въ глазетовыхъ и шелковыхъ камзолахъ, въ кружевныхъ манжетахъ, въ башмакахъ, въ треугольныхъ шляпахъ. Длинная коса, вложенная въ кошелекъ, безчисленное множе-

ство буклей на парикѣ, манжеты, закрывающія всѣ пальцы рукъ, широкія серебрянныя пряжки на тупоносыхъ башмакахъ, бамбуковая трость съ металлическимъ набалдашникомъ, были непремѣнными признаками щеголя. Прабабушки наши надѣли фикжмы, длинные роброны, фуру-ферме, левиты, полонезы, сюртуки съ тремя разноцвѣтными воротниками и изучали у балетмейстеровъ контра-танцы и „миноветы“. Дворянство поѣхало за-границу, изучало французскій и забывало русскій языкъ въ такомъ совершенствѣ, что за обѣдомъ у 10-лѣтняго цесаревича Павла молодой графъ Строгоновъ морить всѣхъ со смѣху, говоря по-русски, какъ нѣмецъ. Бросились читать и переводить всѣхъ французскихъ писателей. По примѣру Екатерины вельможи заводили себѣ богатая библіотеки, на которыя иногда только взглядывали. Дѣло проиходило такъ: знатный человекъ заходилъ къ книгопродавцу и заказывалъ приготовить ему книгъ. Какихъ? Спрашивалъ тотъ. — „Mais vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire. Des gros livres en bas, des petits en haut: tout à fait comme ils sont chez l'Impératrice“.

Попавъ въ шумную сутолоку петербургской придворной жизни, молодой Фонвизинъ довольно долго чувствовалъ себя неловко, скучалъ и мыслями часто улеталъ въ Москву. Въ письмахъ 1763 года петербургскія впечатлѣнія почти отсутствуютъ; душой онъ весь въ Москвѣ, въ кругу семьи, въ ея интересахъ; его интересуеть даже московская погода. О себѣ онъ пишетъ всѣ домашнія мелочи: гдѣ обѣдалъ, въ какомъ часу гдѣ былъ. „Въ субботу не ходилъ въ коллегію затѣмъ, что чирей сдѣлался на щекѣ“. „А Яшка былъ на этихъ дняхъ очень боленъ, въ прежестокоемъ жару. Я призывалъ лекаря и пускалъ ему кровь; теперь, слава Богу, легче. Да и Митька часто боленъ. Истинно, иногда не знаю, что дѣлать“.

Онъ продолжаетъ начатый въ Москвѣ переводъ „Сифа“, готовить новый, тоже нравоучительный, и пишетъ горячія изліянія вѣж-ныхъ чувствъ сестрѣ своей Федосѣ, (даровитой дѣвушкѣ, не лишенной писательскихъ способностей). „Я не лгу, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Я хочу, чтобы знакомство было основаніемъ ou de l'amitié, ou de l'amour, однако этого желанія по несчастію не достигаю. Разсуди, не скучно-ль такъ жить тому, кто имѣеть чувствительное сердце“. Проживъ почти годъ въ Петербургѣ, онъ

все еще писать, что не нашел предмета, который бы его интересовал: „безъ того жизнь скучна, а скуку возобновляетъ воспоминаніе, что я разлученъ съ моими ближними и съ тобой, любезная сестрица. Я знаю, что ты мнѣ другъ, и, можетъ быть, одного я и имѣть буду, котораго бы я столь много любилъ и почиталъ. Истинно, я бы показалъ тебѣ, что я теперь чувствую; въ сію минуту чувствую я, что горячность и сердечная нѣжность произвести можетъ. Если мысли твои со мной одинаки, то пиши ко мнѣ то же, увѣрай меня, что я не ошибаюсь, и храни то, что я на вѣкъ хранить буду“.

Одно письмо заканчивается стихами: „Adieu“. Спать хочу.

„Слабѣютъ мысли всѣ, объемлетъ чувства сонъ,
Ты знаешь ли, кого на мысль представить онъ?
Представить ту онъ мнѣ, кого люблю сердечно, —
Тебя представить онъ, я знаю то конечно.
О сонъ, пріятный сонъ! Прелестныя мечты!
Но ахъ! и на яву нейдешь изъ мыслей ты!“

Однимъ словомъ, въ этихъ письмахъ виденъ скорѣе мягкосердечный, нѣжный и тихій юноша, еще не совсѣмъ отдѣлившійся отъ семейной скорлупки...

Но вотъ мало-по-малу онъ входитъ во вкусъ петербургской жизни, привыкаетъ къ многолюдству и увеселеніямъ; самообладаніе и насмѣшка возвращаются къ „злomu и опасному мальчишкѣ“. Содержаніе и тонъ писемъ измѣняются. Забыта московская погода и чирей на щекѣ. „Обѣдалъ у меня кн. Козловскій, а послѣ обѣда пріѣхалъ кн. Вяземскій, Dmitrewski avec sa femme и, посидѣвъ, поѣхали всѣ во француз. комедию. Въ понедѣльникъ обѣдалъ дома, а ввечеру до 4 heures j'étais au bal masqué. (Послѣднія слова по французски по той же причинѣ, по какой ниже стоитъ приписка: ne montrez vous mes lettres à mes parents). Проводя часто весь день на службѣ, вечеромъ онъ въ гостяхъ, въ театрѣ, маскарадѣ или читаетъ трагедіи, пишетъ сатиры а передъ сномъ набрасываетъ для любимаго друга — сестры небрежный, но бойкій и остроумный отчетъ въ своихъ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ.

„Теперь шутить мыслей нѣтъ. Лишь только прочиталъ новую трагедію французскую „Троянки“. Слезы еще и теперь видны на глазахъ моихъ. Гекуба, лишаящаяся дѣтей своихъ, возмущила духъ мой. Поликсена, ея дочь, умирая на гробѣ Ахиллесовомъ, поразила жалостью сердце мое, и отчаяніе Кассандры извлекло неволю изъ глазъ моихъ слезы. — Однако, плюнемъ на нихъ. Стихотворецъ подобенъ попу, которому, живучи на погостѣ, всѣхъ не оплакать. Я самъ горю желаніемъ написать трагедію, и рукою моею погибнуть по крайней мѣрѣ съ полдюжины героевъ, а если разсержусь, то и ни одного живаго человѣка на театрѣ не оставлю“.

Какъ смѣлъ и твердъ былъ взглядъ на ложно классическую трагедію у этого юноши въ то время, когда едва основывался нашъ театръ и первыя трагедіи Сумарокова вызывали всеобщій восторгъ.

Но не одни литературныя впечатлѣнія вызывали его на сатиру и остроумныя замѣчанія. Въ слѣдующемъ (1765) году Фонвизинъ ѣздилъ въ Москву въ отпускъ. Едва вернувшись, онъ пишетъ сестрѣ большое письмо. Онъ недоволенъ Петербургомъ; все здѣсь его или смѣшить, или бѣсить.

„Здѣсь люди стали совсѣмъ на себя непохожи: кого оставилъ я передъ отъѣздомъ моимъ дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще премудрымъ почитаютъ, только то нѣсколько утѣшаетъ, что тѣхъ самыхъ, которые имъ приписываютъ такую славу, оставилъ я передъ отъѣздомъ такими же дураками. Графа Б. засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ онъ каяться въ томъ, что не поступалъ онъ по правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ того, чтобы какойнибудь родъ разсудка отягощаль главу его сіятельства“. Дальше онъ передаетъ сестрѣ рядъ случаевъ изъ свѣтской жизни, и надобно видѣть, какой холодной проіей проникнуть его разсказъ.

Въ этомъ году Фонвизинъ работалъ надъ своимъ „Бригадиромъ“, особенно ревностно принимаясь за него, когда пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ родными. Это и понятно: значительная часть типовъ комедіи тѣсно связана съ Москвою. Мы видѣли, что Бригадирша списана была съ одной московской знакомой Фонвизина. Совѣтникъ „еще до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегіи“ — мо-

жетъ быть, въ той самой ревизіонъ-коллегіи, въ числѣ сослуживцевъ своего отца видѣлъ Фонвизинъ этого совѣтника, который „ослѣпши“, очевидно, иначе смотрѣлъ на сахарную голову, чѣмъ Иванъ Андреевичъ. Наконецъ, бригадировъ тоже было особенно удобно наблюдать въ Москвѣ. Извѣстно, что при Екатеринѣ ежегодно изъ гвардіи выпускалось въ отставку по 12 капитановъ съ производствомъ въ бригады. Вѣроятно, этимъ освобождали гвардію отъ неспособныхъ воиновъ, не имѣвшихъ никакихъ шансовъ на дальнѣйшее возвышеніе по службѣ. Эти 12 бригадировъ считали себя совершенно довольными оказаннымъ почетомъ и обыкновенно поселялись въ Москвѣ, гдѣ ихъ такъ и звали „дюжинными“. (Не имъ ли обязанъ своимъ названіемъ Бригадирскій пер. въ Москвѣ около Нѣмецкой улицы, и не они ли были первыми виновниками раздѣленія людей на *дюжинныхъ* и *недюжинныхъ*?) Что касается типовъ совѣтницы и Иванушки, то они основаны, вѣроятно, главнымъ образомъ, на петербургскихъ наблюденіяхъ Фонвизина. Обиліе въ петербургскомъ обществѣ такихъ личностей, глядя на которыя Фонвизинъ долженъ былъ припоминать Гольбергову басню „Свинья и петиметръ“, подтверждается всѣми извѣстіями того времени. Въ 1765 г. нѣсколько разъ шла на петербургскомъ театрѣ переведенная начальникомъ Фонвизина, Елагинимъ, комедія Гольберга „Русскій Французъ“ (Jean de France), про которую Драматическій Словарь 1787 года говоритъ: „авторъ старался показать своимъ соотечественникамъ слабость нѣкоторыхъ отцовъ и матерей и развращеніе дѣтей, кои, къ сожалѣнію нашему, будучи въ чужихъ краяхъ, возвращаются подобными персонажу Жана, не обрета ничего кромѣ тщеславія и нетерпѣнія своего языка“. Воспитатель Цесаревича Павла, Порошинъ, сохранилъ намъ слѣдующій отзывъ императрицы Екатерины объ этой же комедіи: „Государыня очень изволила хвалить комедію и говорить, что она развѣ тѣмъ только можетъ не нравиться, кои въ ней себя тронутыми найдутъ; что въ ней все такія правды, коихъ оспорить невозможно, что переводъ весьма вольной и смѣлой и приведенъ на нашъ обычай весьма удачно. Особливо Ея Величество чрезвычайно изволила смѣяться, какъ кухарка затянула французскую пѣсню, а французскій Иванушка такъ тѣмъ былъ тронутъ, что въ слезахъ палъ на колѣни“.

Все эти впечатлѣнія не проходили, конечно, безслѣдно для Фонвизина, и въ то время, какъ общество наканунѣ сатиры Всякой Всячины и Трутня начинало узнавать свои черты подъ чужеземной маской „датскаго француза“, въ головѣ Фонвизина зрѣлъ уже образъ „Русскаго Иванушки“.

Конечно, въ Москвѣ же и въ деревнѣ вблизи Москвы (у Фонвизинныхъ было имѣнье) собрана была большая часть матеріаловъ и для „Недоросля“, которому однако предстояло появиться лишь 15 лѣтъ спустя. „Недоросль“, кромѣ мастерской картины нравовъ, глубже, чѣмъ „Бригадиръ“, ставилъ вопросъ о воспитаніи и опредѣлялъ довольно полно идеалы Фонвизина. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ идеалы Фонвизина, его нравственныя и общественныя понятія впервые выяснились и устанавливались по мѣрѣ того, какъ петербургская сфера и быстрые служебные успѣхи втягивали его въ самый центръ придворной жизни, заставляя участвовать и въ блестящей, праздничной ея сторонѣ, и еще болѣе въ дѣловыхъ, государственныхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ. Ему постоянно приходилось видѣть всѣхъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія и наблюдать придворныя нравы. Въ своихъ начальникахъ онъ не имѣлъ повода разочаровываться: объ Елагинѣ онъ даетъ отзывъ, характерный для него самого. „Иванъ Перфильевичъ имѣетъ по природѣ доброе сердце и сдѣлалъ себѣ правила честнаго человѣка, которыя столь свято наблюдаетъ, что не только здѣсь въ городѣ отъ своихъ, но и отъ всѣхъ чужестранныхъ имя Елагина произносится *съ идеею честнаго человѣка*. Онъ очень много любитъ свою націю“. Послѣдній начальникъ Фонвизина, гр. Н. Панинъ былъ въ его глазахъ идеаломъ истинно-русскаго человѣка, честнаго, полнаго достоинства, мудраго государственнаго дѣятеля. Но гораздо чаще великосвѣтская жизнь давала чуткому нравственному человѣку поводъ къ грустнымъ размышленіямъ на тему объ истинномъ благородствѣ, и не всегда лишь холодная язвительная насмѣшка кривила губы нашего сатирика: горькій подчасъ осадокъ оставляла по себѣ окружающая жизнь. Фонвизинъ пишетъ отцу: „Къ пользѣ человѣческаго рода каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической или комической штукѣ. Лютяся слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Ч., который несчастливъ не на шутку,

забыть, да и помнить о немъ не велятъ.—Вотъ какъ въ свѣтѣ дѣла идутъ! Я истинно получилъ ужасное омерзѣніе ко всеѣмъ вздорамъ, въ которыхъ нынѣшняго свѣта люди главное свое удовольствіе полагаютъ“. И дальше: „гр. Воронцовъ очень меня приласкалъ, да и немудрено. Когда большіе бояре держатся въ черномъ тѣлѣ, тогда они всего любезнѣе на свѣтѣ; а какъ скоро изъ него выходятъ, то всеѣхъ людей становятъ прахомъ передъ собою и думаютъ, что царствію ихъ не будетъ конца“.

Позднѣе, служа у Панина и привязавшись къ нему, онъ скорбитъ объ интригахъ противъ него. „Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у насъ всеминутно происходятъ, все вертится надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію, кажется, конца не будетъ“. Раздумывая о томъ, какова будетъ его собственная участь въ случаѣ немилости Панина, Фонвизинъ прибавляетъ: „во всякомъ случаѣ я на Бога положился, а наблюдаю того только, чтобъ жить и умереть честнымъ человѣкомъ“. При видѣ интригъ, своекорыстія и пресмыкательства въ нашемъ сатирикѣ крѣпнуть идеалы чести, независимости, благородства.

Такъ онъ живетъ въ Петербургѣ до 1777 года,—то впадаетъ въ скорбное огорченіе при встрѣчѣ съ уродливостями жизни, и тогда трогательно описываетъ въ своемъ „Каллисоевѣ“ гибель правдиваго философа при испорченномъ дворѣ Александра Македонскаго,—то даетъ волю своему сатирическому уму, язвительно издѣвается надъ человѣческой подлостью и глупостью, то, наконецъ, сыплетъ островами среди знакомыхъ и на литературныхъ спорахъ съ В. Майковымъ или Херасковымъ въ домѣ Мятлевыхъ.

Въ 1777 году Фонвизинъ ѣдетъ во Францію, а нѣсколько лѣтъ спустя путешествуетъ по Италіи. Заграничныя письма его къ сестрѣ и къ П. И. Панину, полныя живого интереса, отражаютъ часто очень ярко его характеръ. За этими письмами признана репутація односторонней, пристрастной и рѣзко несправедливой характеристики европейской, особенно французской жизни. Такая репутація справедлива только отчасти. Прежде всего, Фонвизинъ ѣхалъ за-границу съ предвзятымъ мнѣніемъ. По рассказамъ всеѣхъ здѣвшихъ туда онъ представлялъ себѣ Францію и вообще Европу

чуть не земнымъ раемъ. Недовольный многимъ на родинѣ, онъ мечталъ встрѣтить идеальный общественный бытъ во Франціи; въ этомъ утверждали его сочиненія Вольтера и др. писателей, особенно Руссо, которыхъ онъ прилежно изучалъ въ Петербургѣ и мнѣнья которыхъ заставили его заочно уважать этихъ философовъ. Затѣмъ Фонвизинъ былъ не Карамзинъ, который могъ возить съ собою по Европѣ восторженное настроеніе и часто видѣть вездѣ только собственное душевное состояніе; сильный и трезвый умъ быстро заставилъ Фонвизина бросить воздушные замки, показавъ ему тѣневя стороны французскаго общества, которое тогда страдало многими серьезными недугами и какъ разъ готовилось къ обновительному перевороту. Вѣковыя уродливости, которымъ скоро предстояло исчезнуть, рѣзко выдѣлялись въ жизни общества для всякаго внимательнаго наблюдателя. А Фонвизинъ прилагалъ старанія, чтобы основательно познакомиться съ чужой жизнью: во Франціи онъ нанимаетъ себѣ учителей, изучаетъ подъ ихъ руководствомъ государственное устройство Франціи, слушаетъ лекціи по философїи, по физикѣ, сталкивается съ выдающимися представителями литературы и свѣтскаго круга. Немудрено, что нашъ авторъ испыталъ много разочарованій. „Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибся, какъ въ мысляхъ своихъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ... что не можетъ уже никто разсказами своими мнѣ импозировать“. И вотъ онъ передаетъ цѣлый рядъ неблагоприятныхъ сужденій своихъ о французскомъ народѣ, его правахъ, національномъ характерѣ, учрежденіяхъ и т. д. Но это не огульное порицаніе: французы для него все же „нація просвѣщеннѣйшая и по справедливости сказать, челоуѣколюбивѣйшая“, онъ вездѣ находитъ много „совершенно хорошаго“, отмѣчая лишь при этомъ, что рядомъ съ этимъ хорошимъ обыкновенно можно встрѣтить совершенно дурное. Общій выводъ его былъ такой: „Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго больше, нежели добраго, что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно и, словомъ, что наша нація не хуже никоторой!“ Однимъ словомъ, та же мысль, которую онъ выразилъ позднѣе въ своихъ „Вопросахъ“: „Какъ истребить два вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ

все дурно, а у насъ все хорошо?" Правда, въ его отзывахъ о заграничной жизни иногда слышна неумѣстная насмѣшка или несправедливая, безошадная рѣзкость, которую оправдать ничѣмъ невозможно; но нельзя забывать, что такіе отзывы, вытекающіе часто изъ минутнаго настроенія, свободно ложились на страницы интимной переписки, никогда не назначавшейся для чужихъ глазъ. Такова, напр., неумѣстная шутливость въ описаніи епископскаго богослуженія въ Монпелье или панихиды въ Страсбургѣ, о которой онъ пишетъ: „съ непривычки ихъ церемонія такъ смѣшна, что треснуть надобно“. Природная смѣшливость, очевидно, была очень велика въ Фонвизинѣ, и онъ не всегда могъ ее сдерживать. Въ варшавскомъ театрѣ, по его словамъ, „играють изрядно, но польскій языкъ въ нашихъ ушахъ кажется такъ смѣшонъ и подлъ, что мы помираемъ со смѣху во всю пьесу“. Чтобы видѣть, какъ сильно иногда вліяло на отзывы Фонвизина настроеніе, любопытно сравнить два описанія благословенія папою народа на Страстной недѣлѣ. Къ Панину онъ пишетъ: „Четвергъ былъ день весьма тягостный для чужестранцевъ. Надлежало съ утра до вечера быть на ногахъ. Въ восемь часовъ по утру была обѣдия въ присутствіи папы. Потомъ папа изъ средняго окна показался стоящему на площади народу; сперва произнесъ онъ проклятіе намъ грѣшнымъ, т. е. всѣмъ, непризнающимъ его вѣру за правую, а потомъ далъ народу благословеніе. Сей церемоніи помѣшала дождливая погода, и площадь была довольно просторна“. Въ описаніи сквозитъ какой-то брюзжачій тонъ: раннее вставанье и дождь какъ будто вселили въ автора недружелюбное отношеніе къ церемоніи. Вотъ другое описаніе такой же церемоніи нѣсколько дней позже — въ Свѣтлое воскресенье: „День былъ прекрасный. Сверхъ того, сія церемонія нигдѣ такъ чувства тронуть не можетъ, какъ здѣсь, ибо потребна къ тому площадь св. Петра, которой нигдѣ подобной нѣтъ. Чрезвычайное ея пространство и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе передъ благословеньемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ, и самое дѣйствіе, которое, благодаря богобоязливыхъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное — словомъ, все въ восхищеніе

приводить!“ — Положительно, Фонвизинъ обладалъ художественной натурой, у которой были свои моменты каприза.

Что касается чрезмѣрной рѣзкости, почти радости, съ которыми онъ высказываетъ иногда свои осужденія, то надо помнить, что Фонвизинъ былъ до глубины души русскимъ человѣкомъ и горячимъ патриотомъ. Онъ ѣхалъ за-границу съ такимъ высокимъ понятіемъ объ Европѣ и съ такимъ смиреннымъ чувствомъ ученика, что не могъ удержаться отъ радости, когда замѣченный изъяснъ чужой жизни позволялъ его національному самолюбію поднять голову. Эта нотка звучитъ не разъ въ его письмахъ. То онъ радъ, увидавъ изъ путешествія, „что наша нація не хуже некоторой“, то проводитъ параллель между нашимъ правосудіемъ и французскимъ и, признавая несправедливость того и другого, силится утвердить за нашимъ сомнительное преимущество „болѣе быстрого обирания челобитчика“, то съ самодовольнымъ смѣхомъ русскаго барина передаетъ сестрѣ о томъ, какъ скупо и „скаречно“ живутъ, ѣдятъ и пьютъ и одѣваются за-границей даже знатные люди. Онъ страшно доволенъ, что своимъ костюмомъ и широкимъ образомъ жизни произвелъ впечатлѣніе на парижанъ. „Горностаевая муфта моя прибавила мнѣ много консидераціи. *Beau blanc!* всѣ кричатъ единогласно. Всѣ глядятъ очень бережно, чтобы не заворотить волоска. Всякій спрашиваетъ о цѣнѣ. Я говорю 300 р. *Parbleu! je crois bien,* всякій отвѣчаетъ; *il n'y a rien de si beau que ça.* Словомъ, каждый день комедія!“ Онъ не забылъ пустить въ ходъ за-границей свои мистификаторскія наклонности и очень зло вышучиваетъ французовъ, на-смѣхъ рассказывая имъ совсѣмъ несбыточные и физически невозможныя дѣла. „Ни одна душа однако жъ не усомнилась; только-что дивятся“. А вотъ образчикъ другой, болѣе тонкой продѣлки: „Сколько разъ, имѣя случай разговаривать съ отличными людьми, напр., о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется; на что съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ *que le Français est né libre,* что сіе право составляетъ истинное ихъ счастье, что они помрутъ прежде, чѣмъ потерпятъ малѣйшее его нарушеніе. Выслушавъ сіе, захожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно отрываю мысль мою, что

желательно бѣ было, если бѣ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, что тѣ же самые люди, которые восхищались своей вольностью, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: O! Monsieur, vous avez raison! Le Français est écrasé! Le Français est esclave! Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія. Если сіе разнорѣчіе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума“. Такъ платилъ нашъ русскій сатирикъ парижанамъ за ихъ самоувѣренность и надутость міровымъ значеніемъ своей цивилизаціи и своего Парижа.

Но нигдѣ, можетъ быть, такъ не показалея въ Фонвизинѣ чисто-русскій человѣкъ, какъ въ слѣдующемъ случаѣ, когда онъ ѣхалъ изъ Лейпцига въ Нюренбергъ на русскомъ извозникѣ. Этотъ курьезный случай произошелъ такъ. Профессоръ Московскаго Университета Христіанъ Маттей пріѣхалъ изъ Россіи въ Лейпцигъ въ двухъ кибиткахъ на 8 лошадахъ. Фонвизинъ обрадовался случаю отдохнуть отъ нѣмецкихъ почталлоновъ и подрядилъ мужичковъ свезти его съ женой и прислугой въ Нюренбергъ. Наши православные, конечно, взялись и доставили благополучно, при чемъ борода кучера Калинина собирала около кареты Фонвизина множество народа: малые ребята бѣгали за нимъ, какъ за чудомъ. Фонвизинъ не безъ сочувствія описываетъ этого Калинина: „Онъ такъ золъ на нѣмцевъ и такую имѣетъ къ нимъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, умирали со смѣху. По его мнѣнію, русскихъ создалъ Богъ, а нѣмцевъ — чортъ. Онъ считаетъ ихъ наравнѣ съ гадіною и думаетъ, что, раздавъ нѣмца, Бога прогнѣвить нельзя. Впрочемъ, скажите ему за насъ спасибо: мы его усердіемъ чрезвычайно довольны“. Калининъ могъ не считать нѣмца за человѣка, но какъ объяснить сочувственный тонъ Фонвизина? А это — тоже русская черта. Крайне ошибся бы тотъ, кто, на основаніи выше-приведенныхъ словъ Фонвизина, сдѣлалъ бы нелестный выводъ о его отношеніи къ людямъ: иное дѣло — „красное слово“, иное дѣло — жизнь. У насъ множество свидѣтельствъ тому, что Фонвизинъ замѣчательно мягко и сердечно относился къ человѣческой нуждѣ и страданію, съ которыми сталкивался. Письма его полны трогательными разсказами о видѣнныхъ бѣдствіяхъ, о нищихъ, о больныхъ, или свѣдѣніями объ оказанной помощи. Отъ этого

Фонвизинныхъ знали за-границей вездѣ, гдѣ они прожили хоть два — три дня. „Римъ оставили мы съ огорченіемъ. Я и жена моя были любимы тамъ не только лучшими людьми, но и самимъ народомъ. Въ день нашего отъѣзда улица сперлась отъ множества людей. Здѣсь, въ Милагѣ, я получилъ письмо изъ Рима отъ одного изъ лучшихъ художниковъ, который къ намъ каждый день хаживалъ и который былъ въ числѣ нашихъ провожателей. Онъ описываетъ намъ, что народъ, по отъѣздѣ нашемъ, кричалъ намъ вслѣдъ“. Въ Нюренбергѣ, найдя много бѣдныхъ художниковъ, онъ разыскиваетъ ихъ по чердакамъ и поддерживаетъ своими заказами. Остро словіе уживалось въ немъ съ мягкосердечіемъ до самаго конца жизни. Въ 1787 году, уже разбитый параличемъ, истерзанный тѣлесно и душевно, Фонвизинъ ѣдетъ въ Карлсбадъ лѣчиться. Ужасное состояніе не отняло у него ни остроумія, ни сердечности. Вотъ описаніе его остановки въ Калугѣ. „Хозяйки мои звались Татьяна Петровна и Марѳа Петровна. Меньшая — великая богомолка и во время нашей трапезы молилась за меня, громогласно вопія: Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и отъ *западныхъ* смерти! Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ, ибо въ Москвѣ то и другое терпѣлъ до крайности, но *западной* смерти не понималъ. По нѣкоторомъ объясненіи, нашелъ я, что Марѳа Петровна въ словѣ ошиблась и вмѣсто отъ *внезапной* врала отъ *западной* смерти... Отобѣдавъ, выѣхали мы отъ этихъ калужскихъ дурь“. А затѣмъ гдѣ-то въ Германіи, на станціи, при перемѣнѣ лошадей, встрѣтивъ бѣдную параличную дѣвушку, онъ останавливается, разспрашиваетъ ее о болѣзни и готовъ везти съ собой въ Карлсбадъ, куда стремился для своего исцѣленія.

Замѣчательной натурой обладалъ Фонвизинъ: съ блестящимъ остроуміемъ и безпощадной ироніей разсудка соединялось у него горячее сердце и непосредственно-гуманное отношеніе къ людямъ, а чуткость ко всякому умственному или нравственному безобразію шли объ руку съ сильно развитымъ пониманіемъ художественной красоты. Съ нравственной стороны его личность высока и безупречна въ такой степени, въ какой мы не можемъ этого сказать о многихъ видныхъ дѣятеляхъ XVIII в. Талантъ его былъ великъ, служба его этимъ талантомъ на пользу общества была серьезна.

Фонвизинъ не былъ лишь остроумцемъ или пересмѣшникомъ: „Бригадиръ“, „Недоросль“, „Вопросы“ и др. произведенія его будили мысль, заставляли людей задумываться надъ жизнью и двигали ихъ къ улучшенію, къ прогрессу. Съ именемъ Фонвизина навѣкъ останутся связаны слова Пушкина:

... Въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ.
Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы.

А. Е. Грузинскій.

h

h

С. Т. АКСАКОВЪ.

Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ дня рожденія Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, память котораго чествуемъ мы сегодня. Этотъ замѣчательный по оригинальности и силѣ своего дарованія писатель родился еще въ царствованіе императрицы Екатерины II, при жизни Фонвизина; онъ былъ современникомъ и хорошимъ знакомымъ Державина, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Шишковымъ и раздѣлялъ многія изъ его воззрѣній. И въ то же время Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ считается однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей такъ называемой натуральной школы, явившейся подъ вліяніемъ литературной дѣятельности Гоголя. Первый трудъ, доставившій Аксакову литературную извѣстность, — „Записки объ уженъи рыбы“, — появился въ 1847 году. Это былъ замѣчательный годъ въ исторіи русской литературы. Имъ можно обозначить начинающійся расцвѣтъ натуральной школы. Десять лѣтъ прошло уже со смерти Пушкина, Гоголь написалъ уже всѣ свои со-
десять чтеній.

вершннѣйшія произведенія. И вотъ тотъ же 1847 годъ, въ которомъ вышла въ свѣтъ „Переписка съ друзьями“ Гоголя, предвѣщавшая прекращеніе художественной дѣятельности великаго русскаго поэта, этотъ же годъ ознаменованъ появленіемъ первыхъ произведеній многихъ лучшихъ писателей сороковыхъ годовъ. Правда, 19-ти лѣтній Левъ Толстой еще не начиналъ своей литературной дѣятельности, но только годомъ раньше появилось первое произведеніе Достоевскаго и первый рассказъ изъ народной жизни Григоровича, а въ самый 1847 годъ появились новые таланты, давшіе на долгое время впередъ направленіе русской литературѣ. Къ этому году относятся первыя произведенія Гончарова, Островскаго, Салтыкова, Писемскаго, первые рассказы изъ „Записокъ Охотника“ Тургенева. И вотъ среди этой пылкой, энергичной, одаренной замѣчательными талантами молодежи, которой суждено было влить новыя жизненныя силы въ русскую литературу, изъ среды которой старшему, за исключеніемъ Гончарова, не было еще 30 лѣтъ, появился маститый, убѣленный сѣдинами, 56 лѣтній старецъ С. Т. Аксаковъ. Онъ выступилъ съ книгой, имѣвшей скромное и мало значительное названіе: „Записки объ уженіи рыбы“. Книга была, повидимому, назначена только для специалистовъ, охотниковъ до рыбной ловли. Въ ней подробно рассказывалось, какъ надо ловить рыбу, какъ выбирать удочки и т. п., описывались разныя породы рыбъ, ихъ образъ жизни, указывалось, гдѣ и когда лучше всего можно наловить тѣхъ или другихъ рыбъ. Несмотря на то, книга имѣла большой успѣхъ вообще среди образованнаго общества. На нее обратили вниманіе. Имя автора стало произноситься съ уваженіемъ. Ободренный и одушевленный успѣхомъ своего сочиненія, С. Т. Аксаковъ принимается за составленіе другихъ книгъ съ тѣмъ же, повидимому, специальнымъ характеромъ. Въ 1852 году являются въ свѣтъ „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, въ 1855—„Разказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ“. Эти новыя сочиненія Аксакова имѣли такой же успѣхъ, какъ и первая его книга. Наконецъ, въ 1856 году вышло въ свѣтъ задолго до того подготовлявшееся его главное сочиненіе: „Семейная хроника“, а два года спустя, „Дѣтскіе годы Багрова внука“. Эти сочиненія, представлявшія его семейныя и

личные воспоминанія, имѣли колоссальный успѣхъ. Всѣ журналы, всѣ критики, безъ различія взглядовъ, убѣжденій и направленій, признали эти сочиненія важнымъ вкладомъ въ русскую литературу. Съ этихъ поръ имя С. Т. Аксакова было увѣковѣчено въ исторіи русской словесности. Уже эти краткія замѣчанія о жизни и дѣятельности Аксакова указываютъ на высшей степени своеобразный характеръ мѣста, занимаемого имъ въ нашей литературѣ. Вполнѣ ясно и опредѣленно вырисовываются два вопроса, которые имѣютъ наиболѣе существенное значеніе для пониманія и оцѣнки таланта Аксакова: 1) какимъ образомъ онъ, родившійся при императрицѣ Екатеринѣ II, другъ и сторонникъ Шишкова, послѣдователь ложно-классической школы, могъ явиться 56 лѣтъ, съ такой силой и свѣжестью таланта, представителемъ натуральной школы, развившейся подъ вліяніемъ Гоголя? и затѣмъ 2) какъ могъ онъ приобрести такое почетное мѣсто въ литературѣ, рассказывая только о своихъ воспоминаніяхъ, да о такихъ, повидимому, мало-интересныхъ предметахъ, какъ уженье рыбы и ружейная охота? Чтобы отвѣтить на первый вопросъ, нужно познакомиться съ нѣкоторыми данными изъ жизни Аксакова; чтобы отвѣтить на второй, — надо сдѣлать общую характеристику таланта Аксакова, опредѣлить существенные элементы его литературнаго творчества.

Несложна и небогата внѣшними событіями и яркими фактами жизнь Аксакова. Родился онъ въ 1791 году въ городѣ Уфѣ Оренбургской губерніи. Дѣтство свое до восьмилѣтняго возраста провелъ онъ большею частью въ деревнѣ, среди, богатой природы Оренбургскаго края. Онъ родился мальчикомъ крайне болѣзненнымъ и нервнымъ. На второмъ году онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, которая еще болѣе расшатала его и безъ того не крѣпкіе нервы. Болѣзнь была странная, и выздоровленіе мальчика было чудомъ, по признанію самихъ докторовъ, не знавшихъ, какъ приступить къ ея лѣченію. Домашніе уже не чаяли видѣть его живымъ. „Покорись волѣ Божіей“, говорили они матери: „положи дитя подъ образа, затепли свѣчку и дай его ангельской душенькѣ съ покоемъ выйти изъ тѣла“. „Но съ гнѣвомъ встрѣчала такія рѣчи моя мать“, рассказываетъ Аксаковъ: „и отвѣчала, что покуда искра жизни тлѣется во мнѣ, она не перестанетъ все дѣлать для

моего спасенія, — и снова клала меня, безчувственного, въ крѣпительную ванну, вливала въ ротъ рейнвейну или бульону, цѣлые часы растирала мнѣ грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкія мои своимъ дыханіемъ, — и я, послѣ глубокаго вздоха, начиналъ дышать сильнѣе, какъ будто просыпался къ жизни“. „Замѣтивъ, что дорога какъ будто для меня полезна“, — продолжаетъ Аксаковъ: „мать ѣздила со мной безпрестанно“. Однажды дорогой „я почувствовалъ себя такъ дурно, такъ ослабѣлъ, что принуждены были остановиться: вынесли меня изъ кареты, постлали мнѣ постель въ высокой травѣ лѣсной поляны, въ тѣни деревьевъ, и положили меня, почти безжизненнаго. Вдругъ я точно проснулся и почувствовалъ себя лучше, крѣпче обыкновеннаго. Лѣсъ, тѣнь, цвѣты, ароматный воздухъ такъ мнѣ понравились, что я упросилъ не трогать меня съ мѣста. Такъ и простояли мы тутъ до вечера. На другое утро я почувствовалъ себя свѣжѣе и лучше противъ обыкновеннаго“. Такъ миновалъ кризисъ болѣзни и началось выздоровленіе. Мы съ намѣреніемъ остановились такъ подробно на болѣзни Аксакова. Эта болѣзнь служитъ какъ бы прологомъ, объясняющимъ все дальнѣйшее развитіе мальчика. Выздоровленіе свое, свое возвращеніе къ жизни Аксаковъ приписываетъ самоотверженной любви матери, ея неуспыннымъ заботамъ и попеченіямъ и животворной силѣ природы. „Моя мать не давала потухнуть догоравшему свѣтильнику жизни; она питала его магнетическимъ изліяніемъ собственной жизни, собственнаго дыханія, а двѣнадцати часовое лежаніе въ травѣ на лѣсной полянѣ дало первый благотворный толчокъ моему разслабленному тѣлесному организму“. Мать и природа были важнѣйшими факторами въ развитіи ребенка. Прирожденная нервность ребенка, развитая болѣзнь, получала новую пищу въ страстной, безумной любви матери, а отсутствіе сверстниковъ, одиночество сблизили его съ природой, заставили полюбить ее и развили въ немъ ту впечатлительность къ красотамъ природы, то замѣчательное знаніе всѣхъ ея явленій, которымъ мы удивляемся уже въ произведеніяхъ старца-писателя.

Въ первые годы послѣ этой болѣзни нервность ребенка дошла до крайней степени, до болѣзненности. Съ одной стороны она выража-

лась въ крайней чувствительности ко всякому страдающему существу: плачь больной сестры, жалобный визгъ слѣпого щенка и т. п. раздражали и волновали его, доводили до слезъ, почти до изступленія. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ сказокъ няни, развилась необыкновенно боязнь домовыхъ, мертвецовъ, привидѣній. Мальчикъ боялся темныхъ комнатъ, а одинъ разъ даже упалъ въ обморокъ, вообразивъ, что видитъ тѣнь умершаго дѣдушки. Въ скоромъ времени Аксаковъ переѣхалъ на житье въ имѣніе въ Оренбургской губ. Хотя нервы его и укрѣпились нѣсколько, но полного равновѣсія нормальнаго человѣка съ здоровыми нервами Аксакову никогда не удалось достигнуть. Нервная впечатлительность, восторженность, страстность увлеченій характеризуютъ его въ теченіе всей его долгой жизни. До восьми лѣтъ, т. е. до самаго поступленія въ гимназію, провелъ Аксаковъ большею частью въ деревнѣ, до самозабвенія увлекаясь и рыбной ловлей, и всякими охотами, и наслаждаясь красотами роскошной Оренбургской природы. Страстно привязанная къ сыну, мать ревновала его къ его увлеченіямъ, держала себя съ нимъ, какъ съ большимъ, повѣряла свои секреты, совѣтовалась. Это содѣйствовало преждевременному развитію вдумчиваго мальчика. Къ этому присоединилось еще и чтеніе. Мальчикъ увлекался сочиненіями Сумарокова и „Россіядой“ Хераскова. Самымъ любимымъ его дѣломъ было читать вслухъ „Россіяду“. Художническая натура Аксакова уже начинала сказываться въ его отношеніи къ чтенію. „Я обыкновенно читалъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ“, разсказываетъ онъ: „воображеніе мое такъ живо воспроизводило лица любимыхъ моихъ героевъ, что я какъ будто видѣлъ и зналъ ихъ давно; я дорисовывалъ ихъ образы, дополнял ихъ жизнь и съ увлеченіемъ описывалъ ихъ наружность; я подробно разсказывалъ, что они дѣлали передъ сраженіемъ и послѣ сраженія, какъ совѣтовался съ ними царь, какъ благодарилъ ихъ за храбрые подвиги и пр. Мать смѣялась; а отецъ удивлялся и одинъ разъ сказалъ: „откуда это все у тебя берется? ты не сдѣлайся лгунишкой“. Въ такой средѣ, подъ вліяніемъ матери, природы и чтенія, проходила жизнь нервнаго, впечатлительнаго мальчика, росшаго одиноко, безъ товарищей и сверстниковъ, до поступленія его въ гимназію. Поступленіе въ гимназію было важнымъ событіемъ въ

жизни мальчика: ему приходилось попасть совсѣмъ въ другую среду, жить другими впечатлѣніями, лишиться на время вліянія матери. Слабый организмъ мальчика не перенесъ такой рѣзкой перемѣны; сперва онъ тяжело заболѣлъ, вышелъ изъ гимназіи, но послѣ привыкъ къ новой жизни. Въ этой жизни его встрѣтило новое вліяніе умнаго, талантливаго, хотя и односторонняго педагога Карташевскаго, взявшагося слѣдить за воспитаніемъ Аксакова. Карташевскій былъ врагъ вводимыхъ тогда Карамзинымъ преобразованій въ русской литературѣ. Его вліянію въ этомъ отношеніи, конечно, подпалъ и Аксаковъ, и безъ того увлекавшійся ложноклассическими произведеніями, съ восторгомъ и наслажденіемъ декламировавшій стихи Хераскова. Гимназія, въ которой учился Аксаковъ, находилась въ Казани, гдѣ былъ въ то время театръ. Однажды его дядя, пріѣхавши въ Казань, свелъ мальчика въ этотъ театръ. Это было едва-ли не важнѣйшимъ событіемъ его гимназической жизни. Впечатлительный, склонный къ страстнымъ увлеченіямъ, да къ тому же самъ любившій декламировать стихи, мальчикъ увлекся театромъ до самозабвенія. Театръ поразилъ его воображеніе. Ученье пошло плохо. Въ университетѣ, который тогда только что открылся въ Казани, Аксаковъ также больше занимался театромъ, устройствомъ любительскихъ спектаклей, на которыхъ исполнялъ главные роли, выработкой правильной декламации и т. п., чѣмъ лекціями. Въ 1807 году Аксаковъ вышелъ изъ университета. Ему выдали аттестатъ, въ которомъ, по его собственному признанію, прописаны были „такія науки, которыя онъ зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали“. Увлеченія, которымъ не могла противиться его страстная натура, не могли выработать въ немъ твердаго, послѣдовательнаго характера. Преимуществомъ его художественной природы была способность бурно увлекаться всѣмъ дѣйствительно прекраснымъ и величественнымъ. Но эта же впечатлительность, отзывчивость природы были причиной того, что его гимназическіе и университетскіе годы не дали ему прочныхъ, солидныхъ, систематическихъ знаній, которыя достигаются только упорнымъ, неуклоннымъ трудомъ, къ которому не была способна его натура, непрерывно переходившая отъ одного увлеченія къ другому.

Окончивъ курсъ въ университетѣ, восторженный юноша, не воспитавшій въ себѣ ни глубокой любви къ наукѣ, ни серьезныхъ стремлений къ общественной дѣятельности, весь поглощенный страстью къ театру, поступаетъ въ Петербургѣ на службу переводчикомъ въ комиссію составленія законовъ. Но служба была не по душѣ нашему театралу. Онъ завелъ обширныя знакомства въ театральной мѣрѣ, цѣлые дни проводилъ съ актерами. Служба скоро наскучила ему. Какъ прежде ученье, такъ теперь служба казалась ему монотоннымъ, утомительнымъ занятіемъ, не дававшимъ пищи его страстной, порывистой натурѣ. Такъ какъ онъ не былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ, для чего также требуется упорный и постоянный трудъ, онъ принужденъ былъ спустя нѣкоторое время, уже послѣ женитьбы, опять поступить на службу для поправленія разстроенныхъ своихъ средствъ, сперва въ цензуру, затѣмъ директоромъ въ Константиновскій Межевой Институтъ въ Москвѣ. Но служба утомляла его, и онъ, наконецъ, 48 лѣтъ отъ роду, навсегда оставилъ ее и вышелъ въ отставку. Театральныя увлеченія Аксакова въ это время отступили на задній планъ. Онъ теперь со всею страстью своей пылкой и неохлажденной годами души увлекался славянофильскими идеями своего сына Константина и новой русской литературой, съ главнымъ представителемъ которой, Гоголемъ онъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Вліяніе сына съ его глубокими, искренними убѣжденіями, вліяніе Гоголя преобразили Аксакова, измѣнили все его литературныя вкусы. Гоголь представлялся ему недосыгаемымъ образцомъ совершенства. Вліяніе политическихъ убѣжденій Константина не было [глубоко, но вліяніе Гоголя сказалося глубокими слѣдами въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова. Онъ страстно предается литературнымъ занятіямъ. Неожиданный успѣхъ перваго крупнаго его сочиненія, „Записокъ объ уженіи рыбы“, въ обществѣ, одобреніе Гоголя и сыновей одушевили юнаго душой старца, и изъ-подъ пера его стали выливаться одно за другимъ произведенія, обогатившія русскую литературу новымъ, замѣчательнымъ и своеобразнымъ талантомъ. Съ тѣхъ поръ уже до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1859 году, Аксаковъ не оставлялъ литературной дѣятельности.

Теперь, познакомившись въ общихъ чертахъ съ жизнью Акса-

кова, мы имѣемъ возможность дать точный и вполне опредѣленный отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ въ началѣ лекціи вопросовъ: какимъ образомъ Аксаковъ, родившійся еще при императрицѣ Екатериинѣ II, воспитанный на образцахъ ложно-классической школы, могъ явиться, 56 лѣтъ, съ такой силой и свѣжестью таланта, представителемъ натуральной школы, явившейся подъ вліяніемъ Гоголя? Мы видимъ, что это была натура, крайне впечатлительная, страстная. Увлеченія легко овладѣвали этой отзывчивой на все прекрасное натурой, но эти же увлеченія препятствовали развитію въ Аксаковѣ твердаго, послѣдовательнаго характера и глубокихъ убѣжденій, какъ въ области политической и общественной жизни, такъ точно и въ области чисто литературной. Онъ не былъ убѣжденнымъ сторонникомъ ложнаго классицизма, хотя и восхищался тѣмъ, что находилъ тамъ прекраснаго и талантливаго. Будучи отъ природы чрезвычайно нервнымъ и впечатлительнымъ, онъ сохранилъ эту отзывчивость, эту свѣжесть души до глубокой старости, и переходя отъ одного увлеченія къ другому, онъ встрѣтился, наконецъ, съ Гоголемъ и его исполненными художественной правды сочиненіями. Эта правда поразила, очаровала, увлекла его и изъ глубины его старческой души вызвала новое, самое могучее и высокое изъ всѣхъ его многочисленныхъ увлеченій. Это было, говоритъ его біографъ, „какое-то особое благоговѣніе, поклоненіе генію, доходящее, такъ сказать, до идолопоклонства, поклоненіе, исключавшее всякую спокойную критику Гоголя“ *). Это увлеченіе Гоголемъ уяснило Аксакову задачи литературы, пробудило дремлющія въ немъ творческія силы и сдѣлало его однимъ изъ видныхъ представителей новой натуральной школы.

Если разсмотрѣніе жизни и характера Аксакова даетъ намъ вполне опредѣленное объясненіе его литературнаго направленія, то для объясненія успѣха Аксакова необходимо поближе разсмотрѣть самый характеръ его таланта. И такъ, возвратимся ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ: какъ могъ Аксаковъ приобрести такое почетное мѣсто въ русской литературѣ, разсказывая только о своихъ воспоминаніяхъ да о такихъ, повидимому, мало интере-

*) См. „С. Т. Аксаковъ“ В. П. Острогорскаго. Слб. 1891.